

МО
ССА
ЛИТ

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

С
К
И
И

№ 3 (17) 2015

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont
bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

**Журнал выходит в рамках проекта
«МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская**

**Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская**

**Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина**

**Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru**

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора Друзья уходят как-то невзначай...

Эх, моя студенческая юность! Весело было, радостно. Что ни праздник - а праздник случался тогда, когда его назначали, - то большая компания. Например, у кого-то родители уехали, хата свободна – ну чем не праздник?! Набиваемся все в маленькую хрущобу, которая на поверку все-таки оказывается резиновой, и ведь не тесно, места всем хватает. И поговорить есть о чем до утра, и гитара тихонько звучит. Из еды - что бог послал. Обычно он был не очень щедр, но бутылочкой вина всегда обеспечивал. Да и до еды ли, когда рядом единомышленники, друзья. День рождения! Вот это

праздник так праздник! Тут бог был намного щедрее - в лице родителей: стол организовывал что надо. Главное, чтобы все уместилось, и не забыть бы кого пригласить, а то обидятся. Друзья ведь.

И заводились друзья как-то на удивление быстро. Вот пришел однокурсник с другом, друг со своим другом, а тот со своей девушкой, а девушка с подружкой. Вот и новые друзья.

А потом вдруг побежало время, срывая на лету осенние листья, помчалось, и как-то стали друзья один за другим пропадать из поля зрения: кто уехал в дальние края вслед за удачей, кто-то просто затерялся в лабиринтах большого города, а кто-то умер... Все меньше становилось друзей, оставались только самые верные, но и они со временем куда-то делись. Даже те, кто казался несдвигаемой глыбой, вечными и самыми преданными, с кем на одной волне думал. И вдруг... И из всей этой разношерстной компании, веселой и неугомонной, один друг только и остался. Да и с тем встречаешься по случаю дней рождения детей.

Выросли мы, изменились, в одиночку прошли все этапы взлетов и падений, в одиночку переосмыслили события, а с кем-то и по политическим мотивам разошлись. И вот результат: разные жизни, разные интересы, разные мысли. Да и обиды старые стали ярче, прощать труднее, и времени на друзей совсем не хватает. Друзья – это работа, трудная и ответственная. А отдачи порой нет. Вот и утекает дружба, как ручеек, стекает в Лету, питает ее своими водами, а жизнь продолжается. Дни рождения уже не радуют, все больше детские празднуем, Новый год встречаем в кругу семьи или уезжаем куда подальше, свободное время хочется посвятить себе, любимым: на диванчике с книжкой поваляться, или в спортзал выбраться, или на дачу махнуть. Времени катастрофически мало. Вроде бы и надобность в друзьях отпадает. А тут еще и социальные сети очень кстати появились, недостатка в общении нет, новые френды каждый день добавляются.

Вот и получается, что время от времени, пересекая очередные жизненные рубежи, остается человек один, без старых друзей. Новый этап – новые люди. И не так чтобы дискомфортно, но какая-то грустинка в душе есть. И тоска по прошлым компаниям, по философским спорам до утра, по недетским обидам.

А может, оно и правильно? Времени остается все меньше, а успеть хочется так много! Принимать человека таким, какой он есть, уже не получается, невольно производишь отбор по общим интересам, по общему делу, по единомыслию. Общего прошлого уже недостаточно. Оно не держит, лопнули нити, болтаются жалкие обрывки. И те новые люди, которых так

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

трудно назвать друзьями - уж слишком весомым становится это слово с возрастом, - влекут все больше. Интереснее с ними. Комфортнее. Лучше.

Так кто есть друг? Может быть, тот, кто на этом этапе идет нога в ногу, делает общее с тобой дело, думает на одной волне? И пусть завтра его не будет, потому что он только попутчик, временно оказавшийся на одной дороге, до ближайшего поворота, но здесь и сейчас он есть, и он нужен. Да и скоро ли этот поворот, а то, может, до него еще идти и идти... Или тот, с кем когда-то сросся душами, а теперь вот разорвать эту связь невозможно - то ли по уму, то ли по сердцу, - как трудно разделить сиамских близнецов? Вот выполнил человек свою задачу, а отпустить его не хочется. А ведь кого-то отпускаешь не задумываясь.

И все же так хочется сказать своим друзьям, и тем, кто уже давно растворился в тумане времени, и тем, кто сейчас рядом: спасибо! Просто за то, что были. И за то, что есть. За радость общения, за умные мысли и благородные поступки, даже за предательство, потому что это опыт. Спасибо, дорогие мои! Будьте здоровы!

*А мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам.*

Ваша Светлана Сударикова

В. Топоногова. Академическая дача. Старый дуб. Картон, масло, 30х40, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

«РАЗРЕШИТЕ ВАМ НАПОМНИТЬ О СЕБЕ...»

Интервью с заведующей библиотекой № 42 (68) им. Андрея Платонова Тamarой Николаевной Журовой

6

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ВЕСЬ МИР ДОЛЖЕН СТАТЬ РАВЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ – В ЭТОМ ИСТИНА. ВОТ В ЧЕМ ВСЯ СУТЬ

11

«МИР ПЛАТОНОВСКОЙ ПРОЗЫ – МИР ТРУЖЕНИКОВ, ЛЮДЕЙ ЗЕМЛИ, МАСТЕРОВ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ В ПРЕКРАСНОМ, НО ЯРОСТНОМ ПО СВОЕЙ СУТИ МИРЕ»

Беседа с главным библиотекарем библиотеки № 42 (68) им. Андрея Платонова В. А. Данилюк о наследии А. Платонова

14

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ

18

ПРОЗА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- НЕСПЕШНОСТЬ II. ОСЕНЬ

24

ВЛАДИМИР КУРАШ (Киев, Украина)

- СЕРЕБРЯНАЯ ПУЛЯ

57

ВИКТОР ФЕДОРОВ (Находка)

- НЕВЯЗКА

62

- УМКА

66

ВЕРОНИКА ЧЕРНЫХ (Москва)

- КОЛОКОЛ СЕМФОРИАНА

71

- ЛАМПА С БЕГУЩЕЙ ВОЛНОЙ

79

АЛЕНА ЧУБАРОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- РЕЦЕПТ НА МУЖЧИНУ

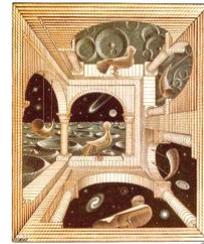
90

- НОВЕЙШАЯ ТЕРАПИЯ

91

ПОЭЗИЯ

- НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)
 АННА ТАРАБРИНА (Находка)
 АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (Одесса, Украина)
 ЕВГЕНИЯ ХУДЯКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

93
 119
 122
 126

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

- ОЛЬГА КАЩЕНКО (Москва)
- ТРИ ЖЕЛАНИЯ
 - ПИСЬМА К ВООБРАЖАЕМОМУ МУЖУ
 - КАК Я ТРАКТОР ВОДИЛА

132
 133
 136

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

- ВЛАДИМИР БОРИСОВ (МОССАЛИТ, Москва)
- *ВОВКИНА ЗВЕЗДОЧКА, или ОНА БЫЛА КРАСИВАЯ И ГОЛУБАЯ*
- ВЕРОНИКА ЧЕРНЫХ (Москва)
- ГОЛУБЬ В КОРОБКЕ

138
 141

СТОЛИК У ОКНА

- Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)
- МИР БУДУЩЕГО, или ПОЛЕТЫ НАЯВУ

143

*В оформлении журнала использованы
 репродукции картин М. К. Эшера, В. Топоноговой, В. Шилиева, рисунок А. Народицкой;
 фотографии из архивов Библиотеки № 42 (68) им. А. Платонова, О. Кащенко.
 На обложке репродукция картины В. Топоноговой «Дары осени», холст на картоне, масло, 2014.*

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Интервью с заведующей библиотекой
№ 42 (68) им. Андрея Платонова
Тамарой Николаевной Журовой

«РАЗРЕШИТЕ ВАМ НАПОМНИТЬ О СЕБЕ...»

Московский BAZAR (МВ): Библиотека имени Андрея Платонова существует уже очень давно. Не знаю точно, когда она была в Москве открыта, но то, что я (Ольга Грушевская) девятиклассницей ходила в читальный зал библиотеки, это я хорошо помню. Мы тогда только переехали из района станции метро «Речной вокзал» в район «Аэропорт», я ходила в 715-ю школу, ну и частенько готовилась и по литературе, и по истории по книгам из Платоновки.

Тамара Николаевна Журова (ТН): Библиотека существует с 1954 года. Не одно поколение учащихся и студентов выросло в стенах Платоновки. Не так давно мы проводили конкурс на самого «старого» нашего читателя. Им стал Марк Ефимович Зак – российский киновед, кинокритик, доктор искусствоведения. Его читательский стаж насчитывает 47 лет!

МВ: А как обстоят дела сегодня? Каков основной состав читателей, посетителей библиотеки? Читают ли люди?

ТН: Конечно же, люди читают! Правда, в последнее время немного изменился состав читателей: наметилась тенденция к увеличению пользователей пожилого возраста, соответственно требования к литературе также претерпели изменения – увеличился спрос на мемуарную и историческую литературу.

МВ: Но шли годы... Все выросли, кое-кто стал писать и проявил себя как писатель (смеются). И вот уже я пришла в Платоновку в совсем другой роли - как представитель литературного сообщества «Моссалит», объединившего большое количество современных московских писателей. Я тогда появилась у вас вместе с другим нашим активным участником сообщества Анной Народицкой. И это было... в марте 2010 года! И мы тогда не только познакомились, но вы любезно приняли авторов нашего «Салона» в свои теплые объятия, и вот уже более пяти лет «Моссалит» имеет возможность проводить творческие встречи в вашей уютной литературной гостиной. Мы уже и сами считаем литгостинию моссалитовской площадкой. А с 2014 года мы начали организовывать на вашей базе и художественные выставки современных московских художников. Не жалеете, что приютили нас?

ТН: Напротив, мы только рады нашему творческому союзу! Считаю, что наши коллективы удачно дополняют друг друга.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

МВ: Спасибо! Напросились на комплимент. Но сделали это сознательно. И вот почему. Наши авторы действительно очень стараются выступить не просто хорошо, а выбрать и познакомить слушателей с чем-то новым и особенно удачным, и происходит это в первую очередь потому, что в литгостиной царит особая неформальная и очень доброжелательная обстановка. Нам очень полюбились внимательные и литературно чуткие посетители библиотеки, которые стали нашими постоянными гостями.

Список сотрудников (слева направо):
Наталья Юрьевна Русских, Вера Арсеньевна Данилюк,
Тамара Николаевна Журова, Ольга Владимировна
Клавдиева

И, конечно же, в этой связи хочется поговорить о тех людях, которые смогли создать такую атмосферу доброжелательности и профессионального подхода к автору. Поговорить о сотрудниках библиотеки.

ТН: В нашей библиотеке работает дружный, устоявшийся коллектив, который принимает самое активное участие в проведении досуговых и познавательных мероприятий. Но на долю Веры Арсеньевны Данилюк, главного библиотекаря, приходится основная творческая нагрузка. Вера Арсеньевна – человек колоссальной жизненной силы, творческой энергии, к каждому читателю она находит свой подход и теплое слово, что в наши дни особенно необходимо.

МВ: Мы знаем, что сотрудники библиотеки ведут колоссальную работу по организации различных мероприятий. Какие бы вы хотели отметить особо?

Главный библиотекарь
Вера Арсеньевна Данилюк

ТН: Один раз в месяц в библиотеке проходят встречи клуба любителей поэзии «Северное сияние», где обсуждается поэтическое творчество самих членов клуба, проводятся литературно-поэтические конкурсы, поэтические вечера и презентации поэтических сборников, встречи с поэтами, музыкантами и артистами. Ежегодно проводятся поэтические конкурсы, посвященные памятным датам. Так, в этом году мы организовали и провели литературно-поэтический конкурс «Бессмертен твой

Встреча с ветеранами района Аэропорт

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

подвиг, солдат!», посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В следующем - 2016 году, мы решили провести поэтический конкурс «Отзовись, Русь колокольная...», посвященный Году искусств в России. Также мы планируем расширить и географию участников: если раньше мы проводили подобные мероприятия среди жителей прилегающих к библиотеке районов, то теперь в нашем конкурсе могут принять участие жители, обладающие поэтическим даром, всего Северного административного округа Москвы! Конечно же, это и полюбившиеся нам литературные вечера «Московского Салона Литераторов», которые мы называем «Воскресный калейдоскоп».

МВ: Как уже говорилось выше, наш «Салон» на базе библиотеки ежемесячно проводит художественные вернисажи. Успешно прошли выставки московских художников, таких как Дмитрий Попов, Евгения Кокорева, Мария Панфилова, Инна Мень, Игорь Бурдонов, Светлана Акчурина, Александр Белугин, Виктория Топоногова. Сейчас готовится выставка Кадрии Галеевой. Но моссалитовские вернисажи ведь не единственное художественное направления в работе Платоновки, да?

ТН: Да, конечно. В настоящее время у нас представлена выставка воронежской художницы Натальи Коньшиной – иллюстратора собрания сочинений Андрея Платонова, вышедшего в издательстве «Время». Творческое сотрудничество связывает нас и с ГБОУ СОШ № 1251: работы маленьких воспитанников также неоднократно были представлены в библиотеке.

Авторы «Московского Салона Литераторов»,
(циклы встреч «Воскресный калейдоскоп»)

Выступление группы «Арпеджио»

МВ: И это еще не все! Мы забыли про музыкальную составляющую! Платоновка неразрывно связана с музыкальными встречами.

ТН: Вы совершенно правы. Много лет мы сотрудничаем с музыкальной группой «Арпеджио» (художественный руководитель Ирина Рассадина), при содействии которой у нас организуются литературно-музыкальные праздники и вечера романсов. Но и этого мало, наших посетителей мы также радуем театральными мероприятиями, благодаря тесному сотрудничеству с режиссером, членом Союза кинематографистов России Сергеем Сергеевичем Гурзо, экскурсионно-театральным

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

центром «Огни столицы» в лице его художественного руководителя - поэтессы, члена Союза писателей России Александры Ирбе. С большим успехом у нас выступали исполнительницы русского романса Елена Орловская и Александра Пищугина. В канун празднования 70-летия Победы необычную программу на тему песен военных лет подготовила постоянная солистка театра «Геликон-опера» Екатерина Требелева.

МВ: А мы еще можем добавить, что на встречах «Моссалита» в литгостиной часто присутствует и театр «Комедиантъ». Его художественный руководитель Алёна Чубарова и режиссер Ирина Егорова - прекрасные литераторы.

«Встреча двух поэтесс»: Александра Ирбе и Нина Краснова. На фото: сидят Т. Н. Журова (слева) и поэтесса Нина Краснова; стоят Александра Ирбе (слева) и В. А. Данилюк

ТН: Это замечательно, что театр находится в руках профессионалов. Ведь вопреки расхожему мнению Станиславского, что театр начинается с вешалки, можно с уверенностью сказать, что театр начинается с крепкой литературной базы. Мы же, в свою очередь, хотим поздравить Алену Чубарову с победой в конкурсе «В поисках новой пьесы» и уверены, что ее пьеса «Ягина, или Первая любовь последней амазонки» обретет творческое долголетие.

Приглашение школьников на очередной Платоновский урок

МВ: А теперь вернемся как бы в самое начало нашего разговора, вернее, перейдем к теме, с которой правильнее было бы начать наше интервью. Библиотека носит имя Андрея Платонова, и в ней представлено множество материалов о знаменитом писателе. Откуда материалы, как они представлены, кто с ними работает? Расскажите об этом.

ТН: Библиотека служит активным вестником жизни и творчества писателя А. П. Платонова. С этой целью осуществляется тесное сотрудничество с целым рядом организаций и частных лиц, непосредственно связанных с именем писателя: членом-корреспондентом Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького Натальей Васильевной Корниенко, с Российским Государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ), Государственным литературным музеем, Литературным институтом им. А. М. Горького, литературоведом и

писателем Виктором Андреевичем Чалмаевым, Антоном Мартыненко – внуком писателя А. П. Платонова, Екатериной Григорьевной Луценко – заведующей кафедрой литературы XX века Воронежского Государственного университета, писателем Олегом Григорьевичем Ласунским из Платоновского фонда (Воронеж), Воронежской ЦГБ им. Андрея Платонова, ЦДБ № 124 им. Н. Ф. Федорова (Москва) и художником-графиком Натальей Коньшиной –

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

иллюстратором собраний сочинений А. П. Платонова, чья выставка, как уже говорилось выше, представлена в литературной гостиной читального зала библиотеки.

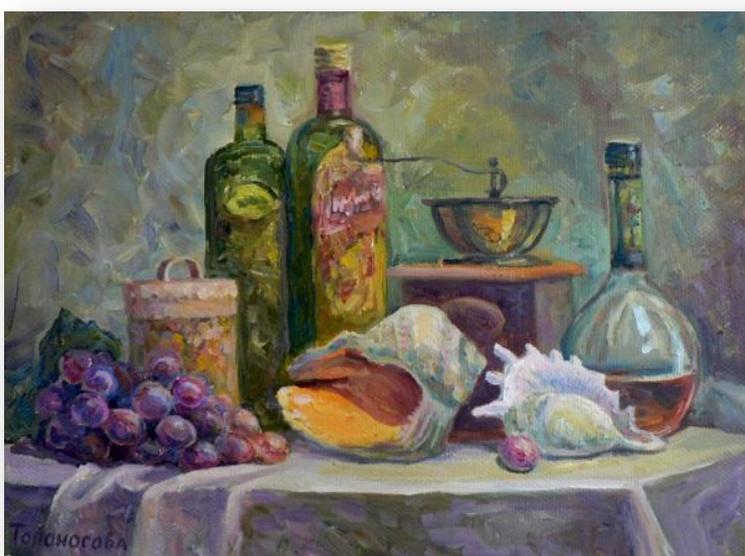
МВ: Все это очень серьезно! Обширная деятельность! А предполагает ли такая деятельность популяризацию творчества Андрея Платонова, ведь писатель он не простой и нужна даже некоторая подготовка для чтения его произведений?

Вера Арсеньевна Данилюк с учащимися на Платоновских уроках

ТН: Конечно же, предполагает. Именно привлечение к творчеству Платонова современных молодых читательских кругов и имеет своей конечной целью наша исследовательская и архивная деятельность. При содействии всех перечисленных партнёров библиотека круглогодично предлагает писательские вечера, выставки, чтения, встречи и обсуждения. Специально для студентов колледжа автомобильного транспорта № 9 (Москва) и учеников лицея № 1575 (Москва) библиотека проводит регулярные Платоновские уроки.

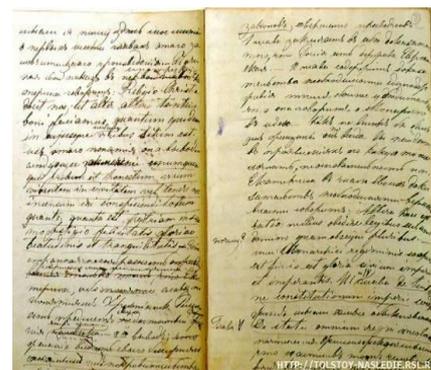
МВ: Ну что ж, это замечательно! Думаю, более подробно об Андрее Платонове мы расскажем нашим читателям в рубрике «Наше наследие», и в этом нам поможет сотрудник Платоновки главный библиотекарь Вера Арсеньевна Данилюк.

В. Топоногова. Натюрморт с ракушками. Холст, масло, 30x40, 2015

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Андрей Платонов: «ВСЬ МИР ДОЛЖЕН СТАТЬ РАВЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ – В ЭТОМ ИСТИНА. ВОТ В ЧЕМ ВСЯ СУТЬ»

Материал подготовлен Светланой Судариковой

*Все возможно - и удастся все,
но главное - сеять души в людях.*

Андрей Платонов

*Писатель Андрей Платонов
(Андрей Платонович Климентов)*

«Он был когда-то нежным, печальным ребенком, любящим мать, и родные плетни, и поле, и небо над всеми ими... Ночью душа вырастала в мальчишке, и томились в нем глубокие сонные силы, которые когда-нибудь взорвутся и вновь сотворят мир. В нем цвела душа, как во всяком ребенке, в него входили темные, неудержимые страстные силы мира и превращались в человека. Это чудо, на которое любитесь каждая мать каждый день в своем ребенке. Мать спасет мир, потому что делает его человеком».

И эти силы взорвались, и мир был создан. Удивительный, ни на что не похожий мир Андрея Платонова. Мир человека, и прежде всего, человека, помещенного в движение и потрясения XX века, в вихрь событий, водоворотов, переустройство существующего строя с его безжалостным уничтожением всего старого, чтобы на обломках построить что-то новое. Это было время потрясений, когда менялось все: мораль, нравственность, искусство, архитектура и, конечно,

человек. Мир «прекрасный и яростный», но не похожий ни на один из миров, царивших в литературе начала прошлого века. Потому что на первом месте у Платонова всегда остаются гуманистические проблемы, проблемы нравственности. Вихри времени не обошли Платонова - как и многие современники, он был новатором, искал новые пути в искусстве, новые слова, новые формы. Отсюда его удивительный, ни на что не похожий язык. Он говорит тихо и неспешно, и даже немного грустно, говорит потрясающим языком, каким-то даже нелепым, странным, простоватым, лишенным цветистых красотостей, и в то же время необыкновенным, насыщенным оригинальными стилистическими новациями и формами. Кажется, несочетаемые, невозможные обороты превращаются у Платонова в глубокий, оригинальный, созерцательный стиль. Его мир лишен ярких красок, он приглушен и тих, как осенний вечер, но за этой с виду неспешной сумрачностью прячется буря.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

«...земля из-под деревьев переходила в овражные ущербы и в еще несверстанную чересполосицу ржанных наделов».

«...чувствуя в себе хорошую силу, собранную изо всех остатков жизни».

«Рот его отворился в изнеможении сна, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера и оздоравливал его там».

«Ее большие, открытые темные глаза были наполнены блестящей силой детства и зачинающейся юности...»

«Слабая ночь шла над ним...»

«У кого в штанах лежит билет партии, тому надо непрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда».

А. Платонов с женой и сыном

Как и все литераторы новорожденной Советской республики, Платонов пишет о новом быте, о молодой Советской стране, о строителях коммунизма. И вроде бы живут в рассказах Платонова такие же комсомольцы, такие же советские люди, строят новую жизнь, мечтают построить город-сад, где «встанут стройки стенами» и «за Байкал отброшенная попятится тайга». Да не получается у Платонова как у Маяковского. Он все доводит до абсурда, до гротеска. Все у него как-то неправильно, не так. И рабочие с крестьянами тоже какие-то не такие, не правильные. Вот комсомольцы в романе «Чевенгур» начинают строить новую жизнь в городе-коммуне Чевенгур, заставляя всех жить по-новому. Очищают город от «остаточной сволочи» - буржуев, а вместе с ними уничтожают хозяйство.

В результате жители бегут, а напавшие солдаты окончательно уничтожают город. Не могут у Платонова люди «побороть своего ничтожного безумия, чтобы создать будущее время». Печальная сатира на происходящее в стране, политико-философская аллюзия, не лишенная в то же время лирики. Платонов не смеется над своими героями, он их жалеет. Разумеется, подобные представления о новом быте не могли понравиться, и Платонова не печатают. Сталин говорит о нем: «Талантливый писатель, но сволочь». А Платонов продолжает писать, создавая новых нелепых героев, бредущих по жизни в поисках чего-то лучшего, что невозможно ни узнать, ни достигнуть, потому что «человек ищет смысла, будучи сам смыслом, хочет изменить мир и не знает для того хорошего оружия, а всякое оружие находится в его же руках».

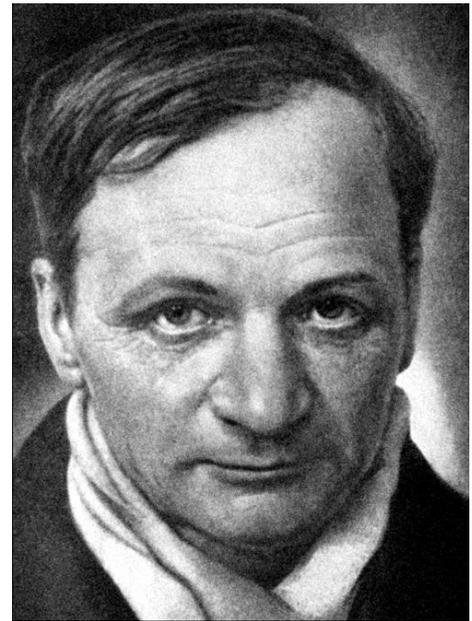
Андрей Платонович Климентов родился 20 августа (1 сентября) 1899 года в Воронеже Ямской слободы. Учился в церковно-приходской школе, затем в городской четырехклассной школе. Однако в пятнадцать лет он был вынужден бросить учебу и пойти работать. Работает поденщиком в конторе страхового общества «Россия», помощником машиниста, литейщиком. Революцию принимает с восторгом. В 1918 году поступает в Воронежское железнодорожное училище, где и начинает писать. Принимает участие в Гражданской войне в качестве фронтового корреспондента.

После войны окончил Воронежский политехнический институт, работал мелиоратором, руководил строительством Воронежской электростанции. Но это не мешало ему заниматься литературой. В воронежских газетах и журналах он публикует стихи и рассказы. Именно в этот период Платонов одержим идеями строительства нового мира «мысли и металла», он подает

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

заявление о вступлении в РКП(б) и даже ратует за подавление влечений пола для наступления скорейшего всеобщего братства. Но философские искания, увлечение работами К.Э. Циолковского, В.В. Розанова, Н.Ф. Федорова постепенно меняют мировоззрение Платонова. Особенно сильное впечатление на писателя произвели трагические последствия коллективизации. В его произведениях появляются мысли о бездумном, бездуховном труде, приводящем в итоге к трагедии. В 1927 году, после переезда в Москву, выходит сборник «Епифанские шлюзы», где в гротескной форме дается устрашающая метафора облика современности. Платонов высмеивает свои бывшие утопические взгляды об отказе от плотской любви в угоду общественной деятельности («Антисексус»), он окончательно расстается с прежними идеями.

С 1927 по 1931 год Платонов пишет свои лучшие произведения: «Чевенгур», «Котлован», «Ямская слобода», «Город градов», «Че-че-О». Однако сотканые из парадоксов и витиеватого языка произведения писателя не находят отклика среди современников. Его странные герои, пугающие сюжеты скорее отталкивают. Его представления о новом мире никак не вяжутся с восторженными статьями в газетах о строительстве коммунизма и зарождении новой общности рабочих и крестьян. После рассказа «Усомнившийся Макар» Платонова перестают публиковать, обвинив в анархо-индивидуализме. Изредка его произведения появляются под псевдонимами Ф. Человеков, А. Фирсов и другими. В Москве Платонов сначала живет в общежитии на Лубянской площади, затем в стройтресте в Покровском-Стрешневе, а затем снимает квартиру в пристройке в

Андрей Платонов

здании Литературного института, где и живет до конца жизни, работая дворником, в то время как «по дворику бегали гении литературы, одержимые достоинством». Платонов, как и многие писатели того времени - Хармс, Паустовский, - начинает писать сказки. В 1933 году после поездки по Туркмении в составе группы писателей Платонов пишет фантастическую повесть «Джан» об идеалисте Чагатаеве, одержимом идеей коммунистического переустройства мира. В завуалированной форме писатель показывает свое отрицательное отношение к этим идеям.

В годы войны Платонов становится фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». В газете появляются его очерки и рассказы и, пожалуй, самый сильный и глубокий рассказ «Возвращение», вызвавший яростную критику за «гнусную клевету» в адрес советской семьи.

Существует версия, что именно Платонов написал за Шолохова роман «Они сражались за Родину».

После войны Платонов вновь вычеркнут из литературы. Его не печатают. Его почти не знают.

5 января 1951 года Андрей Платонов умер от туберкулеза, заразившись от вернувшегося из лагерей сына. Похоронен на Армянском кладбище в Москве.

«Равнодушие может быть страшнее боязливости – оно выпаривает из человека душу, как воду медленный огонь, и когда очнешься – останется от сердца одно сухое место».
А. Платонов.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Беседа с главным библиотекарем заведующей библиотекой № 42 (б8) им. Андрея Платонова Верой Арсеньевной Данилюк

«МИР ПЛАТОНОВСКОЙ ПРОЗЫ – МИР ТРУЖЕНИКОВ, ЛЮДЕЙ ЗЕМЛИ, МАСТЕРОВ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ В ПРЕКРАСНОМ, НО ЯРОСТНОМ ПО СВОЕЙ СУТИ МИРЕ»

Вера Арсеньевна Данилюк (ВА): С каждым годом интерес к творчеству Андрея Платонова растет как в России, так и за ее пределами. Забытый на многие десятилетия, он возвращается во всем блеске своего таланта. Теперь именем Платонова гордится литературная Россия, а мы гордимся тем, что наша библиотека носит его имя. Сейчас в российской культуре наблюдается огромный интерес к творческому наследию А. П. Платонова: переиздаются книги писателя, выходят в свет литературные труды и монографии платоноведов, по произведениям писателя снимаются фильмы и ставятся пьесы. Ежегодно в Воронеже проходит Международный Платоновский фестиваль искусств, здесь же, в Воронеже, родилась и обрела своих первых номинантов Всероссийская литературная премия им. А. П. Платонова. А как иначе? Ведь Платонов – современник вечности и, конечно же, наш современник.

Андрей Платонов – писатель с посмертной славой. Трагическая судьба не дала развернуться его таланту во всю силу. Читая его произведения, осознаешь всю сложность, драматизм и бессмертие его искусства. Открывается удивительный мир, потрясающий своей наивной и мудрой добротой. Его сердечное сострадание к людям, прозорливость помогают нам и сегодня. Мир платоновской прозы – мир тружеников, людей земли, мастеров, изобретателей, живущих в прекрасном, но яростном по своей сути мире.

Московский BAZAR (МВ): *Расскажите, с чего началось превращение обычной районной библиотеки в библиотеку им. А. П. Платонова – Платоновку?*

ВА: Московская библиотека № 42 (бывшая № 68) носит имя Андрея Платонова уже четверть века. За эти годы наш фонд произведений Платонова приблизился к полутора тысячам единиц хранения. Это прежде всего книги, аудио- и видеозаписи, кино- и фотоматериалы, копии документов.

МВ: *Понятно, что этот фонд для вас – особенный. Как же он складывался? Предположу, что непросто.*

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

ВА: Фонд складывался общими усилиями. На книжных развалах, в антикварных магазинах мы находили разные издания книг Платонова. Мы также обратились к землякам Платонова – воронежцам, с просьбой о помощи в пополнении фонда библиотеки редкими изданиями. Так, от воронежского литературоведа Олега Ласунского мы получили в дар книгу «Житель родного города», повествующую о детских и юношеских годах жизни писателя. Художница из Воронежа, наш давний друг Наталья Коньшина, преподнесла в дар книгу сказок А. Платонова с авторскими иллюстрациями. Свои исследовательские труды и книги о творчестве Андрея Платонова дарит нашей библиотеке наш постоянный читатель - литературовед, писатель Виктор Чалмаев.

Писатель Андрей Платонов

Мы активно сотрудничали с дочерью писателя Марией Андреевной, теперь поддерживаем дружеские отношения с его внуком Антоном Мартыненко. Антон подарил нам более ста экземпляров книг своего деда, неоднократно бывал в нашей библиотеке на мероприятиях, посвященных памяти писателя.

Сегодня наш платоновский фонд не ограничивается изданиями произведений Платонова на русском языке. В подарок от читателей мы получили сборник рассказов Платонова на чешском языке, литературовед, член-корреспондент РАН Наталья Корниенко подарила «Котлован» на английском языке. Но большую часть изданий на иностранных языках, среди которых немецкий, турецкий, польский, голландский, подарил нам Антон Мартыненко. Все это демонстрируется на выставках в читальном зале библиотеки. Кроме того, нам удалось приобрести два уникальных прижизненных издания Андрея Платонова – сборник стихов, причем единственный (!), «Голубая глубина» 1922 г. и книгу короткой прозы «Рассказы о Родине» 1943 г. Мы также стараемся комплектовать свой фонд изданиями, выходящими по тематическим планам издательств: как непосредственно произведениями А. Платонова, так и литературой о нем.

МВ: По каким направлениям вы знакомите своих читателей с произведениями А. Платонова?

Тематический стенд в холле

ВА: Мы стараемся знакомить читателей не только с произведениями этого замечательного писателя, но и с его жизнью. Таких направлений несколько. Прежде всего это наглядная пропаганда. Как только заходишь в нашу библиотеку, сразу можно понять, что к наследию писателя мы относимся очень серьезно, внимательно и с любовью. Первое, что видит читатель, великолепный фотопортрет Андрея Платоновича. Уже в фойе можно ознакомиться со стендом «Дорога жизни Андрея Платонова», где поэтапно расписано

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

все творчество писателя. Стенд иллюстрирован редкими фотографиями, взятыми из литературных архивов. Также в фойе оформлен стенд «Читая Андрея Платонова», где представлены новые издания произведений автора. Основная экспозиция – в читальном зале библиотеки. Выставки – постоянно действующие, периодически обновляются по мере поступления новых материалов. Например, «Андрей Платонов и современность». Здесь представлены недавно изданные книги А. Платонова, DVD с редкими фильмами и спектаклями, которые можно посмотреть только в библиотеке.

Тематическая выставка в читальном зале «Платонов и современность»

МВ: Стены вашей литгостиной украшают удивительные картины. Если не секрет, то несколько слов об их авторе...

ВА: Не секрет. Это картины талантливой художницы Натальи Коньшиной, созданные по произведениям А. Платонова. Наталья свое творчество посвятила знаменитому земляку. В стенах библиотеки проводилась презентация ее работ. Автор демонстрирует собственное восприятие творчества писателя. Гуашь и тушь, пастель и темпера не конкурируют между собой, а только дополняют друг друга, оттого герои Платонова выглядят живыми, с четко прорисованным характером, одновременно и с восторгом, и с опаской смотрящими на окружающий их мир. Добавлю, что на выставке представлено около сорока картин.

МВ: Андрей Платонов считается довольно «трудным» писателем. Как вы привлекаете молодежь к восприятию непростой прозы Платонова?

ВА: Мы убеждены, что начинать знакомство с творчеством А. Платонова надо с детства, ведь у писателя много детских рассказов и сказок. Мы проводили Платоновские чтения в школе № 1251, где дети по прочитанному отобразили в своих рисунках мир платоновских героев. Кроме того, с 2000 г. в библиотеке проводятся Платоновские чтения и Платоновские уроки. Их прошло более двух десятков. Частые гости в нашей библиотеке – учащиеся колледжа автомобильного транспорта № 9, лицея № 1575 и театрально-художественного колледжа № 60. На Платоновских чтениях выступали режиссер С. С. Гурзо и др. На Платоновских уроках мы

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

показываем художественные фильмы, видеоспектакли, созданные по произведениям А. П. Платонова, видеопередачи о творчестве писателя. Ребятам они очень нравятся.

МВ: Мы слышали, что у вас в библиотеке есть Платоновская комната. Расскажите о ней поподробнее.

ВА: Мы организовали Платоновскую комнату с уголком писателя. В этой комнате стоит рабочий стол (ну почти такой же, как был у Платонова). На столе – любимые книги: Гоголь, драматические произведения В. Киршона, с которым писатель был дружен. Все книги были изданы при жизни А. П. Платонова. На рабочем столе примостилась забавная фигурка чертика – точная копия платоновской. Имеется огромный памятный альбом, названный словами самого автора – «Живое время, весь я твой...». В альбоме сотни фотографий и вырезок из периодической печати о творчестве писателя. Все это находится в открытом доступе, и каждый посетитель может ознакомиться с материалами. Нередко мы помогаем студентам, которые пишут рефераты, курсовые, дипломы по творчеству Андрея Платонова. Многие в знак благодарности приносят нам на память свои работы.

МВ: Насколько мне известно, библиотека поддерживает активные связи с деятелями культуры...

ВА: Несомненно. Мы обратились к известным режиссерам Галине Волчек и Олегу Табакову, поставившим в своих театрах пьесы А. Платонова. Получили в дар от театра «Современник» запись спектакля «Шарманка». Олег Павлович прислал нам запись спектакля «Рассказ о счастливой Москве», идущий в «Табакерке». Наша видео- и аудиоколлекция теперь немалая. Из красногорского киноархива получили документальный фильм «Не умирай никогда!», посвященный жизни А. П. Платонова. У нас есть фильмы «Возлюбленные Марии» Андрея Кончаловского, «Отец» Владимира Звягинцева, «Фро» Резо Эсадзе. Представлены аудиокниги «Река Потудань», «Потомки солнца», «Котлован», «Возвращение», сказки и рассказы для детей. Все перечисленное – лишь малая толика того, что есть в библиотеке. Приходите к нам в гости, и вы все сами увидите!

В. Топоногова. Нежность. Картон, гуашь, 2014

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Андрей Платонов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ

Пожилой человек любил транспорт наравне с кооперативами и перспективой будущего строительства. Утром он закусывал вчерашней мелочью и выходил наблюдать и наслаждаться. Сначала он посещал вокзал, преимущественно товарные платформы прибытия грузов, и там был рад накоплению товаров. Паровоз, сопя гущей своих мирных сил, медленно осаживал вагоны, полные общественных веществ: бутылей с серной кислотой, бугров веревок, учрежденской клади и необозначенных мешков с чем-то полезным. Пожилой человек, по имени Петр Евсеевич Веретенников, был доволен, что их город снабжается, и шел на платформу отправления посмотреть, уходят ли оттуда поезда в даль Республики, где люди работают и ожидают грузов. Поезда уходили со сжатыми рессорами, – столько везли они необходимой тяжести. Это тоже удовлетворяло Петра Евсеевича, – тамошние люди, которым назначались товары, будут обеспечены.

Невдалеке от станции строился поселок жилищ. Петр Евсеевич ежедневно следил за ростом сооружений, потому что в теплоте их кровля приютятся тысячи трудящихся семейств и в мире после их поселения станет честней и счастливей. Покидал строительство Петр Евсеевич уже растроганным человеком – от вида труда и материала. Все это заготовленное добро посредством усердия товарищеского труда вскоре обратится в прочный уют от вреда осенней и зимней погоды, чтобы самое содержание государства, в форме его населения, было цело и покойно.

На дальнейшем пути Петра Евсеевича находился небольшой, уже использованный сельской общественностью лес, лишь изредка обогащенный строевыми, хотя и ветшающими соснами. В межевой канаве того малого леса спал землемер; он был еще не старый, но изжитый, видимо, ослабевший от землеустройства человек. Рот его отворился в изнеможении сна, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера и оздоравливал его там, чтобы тело вновь было способно к землеустройству пахарей хлеба. Человек отдыхал и наполнялся счастьем попутного покоя; его инструменты – теодолит и мерная лента – лежали в траве, их спешно обследовали муравьи и сухой паучок, проживающий от скудости всегда одиночно. Петр Евсеевич нарвал травы среди ее канавного скопища, оформил ту траву в некую мякоть и подложил ее под спящую голову землестроителя, осторожно побеспокоив его, чтоб получилось удобство. Землемер не проснулся, – он лишь простонал что-то, как жалобная сирота, и вновь опустился в сон. Но отдыхать на мягкой траве ему уже было лучше. Он глубже поспит и точнее измерит землю, – с этим чувством своего полезного участия Петр Евсеевич пошел к следующим делам.

Лес быстро прекращался, и земля из-под деревьев переходила в овражные ущербы и в еще несверстанную чересполосицу ржанных наделов. А за рожью жили простые деревни, и над ними – воздух из жуткого пространства, Петр Евсеевич считал и воздух благом, – оттуда поставлялось дыхание на всю площадь государства. Однако безветренные дни его беспокоили: крестьянам нечем молоть зерно, и над городом застаивается зараженный воздух, ухудшая санитарное условие. Но свое беспокойство Петр Евсеевич терпел не в качестве страдания, а в

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

качестве заботливой нужды, занимающей своим смыслом всю душу и делающей поэтому неощутимой собственную тяжесть жизни. Сейчас Петр Евсеевич несколько волновался за паровоз, который с резкой задыхающейся отсечкой пара, доходившей до напряженных чувств Петра Евсеевича, взволакивал какие-то грубые грузы на подъем. Петр Евсеевич остановился и с сочувствием помощи вообразил мучение машины, гнетущей вперед и на гору косность осадистого веса.

– Лишь бы что не лопнуло на сцепках, – прошептал Петр Евсеевич, сжимая зубы меж зудящих десен. – И лишь бы огню хватило, – ведь он там воду жжет! Пусть потерпит, теперь недалеко осталось...

Паровоз со скрежетом бандажей пробуксовывал подъем, но не сдавался влипающему в рельсы составу. Вдруг паровоз тревожно и часто загудел, прося сквозного прохода: очевидно, был закрыт семафор; машинист боялся, что, остановившись, он затем не возьмет поезд в упор подъема.

«И что это делается, господи боже мой!» – горестно поник Петр Евсеевич и энергично отправился на вокзал – рассмотреть происшествие.

Паровоз дал три свистка, что означает остановку, а на вокзале Петр Евсеевич застал полное спокойствие. Он сел в зале третьего класса и начал мучиться: «Где же тут государство? – думал Петр Евсеевич. – Где же тут находится автоматический порядок?»

– Щепотко! – крикнул дежурный агент движения составителю поездов. – Пропускай пятьдесят первый на восьмую. Сделай механику и главному отметку, что нас транзитом забили. Ты растаскал там цистерны?

– Так точно! – ответил Щепотко. – Больше пока ничего не принимайте, – мне ставить некуда. Надо пятьдесят первый сработать.

«Теперь все вполне понятно, – успокоился Петр Евсеевич. – Государство тут есть, потому что здесь забота. Только надо населению сказать, чтоб оно тише существовало, иначе машины лопнут от его потребностей».

С удовлетворенным огорчением Петр Евсеевич покинул железнодорожный узел, чтобы посетить ближнюю деревню, под названием Козьма.

В той Козьме жило двадцать четыре двора. Дворы расположились по склонам действующего оврага и уже семьдесят лет терпели такое состояние. Кроме оврага, деревню мучила жажда, а от жажды люди ели плохо и не размножались как следует. В Козьме не было свежей и утоляющей воды, – имелся небольшой пруд среди деревни, внизу оврага, но у этого пруда плотина была насыпана из навоза, а вода поступала из-под жилья и с дворовых хозяйственных мест. Весь навоз и мертвые остатки человеческой жизни смывались в ложбину пруда и там отстаивались в желто-коричневый вязкий суп, который не мог служить утоляющей влагой. Во время общегражданских заболеваний, а именно холеры, тифа или урожая редкого хлеба, потому что в здешней почве было мало тучного добра, – люди в Козьме ложились на теплые печи и там кончались, следя глазами за мухами и тараканами. В старину, говорят, в Козьме было до ста дворов, но теперь нет следов прошлой густоты населения. Растительные кущи покрыли обжитые места вымороченных усадеб, и под теми кущами нет ни гари, ни плешин от кирпича или извести. Петр Евсеевич уже рылся там, – он не верил, чтобы государство могло уменьшиться, он чувствовал размножающуюся силу порядка и социальности, он всюду наблюдал автоматический рост государственного счастья.

Крестьяне, проживающие в Козьме, уважали Петра Евсеевича за подачу им надежды и правильно полагали, что их нужду в питье должна знать вся Республика, а Петр Евсеевич в том их поддерживал:

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– Питье тебе предоставят, – обещал он. – У нас же государство. Справедливость происходит автоматически, тем более питье! Что это – кожная болезнь, что ли? Это внутреннее дело, – каждому гражданину вода нужна наравне с разумом!

– Ну, еще бы! – подтверждали в Козьме. – Мы у советской власти по водяному делу на первой заметке стоим. Черед дойдет – и напьемся! Аль мы не пили сроду? Как в город поедешь, так и пьешь.

– Совершенно верно, – определял Петр Евсеевич. – Да еще и то надо добавочно оценить, что при жажде жизнь идет суше и скупее, ее от томления больше чувствуешь.

– От нее без воды деться некуда, – соглашались крестьяне. – Живешь – будто головешку из костра проглотил.

– Это так лишь мнительно кажется, – объяснил Петр Евсеевич. – Многое покажется, когда человеку есть желание пить. Солнце тоже видится тебе и нам жарой и силой, а его паром из самовара можно зазастить и потушить – сразу на скатерти холод настанет. Это только тебе и нам так воображается в середине ума...

Петр Евсеевич себя и государство всегда называл на «вы», а население на «ты», не сознавая, в чем тут расчет, поскольку население постоянно существует при государстве и обеспечивается им необходимой жизнью.

Обычно в Козьме Петру Евсеевичу предлагали чего-нибудь поесть – не из доброты и обилия, а из чувства безопасности. Но Петр Евсеевич никогда не кушал чужой пищи: ведь хлеб растет на душевном наделе, и лишь на одну душу, а не на две, – так что есть Петру Евсеевичу было не из чего. Солнце – оно тоже горит скупой и социально: более чем на одного трудящегося едока оно хлеба не нагревает, стало быть, вкушающих гостей в государстве быть не должно.

Среди лета деревня Козьма, как и все сельские местности, болела поносом, потому что поспевали ягоды в кустах и огородная зелень. Эти плоды доводили желудки до нервности, чему способствовала водяная гуща из пруда. В предупреждение этого общественного страдания козьминские комсомольцы ежегодно начинали рыть колодцы, но истощались мощью непроходимых песков и ложились на землю в тоске тщетного труда.

– Как это вы все делаете без увязки? – сам удручался и комсомольцев упрекал Петр Евсеевич. – Ведь тут грунт государственный, государство вам и колодезь даст – ждите автоматически, а пока пейте дожди! Ваше дело – пахота почвы в границах надела.

Покидал Козьму Петр Евсеевич с некоторой скорбью, что нет у граждан воды, но и со счастьем ожидания, что, стало быть, сюда должны двигаться государственные силы и он их увидит на пути. Кроме того, Петр Евсеевич любил для испытания ослабить свой душевный покой посредством и организации малого сомнения. Это малое сомнение в государстве Петр Евсеевич выносил с собой из Козьмы вследствие безводия деревни. Дома Петр Евсеевич вынимал старую карту Австро-Венгрии и долгое время рассматривал ее в спокойном созерцании; ему дорога была не Австро-Венгрия, а очерченное границами живое государство, некий огороженный и защищенный смысл гражданской жизни.

Под картиной севастопольского сражения, которая украшала теплое, устойчивое жилище Петра Евсеевича, висела популярная карта единого Советского Союза. Здесь Петр Евсеевич наблюдал уже более озабоченно: его беспокоила незыблемость линии границ. Но что такое граница? Это замерший фронт живого и верного войска, за спиною которого мирно вздыхает согбенный труд.

В труде есть смирение расточаемой жизни, но зато эта истраченная жизнь скопляется в виде государства – и его надо любить нераздельной любовью, потому что именно в государстве неприкосновенно хранится жизнь живущих и погибших людей. Здания, сады и железные дороги – что это иное, как не запечатленная надолго кратковременная трудовая

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

жизнь? Поэтому Петр Евсеевич правильно полагал, что сочувствовать надо не преходящим гражданам, но их делу, затвердевшему в образе государства. Тем более необходимо было беречь всякий труд, обратившийся в общее тело государства.

«Нет ли птиц на просе? – с волнением вспоминал Петр Евсеевич. – Поклюют молодые зернышки, чем тогда кормиться населению?»

Петр Евсеевич поспешно удалялся на просяное поле и, действительно, заставлял там питающихся птиц.

«И что же это делается, господи боже ты мой? Что ж тут цело будет, раз никакому добру покоя нет? Замучили меня эти стихии – то дожди, то жажда, то воробьи, то поезда останавливаются! Как государство-то живет против этого? А люди еще обижаются на страну: разве они граждане? Они потомки орды!»

Согнав птиц с проса, Петр Евсеевич замечал под ногами ослабевшего червя, не сумевшего уйти вслед за влагой в глубину земли.

«Этот еще тоже существует – почву гложет! – сердился Петр Евсеевич. – Без него ведь никак в государстве не обойдешься!» – и Петр Евсеевич давил червя насмерть: пусть он теперь живет в вечности, а не в истории человечества, здесь и так тесно.

В начале ночи Петр Евсеевич возвращался на свою квартиру. Воробьи тоже теперь угомонились и жрать на просо не придут; а за ночь зернышки в колосьях более созреют и окрепнут – завтра их выклевывать будет уже трудней. С этим успокоительным размышлением Петр Евсеевич подъедал крошки утреннего завтрака и преклонял голову ко сну, но заснуть никак не мог: ему начинало что-нибудь чудиться и представляться; он прислушивался – и слышал движение мышей в кооперативах, а сторожа сидят в чайных и следят за действием радио, не доверяя ему от радости; где-нибудь в редко посещаемой степи кулаки сейчас гонятся за селькором, и одинокий государственный человек падает без сил от ударов толстой силы, подобно тому, как от неуравновешенной бури замертво ложится на полях хлеб жизни.

Но память милосердна – Петр Евсеевич вспомнил, что близ Урала или в Сибири – он читал в газете – начат возведением мощный завод сложных молотилок, и на этом воспоминании Петр Евсеевич потерял сознание.

А утром мимо его окон проходили на работу старики-кровельщики, нес материал на плече стекольник, и кооперативная телега везла говядину; Петр Евсеевич сидел, как бы пригорюнившись, но сам наслаждался тишиной государства и манерами трудящихся людей. Вон пошел в потребительскую пекарню смирный, молчаливый старичишка Терморезов; он ежедневно покупает себе на завтрак булочку, а затем уходит трудиться в сарай Копромсоюза, где изготавливаются веревки из пеньки для нужд крестьянства.

Разутая девочка тянула за веревку козла – пастись на задних дворах: лицо козла, с бородкой и желтыми глазами, походило на дьявола, однако его допускали есть траву на территории, значит, козел был тоже важен.

«Пускай и козел будет, – думал Петр Евсеевич. – Его можно числить младшим бычком».

Дверь в жилище отворилась, и явился знакомый крестьянин – Леонид из Козьмы.

– Здравствуй, Петр Евсеевич, – сказал Леонид. – Вчерашний день тебе бы у нас обождать, а ты поспешил на квартиру...

Петр Евсеевич озадачился и почувствовал испуг.

– А что такое вышло? А? Деревня-то цела, на месте? Я видел, как один нищий окуроч бросал, не спалил ли он имущество?..

– От окурка-то деревня вполне сохранилась... А – только что ты вышел – с другого конца два воза едут, а сзади экипаж, и в нем старик. Старик говорит: «Граждане, а не нужна ли вам глубокая вода?» Мы говорим: «Нужна, только достать ее у нас мочи нет». А старик сообщает:

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

«Ладно, я – профессор от государства и вам достану воду из материнского пласта». Старик поночевал и уехал, а два техника с инструментом остались и начали почву щупать внутрь. Теперь мы, Петр Евсеевич, считай, будем с питьем. За это я тебе корчажку молока завез: если б не ты, мы либо рыли зря, либо не пивши сидели, а ты ходил и говорил: ждите движения государства, оно все предвидит. Так и вышло. Пей, Петр Евсеевич, за это наше молоко...

Петр Евсеевич сидел в разочаровании, он опять пропустил мимо себя живое государство и не заметил его чистого первоначального действия.

– Вот, – сказал он Леониду. – Вот оно приехало и выбыло. Из сухого места воду вам добудет, вот что значит оно!

– Кто же это такое? – тихо спросил Леонид.

– Кто! – отвлеченно произнес Петр Евсеевич. – Я сам не знаю кто, я только его обожаю в своем помышлении, потому что я и ты – лишь население. Теперь я все вижу, Леонид, и замру в надежде. Пускай птицы клюют просо, пускай сторожа в кооперативе на радио глядят, а мыши кушают добро, – государство внезапно грянет и туда, а нам надо жить и терпеть.

– Это верно, Петр Евсеевич, всегда до хорошего дотерпишься, когда ничего не трогаешь.

– Вот именно, Леонид! – согласился Петр Евсеевич. – Без государства ты бы молочка от коровы не пил.

– А куда ж оно делось бы? – озаботился Леонид.

– Кто же его знает куда! Может, и трава бы не росла.

– А что ж было бы?

– Почва, Леонид, главное дело – почва! А почва ведь и есть государственная территория, а территории тогда бы и не имелось! Где ж бы твоей траве поспеть было? В безвестном месте она не растет – ей требуется территория и землеустройство. В африканской Сахаре вон нету государства, и в Ледовитом океане нет, от этого там и не растет ничего: песок, жара да мертвые льды!

– Позор таким местам! – твердо ответил Леонид и сразу смолк, а потом добавил обыкновенным человеческим голосом: – Приходи к нам, Петр Евсеевич, без тебя нам кого-то не хватает.

– Были бы вы строгими гражданами, тогда бы вам всего хватило, – сказал Петр Евсеевич.

Леонид вспомнил, что воды в Козьме еще нет, и напился из ведра Петра Евсеевича в запас желудка.

После отъезда крестьянина Петр Евсеевич попробовал подаренного молока и пошел ходить среди города. Он щупал на ходу кирпич домов, гладил заборы, а то, что недостижимо ощущению, благодарно созерцал. Быть может, люди, что творили эти кирпичи и заборы, уже умерли от старости и от истощения труда, но зато от их тела остались кирпичи и доски – предметы, которые составляют сумму и вещество государства. Петр Евсеевич давно открыл для своей радости, что государство – полезное дело погибшего, а также живущего, но трудящегося населения; без производства государства население умирало бы бессмысленно.

В конце пути Петр Евсеевич нечаянно зашел на вокзал, – он не особо доверял железной дороге, слыша оттуда тревожные гудки паровозов. И сразу же Петр Евсеевич возмущился: в зале третьего класса один мальчик топил печку казенными дровами, несмотря на лето.

– Ты что, гадина, топливо жгешь? – спросил Петр Евсеевич.

Мальчик не обиделся, он привык к своей жизни.

– Мне велели, – сказал он. – Я за это на станции ночую.

Петр Евсеевич не мог подумать, в чем тут дело, отчего летом требуется нагрев печей. Здесь сам мальчик помог Петру Евсеевичу рассеяться от недоразумения: на станции были

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

залежи гнилых шпал. Чтобы их не вывозить, велено было сжечь в печках помещений, а тепло выпустить в двери.

– Дай мне, дядь, копейки две! – попросил после рассказа мальчик.

Просил он со стыдом, но без уважения к Петру Евсеевичу. Для Петра же Евсеевича дело было не в двух копейках, а в месте, которое занимал этот мальчик в государстве: необходим ли он? Такая мысль уже начинала мучить Петра Евсеевича. Мальчик неохотно сообщил ему, что в деревне у него живут мать и сестры-девки, а едят одну картошку. Мать ему сказала: «Поезжай куда-нибудь, может быть, ты себе жизнь где-нибудь найдешь. Что ж ты будешь с нами страдать, – я ведь тебя люблю». Она дала сыну кусок хлеба, который заняла на хуторах, а должно быть, врет – ходила побираться. Мальчик взял хлеб, вышел на разъезд и залез в пустой вагон. С тех пор он и ездит: был в Ленинграде, в Твери, в Москве и Торжке, а теперь – тут. Нигде ему не дают работы, говоря: в нем силы мало и без него много круглых сирот.

– Что ж ты будешь делать теперь? – спрашивал его Петр Евсеевич. – Тебе надо жить и ожидать, пока государство на тебя оглянется.

– Ждать нельзя, – ответил мальчик. – Скоро зима настанет, я боюсь тогда умереть. Летом и то помирают. Я в Лихославле видел, – один в ящик с сором лег спать и там умер.

– А к матери ты не хочешь ехать?

– Нет. Там есть нечего, сестер много, – они рябые, их мужики замуж не берут.

– Что ж им своевременно оспу не привили? Ведь фельдшера на казенный счет ее прививают?

– Не знаю, – сказал мальчик равнодушно.

– Ты вот не знаешь, – раздраженно заявил Петр Евсеевич, – а вот теперь о тебе заботься! Во всем виновато твое семейство: государство ведь бесплатно прививает оспу. Привили бы ее твоим сестрам, когда нужно было, и сестры бы замужем давно были, и тебе бы место дома нашлось! А раз вы не хотите жить по государству – вот и ходите по железным дорогам. Сами вы во всем виноваты – так походи матери и скажи! Какие же я тебе две копейки после этого дам? Никогда не дам! Надо, гражданин, оспу вовремя прививать, чтоб потом не шататься по путям и не ездить бесплатно в поездах!

Мальчик молчал. Петр Евсеевич оставил его одного, не жалея больше виноватого.

Дома он нашел повестку: явиться завтрашний день на биржу труда для очередной перерегистрации, – там Петр Евсеевич состоял безработным по союзу совторгслужащих и любил туда являться, чувствуя себя служащим государству в этом учреждении.

ПРОЗА

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

Неспешность II. Осень,

*или Несколько зарисовок,
лишь кое о чем напоминающих, но ни о чем не свидетельствующих*

Вступление,

*а точнее - пара слов о том,
что в жизни могут быть новые ощущения,
и о том, что лето можно продлить*

Вы когда-нибудь отдыхали у моря в бархатный сезон, в сентябре? Конечно же, отдыхали. А может быть, нет? Нет?! Тогда вы много потеряли!

Ах, это время не зря названо «бархатным»: погода ласкает тебя кокетливо, словно бабочки щекочут твою кожу легкими прикосновениями и призывают включиться вместе с ними в игру, легкокрылую, легкомысленную. Это время, когда уже нет испепеляющей жары и изнурительно пылающего солнца. Когда днем лучи солнца нежны и умеренны – в самый раз для городской чувствительной кожи. Когда море подобно парному молоку – теплее окружающего воздуха, и по-детски плещется, выбрасывая на песчаный берег разноцветную гальку. Когда вечерами гуляет свежий ветер и хочется накинуть легкий шарф на загорелые плечи. Когда все еще цветут бугенвиллеи, но в воздухе уже появляется легкая, чуть с грустинкой, прохлада подступающей осени. Когда темнеет рано и быстро, словно кто-то невидимой рукой нажимает на кнопку «Ночь».

Да, отдых в бархатный сезон это поистине новые ощущения, малопонятные жителям северных городов, где и лето-то условное, дождливое, что уж говорить о его продлении. Поезжайте, поезжайте в этот период к морю – не пожалеете.

Глава 1

*О главных действующих персонажах,
о Клаусе и «слепой» комнате,
а также об инжире, платках и песочных замках*

- Белый, совсем белый, - вздохнул темноволосый мужчина в узких солнцезащитных очках, приподнимаясь с шезлонга и разочарованно оглядывая свои почерневшие от солнца руки и ноги. - Ну совершенно я не загораю.

Две его спутницы в ярких купальниках, лежащие рядом, вяло повернулись и укоризненно покачали головами.

- Ты уже почти черный, - вздохнула та, что слева, - одни глаза и сверкают! Скоро в мавра

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

превратишься! Намажься «тридцаткой».

- Или лучше «соткой», - предложила та, что справа, и, прошептав расслаблено: - как хорошо, что я все-таки выбралась к морю! – прикрыла глаза, восстанавливая в памяти события предыдущего дня.

А события были такими.

Большой туристический автобус остановился перед отелем «Иберотель Сера Палас».

- Вот мы и прибыли, - радостно проговорил мужчина, помогая двум своим спутницам, в тугих джинсах и светлых сапожках, выйти из автобуса.

Одета вся троица была не по погоде, и на то были причины: утром они улетали из тоскливо-дождливой столицы, где уже в августе наступила осень и всякая надежда на тепло и солнце была безвозвратно утрачена.

- Счастье! - воскликнула одна из спутниц, постарше, повыше и покрупнее. – Вот оно, счастье – бесконечное лето! – и поскорее стянула с себя свитерок.

- Да, это счастье! – согласилась другая, поменьше и помоложе, и, последовав примеру подруги, скинула курточку.

Обе глубоко вдохнули влажный горячий воздух, наполненный запахами моря и цветущих растений, и огляделись.

Отель, куда прибыли наши герои, стоял в поле, на отшибе, и был подобен одинокой космической станции на безлюдной планете. Вокруг отеля были насажены диковинные кустарники и пальмы, а пустыри и площадки были засеяны газонной травой. Его наводнили толерантные европейцы, которые чувствовали себя чрезвычайно комфортно в отдалении от всякой цивилизации с ее суетой, беженцами и финансовыми кризисами. Необычным было и само здание - крестообразной формы с просторными холлами. В лобби, в центре креста, проглядывалось большое пространство, ярко освещенное вторым светом, где вокруг стройных пальм, тянувшихся через три этажа к стеклянному потолку, стояли под стильными торшерами низкие кубические кресла с валиками и стеклянные столики в авангардном стиле. Стены украшали гигантски картины маслом сплошь в абстрактно-геометрических линиях - разноцветные пересечения, очевидно, должны были создавать ощущение неимоверной легкости бытия у всей отдыхающей публики.

Заполнив бумаги на ресепшене, наши герои приступили к решению самого важного вопроса – их волновало размещение.

- Please, - сказала та, что была покрупнее, одарив ослепительной улыбкой хмурюю даму за стойкой. – Please two sea-view apartments¹, если можно...

- И рядом, - добавила вторая, мелкая.

- Мы, - громко пояснил мужчина, энергично очерчивая пальцем круг всю троицу, - мы - одна семья. One family, знаете ли-с, family²-с мы.

Дама с пониманием закивала головой и тут же на хорошем русском языке сообщила, что номера будут обязательно рядом и обязательно с видом на море, но только завтра, поскольку сейчас отель переполнен. А вот завтра намечается большой отъезд.

- На одну ночь я размещу вашу семью в других номерах, - пояснила она, - тоже хороших, даже смежных, и даже с общей дверью. На одну ночь, не беспокойтесь!

Первый номер, который предназначался для темноволосого мужчины и дамочки

¹ Please two sea-view apartments (англ.). – Пожалуйста, два номера с видом на море.

² Family (англ.) – семья.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

помельче, ибо они были супружеской парой, был просторным, с большой лоджией, выходящей, увы, на облезлую хозяйственную постройку, тоскливую и маложивописную.

- Сказали же: всего на одну ночь, - успокоил свою огорчившуюся супругу предводитель компании и озадаченно перевел взгляд на непонятную дверь в стене, рядом с кроватью.

- The door to another apartment³, - объяснил служащий отеля, с пытением затаскивая в номер три больших чемодана.

Друзья переглянулись, и та, что была покрупнее и доводилась остальным общей подружкой, громко пояснила:

- Похоже, там моя комната. Смежная. Открывать будем?

- Нет, - уверенно сказал предводитель, - не будем. Вы у нас дамочка тревожная, мало ли что вам ночью взбредет в голову. А мы все-таки люди семейные...

- Хорошо, - невозмутимо дернула плечами общая подруга. - Зайду из холла.

На том и порешили, и подруга удалилась в свой номер.

Но уже через пару минут за смежной дверью послышался крик, переходящий в сдавленный стон.

Темноволосый мужчина – друг всем и надежная опора каждому, особенно тем, кому он сам симпатизировал, а таких в течение жизни становилось все меньше и меньше (родственники капризничали, друзья превращались в «чужих», а про соседей вообще не стоило говорить), и его мелкая жена – единомышленник и верная спутница, испуганно переглянулись и бросились на помощь своей подруге. Та уже выскочила из своего номера и, указывая тонкими пальцами в тяжелых кольцах на дверь, шипела что-то невнятное: «...фобия, ...клаус, ...страфоб...»

- Что случилось? Что? – выдохнули перепуганные друзья и стали на нее дуть. - Кто там? Какой Клаус?

Испуганная женщина наконец успокоилась:

- Пойдемте со мной. Кое-что покажу.

Все трое зашли в номер и закрыли дверь. Воцарилась тьма. Мужчина-Друг нащупал на стене выключатель и щелкнул. Комната была стандартной – просторной, с двумя кроватями, трюмо, телевизором, солнцнепроницаемыми, плотно задернутыми шторами на окнах.

- И что? – разочарованно спросил мужчина-друг. – Номер как номер. И где же обещанный Клаус?

- Да при чем тут Клаус? – рассердилась подруга семьи. – Здесь же каменный мешок! – и щелкнула выключателем, опять погружая пространство в крошечную тьму. – Темно же!

- Надо же окна открыть! – послышался в темноте совет мелкой, и она, все-таки вновь щелкнув для верности выключателем, бросилась к окну и откинула тяжелые портьеры.

В ту же секунду все ахнули.

За откинутыми шторами была сплошная стена.

– Что это? – пролепетала мелкая.

- Стена! - обреченно пояснила хозяйка номера. – Сплошная. А у меня есть признаки клаустрофобии!

- Признаки чего? – уточнил обескураженный мужчина-друг.

- Это такая фобия, – прошептала мелкая, - боязнь замкнутого пространства.

А хозяйка номера тяжело опустилась на кровать и вздохнула:

– И никакого Клауса.

³ The door to another apartment (англ.). – Это дверь в другой номер.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Да... - Друг подошел к стене, где предполагалось окно с видом на море, и похлопал ладонью по ее поверхности. – Да... крепкая... сплошная, - заключил он со знанием дела. - Не повезло вам, дорогая, не повезло ни с вашим номером, ни с вашими признаками, ни тем более с Клаусом.

- И что же мне теперь делать?

- А что делать? Ничего, - Друг сел рядом с несчастной. Села рядом и его жена, оба взяли подругу за руки и успокоили: - Всего одна ночь, а завтра... все будет замечательно!

- Может, смежную с вами дверь открыть? – предложила пострадавшая, переполняясь жалостью к самой себе.

- Нет, милая, - обреченно покачал головой Друг. – Вам надо побыть с Клаусом. Когда еще такое представится?

- А может...

- Послушайте, - заверил подругу Друг, - все знают, что вы – истинное сокровище: терпеливая, разумная, находчивая, упертая, в конце концов! Вы подобны птице феникс – бесконечно возрождаетесь...

- ...из пепла, кажется, - робко подсказала мелкая.

- ... и всегда выходите из сложного положения!

- Я?! – всхлипнула подруга-Сокровище. – Это вы, очевидно, меня с моей мамой перепутали!

- Мама ваша это само собой разумеется, но сейчас мы про вас говорим! Именно за эти ваши бесценные качества мы вас и любим, и ценим, и...

- ...и вместе путешествуем, - с готовностью вновь вставила мелкая.

- Не будем расстраиваться, терять время, лучше переоденемся и сейчас же пойдем к морю!

Уже у двери Друг неожиданно оглянулся и вновь нажал на выключатель.

- Надо же... темно, - раздался в темноте его задумчивый голос. - «Слепая» комната.

Его маленькая жена тут же судорожно ухватилась за руку и прошептала:

- Я не вижу Сокровище!

- А ты представь ее, - отозвался муж и поспешил выйти из номера.

* * *

- А не пора ли нам перебираться в новые номера? – мужчина-Друг потянулся на своем шезлонге и посмотрел на часы. – Что-то вы, дамы, сегодня непривычно молчаливы. В особенности вы, Сокровище.

Женщина-Сокровище отвлеклась от своих мыслей:

- Ах, бросьте, - махнула она рукой, - к чему вам наша городская болтовня. Посмотрите лучше, как прекрасно море, как нежен в своих порывах ветер, как приветлив мягкий и теплый песок под ногами. Посмотрите на бродячих собак, видите? Посмотрите, какой свободой они наполнены, как живописно выглядят на фоне моря!

- Уймись, Сокровище, - буркнул Друг. – На мой взгляд, в бездомных собаках нет ничего романтического, они одиноки и голодны.

- Наслаждайтесь природой! – вещала Сокровище, не обращая на Друга внимания. - Не за тем ли мы сюда приехали? Посмотрите, наконец, как красиво развеваются на ветру парео вон у тех фактурных купальщиц!

- Парео? – переспросил Друг. – Парео?! Вечно вы слова подбираете... фобия, парео. Еще скажите...

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Да-да, парео, - вставила его маленькая супруга, всегда вовремя приходящая на помощь, - это такие... такие тонкие прозрачные платки. Правда, они уже вышли из моды. В этом сезоне - туники.

- Ах, ты моя бурбулька, - оживился Друг и игриво ущипнул жену за зад. – Вечно ты все знаешь, моя креветочка!

В этот момент зазвонил телефон, и Сокровище дернулась, но это звонили не ей. Звонок был от сына Бурбульки и Друга, некогда подростка *vulgaris*. Выслушав домашние новости, Бурбулька строго напомнила:

- Покорми кота, - и добавила: - если тебе будет жарко, то открой окно, а, если потом вдруг станет холодно, то закрой, - затем отключилась и сообщила озадаченно: - У него все хорошо.

Сокровище закивала головой с пониманием и тут же решила и своему сыну послать эсэмэску с напоминаниями.

- Так что там у нас со временем?

- Еще полчаса, - сообщила Бурбулька и повернулась к Сокровищу: - Как ты спала в «слепой» комнате, хорошо?

- Как спала? – Сокровище усмехнулась и мысленно вернулась к событиям ушедшего дня.

Уже поздно вечером, когда тянуть время было бессмысленно, компания разошлась по комнатам. С тяжелым сердцем, пожелав друзьям «спокойной ночи» и не уверенная в том, что сможет заснуть, Сокровище скрылась в своей «слепой» комнате. Беда Сокровища была в том, что она мучительно тяготела к открытому пространству. Будучи по натуре воздушным знаком, она любила большие скорости и большие плоскости: просторные комнаты, открытые террасы, высокие потолки и полупустые залы, крупные автомобили и объемные сумки. Она ненавидела скомканное тесное пространство: уютные уголки и кабинетки в ресторанах, кладовки и компактные загородные домики-игрушки, малолитражки, узкие лифты, – не любила она экономить пространство и время. Она благоговела перед большими окнами, свободными от жалюзи и гардин. Она не зашторивала их ни днем, ни ночью, а проснувшись утром, всегда долго смотрела на небо, ощущая, как наполняется небесной энергией все ее тело, готовясь к предстоящему дню.

Иногда Сокровищу казалось, что она даже страдает клаустрофобией – так раздражала ее «замкнутость», но знакомый психиатр разуверил ее: «Не льсти себе, - с улыбкой воскликнул он, - это всего лишь свойство твоего характера».

А однажды на ее сетования по поводу внезапных бессонниц одна знакомая посоветовала отключать телефон, зашторивать наглухо окна и вставлять в уши беруши, и Сокровище тогда пришла в ужас: «А вдруг мне позвонят, а я не услышу! А вдруг что-то в небе пролетит, а я не увижу!» Нет, подобное для нее неприемлемо, ей необходима связь с миром – это ее единственный способ зарядиться энергией.

Но на этот раз ситуация была безвыходная.

Сокровище быстро разделась, кое-как умылась и, юркнув под одеяло со словами «всего одна ночь», щелкнула выключателем. Именно в это время послышался странный настойчивый шорох. Сокровище словно того и ждала - подскочила на кровати и мгновенно включила прикроватную лампу. На полу из-под смежной двери торчал белый листок бумаги. Сокровище сползла с кровати, подняла листок и прочитала: «Дорогая, спокойной ночи!» и подпись: «Иберотельное Привидение».

- Что это? – воскликнула она так, чтобы друзья в соседнем номере ее услышали.

- Это письмо, - послышался за дверью вкрадчивый голос Друга. – Вам. От меня. Чтобы не было грустно. И страшно.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- А что же вы меня пугаете каким-то Привидением?

- Хватит умничать, - отрезал за дверью Друг. - И вообще, гасили бы свет! Что вы там возитесь?

Сокровище хмыкнула и вполголоса проговорила:

- Тоже мне, «Иберотельное Привидение»... - и уже готова была вновь прыгнуть под одеяло, как в эту самую минуту – да-да, именно в эту самую минуту - в воздухе что-то тихо звякнуло-щелкнуло и образовалось какое-то белое облако, которое стало медленно вытягиваться и расширяться, образуя некое подобие головы, рук и ног и достаточно объемистого тела. По мере того как глаза Сокровища все расширялись и расширялись, облако окончательно приняло форму человекообразного существа, отдаленно напоминающего... Тут Сокровище еще более нервно захлопала глазами и засопела носом, стараясь всеми силами прогнать давно похоронные мысли и воспоминания, с большим трудом запертые за семью замками в глубине ее души-лабиринта. Существо-облако уселось на край трюмо, прямо у телевизора, положив ногу на ногу:

- Привет, - сказала оно, - ты меня звала, кажется?

Не всякий бы справился с такой нестандартной ситуацией, но только не Сокровище - ведь она была еще и фениксом. Она с детства была знакома с разного рода неформалами - домовыми, привидениями и прочими сущностями, обитающими в их старом фамильном имении, - а потому, легко взяла себя в руки и проговорила как можно спокойнее:

- А вы, собственно, кто?

- Я? – облако сползло на пол и приветливо протянуло ей свою огромную полупрозрачную пятерню: - Иберотельное Привидение. Будем знакомы. А вы?

- Я? – хозяйка «слепого» номера заморгала глазами. – Я...

- Знаю-знаю, - пришло ей на помощь Привидение. – Вы – Сокровище!

- Послушайте, - вновь послышался из-за двери недовольный голос, - что вы там все бубните? Овец считаете, что ли? Правильно говорит ваша мама, что вы с детства беспокойная: по ночам плакали-плакали, все плакали-плакали - спать матери не давали. Животом, наверное, мучились...

Всю ночь Сокровище и Иберотельное Привидение болтали о жизни – каждому было о чем рассказать, и под утро, окончательно подружившись, пришли они к общему выводу: драгоценная свобода идет в одном пакете с одиночеством.

- Только не знаю, это награда или наказание, - добавило под конец Иберотельное Привидение и, повалившись на подушку, захрапело. Сокровище тоже приютилась рядом и забылась сном, на редкость спокойным и безмятежным.

Наутро к завтраку Сокровище спустилась не одна, а в сопровождении Иберотельного Привидения. То куртуазно вышагивало рядом и, делая широкие движения большими облакообразными руками, галантно улыбалось направо-налево и с легким кивком головы всем говорило:

- Зрас-с-сти... Доброут-т-ро.

- Знакомьтесь, - представила Сокровище своего нового друга. – Это мой новый приятель - Иберотельное Привидение.

Мужчина-Друг и его маленькая жена-Бурбулька заморгали глазами.

- Какое привидение? Имбирное?

Бурбулька пихнула в бок мужа и тихонько спросила:

- Он тебе никого не напоминает?

- Напоминает, - так же негромко процедил Друг, стараясь в знак приветствия пожать

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Привидению прозрачную руку. – Похоже, эти эфемерные существа принимают образ кого угодно – был бы повод. Но ведь то была старая история, Сокровище уже успокоилась.

- Судя по облику этого облака, не очень то и успокоилась, - прошептала мужу Бурбулька и, широко улыбнувшись Привидению, громко воскликнула: - Сокровище, дорогая, тебя ни на минуту нельзя оставить одну!

Ее муж лишь покачал головой:

- Правильно говорит ваша мама: вы – легкомысленная!

* * *

- Так что там со временем? – Друг прервал размышления Сокровища и с удовольствием закурил длинную сигарету. – Не пора ли нам в новые номера? Не пора ли сменить «слепую» комнату на «зрячую»?!

Дамы молчали, лишь Бурбулька перевернулась на живот, бормоча под нос:

- Мавр, сущий мавр, но я не Дездемона.

- И все-таки вы сегодня непривычно тихи, милые дамы, - продолжил Друг, не обращая внимания на бормотание жены, - в особенности вы, Сокровище.

- Уж не намекаете ли вы на то, что обычно я много болтаю? – хмыкнула та, лениво встала и принялась собирать вещи.

- Вы не болтаете, - заметил Друг. - Вы обычно бубните: бу-бу-бу, бу-бу-бу, что, впрочем, иногда скрашивает наше пребывание на отдыхе, - тут он повернул голову и уставился на собеседницу поверх черных очков. - Хотя сегодня ночью своим бормотанием вы так и не дали нам уснуть.

- Мы разговаривали с Привидением. О жизни, - Сокровище принялась деловито стряхивать песок с полотенца. – А вы бы лучше не слушали, а...

В эту минуту мягкой неслышной походкой со стороны моря подлетело Привидение в некогда, очевидно, ярком, а теперь совершенно выцветшем полосатом купальном костюме, напоминающем трико прошлого века.

- Вода теплейшая! – чуть запыхавшись, проговорило оно и принялось прыгать на одной ноге, энергично вытряхивая воду из уха. - Рекомендую!

Именно в это время Бурбулька и увидела старуху – торговку инжиром.

Старуха, в широком платье, в платке, шла по золотистому пляжу, чуть припадая на одну ногу. В одной руке она несла ведро с инжиром, через другую были перекинuty разноцветные легкие шали, развевающиеся по ветру радужно-пестрым хвостом. Старуха подходила к отдыхающим, трясла платками и кричала что-то на тарабарском языке.

- Красивые шали, - мечтательно проговорила Бурбулька и быстренько припомнила свой гардеробчик – она всегда питала слабость к аксессуарам. – Не хочешь что-нибудь купить? - обратилась она к Сокровищу. - Вон у нее и скатерти есть.

- Да, красивые, - согласилась подруга и вдруг поняла, что ужас как хочет сладкого и нежного инжира, но вслух почему-то сказала: - Даже не знаю... может, действительно скатерть купить и положить на десао?

- Куда положить? – испуганно приподнял голову Друг.

- Десао, дорогой, - пояснила Бурбулька, - это такой длинный комод в кабинете.

- Вы что, не помните мое десао? – Сокровище приподняла одну бровь.

- Нет, отчего же? Помню прекрасно: парео, десао... - Друг встал и тоже принялся собираться. – Пора в номера! Пора-пора!

- Мой друг осуждает нас, - вздохнула Сокровище, обращаясь к Иберотельному

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Привидению, которое расслабленно покуривало сигарету. – Говорит, своей болтовней мы мешали им спать.

- Помилуйте, - Привидение сипло рассмеялось. – Как можно. Мы ведь болтали совсем тихонечко - о том о сем, о любви, о жизни, о мужчинах, о женщинах.

- Вот-вот, - взмахнул пальцем Друг. – Если наше Сокровище начнет рассуждать, то, как правильно говорит ее мама, а уж она понапрасну ничего говорить не станет, поскольку она – доктор человеческих душ и всевидяще-неустанное око. Так вот, если наше Сокровище начнет рассуждать, то остановить ее сможет только стихийное бедствие!

Проходившая мимо старуха-торговка остановилась рядом с друзьями и, улыбнувшись беззубым ртом, неожиданно протянула фиолетовую инжирину:

- Geschenk-geschenk⁴, - похлопала она Сокровище по руке и деловито пошла дальше по берегу.

Друг вздохнул:

- Вечно липнут к вам, Сокровище, сомнительные личности, - а затем добавил: - Идемте же, а то в «слепой» комнате останетесь навечно.

* * *

Старуха шла вдоль берега моря, привычно ступая загрубевшими пятками по мокрому песку, по разноцветной выброшенной на берег гальке, легко обходя построенные из песка зыбкие замки, и думала: «Какое счастье!»

Она была рада новому дню, новым людям, шумным детям, бродячим собакам. Дни ее на побережье летели быстро – в шутках, в новых знакомствах. Частенько старуха зазывала туристов в гости - к самодельному шатру, который ежедневно разбивала тут же на пляже, ловкими руками с тяжелыми узловатыми пальцами ставила три палки и развешивала товар: платки, скатерти, бижутерию. Тут же лежали мешки и с другим товаром – ежедневно торговка терпеливо притаскивала мешки на спине в надежде продать побольше.

Торговля на пляже всегда шла бойко. Дородные немки весело крутили боками в цветастых парео. Готовясь к дождям, сухопарые англичанки накидывали на плечи сиреневые шали. А молодежь покупала у старухи браслеты, стеклянные бусы и амулеты и тут же, нацепив на себя и позвякивая на ходу, со смехом бежала к морю - оно принимало всех в свою белую взбитую пену.

В тот день торговля определенно шла хорошо, к тому же сердобольные туристы угостили старуху хорошим кофе из бара да наградили в придачу бутылкой колы. Эх, для полного счастья еще бы тугую сырную лепешку, и был бы обед на славу.

А еще радовали старуху песочные замки, кропотливо возведенные детскими руками, – ведь сколько выдумки, сколько трудолюбия! И с башенками, и с бойницами, камешками выложенные, с внутренними ходами-выходами. И не страшно, что сушевой и жаркое солнце скоро их высушат и постройки осыплются. Не беда, что сильная морская волна разобьет их – будет новый день и новое солнце, и новые замки построят новые дети. И так всегда было, и так всегда будет, уж это старуха знала точно – не в этом ли заключалась вечность?

⁴ Geschenk (нем.) - подарок

Глава 2

*О фантомах и иллюзиях,
о летучих мышах и морских гадостях,
о том, что счастье все-таки есть,
а также о черепаших яйцах и о бессмертии*

- Вас ждет посетитель, - сказала строгая дама за стойкой ресепшена, передавая нашей милой троице магнитные ключи от новых номеров.

Все трое переглянулись и в один голос спросили:

- Где он?

Строгая дама улыбнулась и указала головой в сторону - туда, где под пальмами стояли кубические кресла и стеклянные столики. Там виднелся темный силуэт неопределенного пола и наружности. Надо сразу сказать, что в эту минуту в голове у каждого из наших друзей возникло свое предположение.

«Милый!», - с замираем сердца подумал Друг.

«Буркина Фасо⁵!», - нахмурилась Сокровище.

В голове же у Бурбульки возникло сразу несколько образов, и она первая устремилась к таинственному незнакомцу.

К всеобщему изумлению (вот уж кого они меньше всего ожидали), незнакомцем оказался не кто иной, как милейший человек и всеобщий любимец, умница-разумница-ходячая-энциклопедия, а если еще точнее, друг юности нашего Сокровища. Он сидел, невозмутимо потягивая эспрессо и с профессиональным любопытством разглядывая внутреннее убранство холла.

- Ты! Ты! Ты! – воскликнули наши друзья и бросились обнимать его. – Наконец-то!

Они висели на нем, целовали, хихикали и даже наперебой пытались поделиться последними впечатлениями.

- Я попала в «слепую» комнату! - жаловалась Сокровище.

- Хочу купить шаль! - сообщала Бурбулька.

А Друг сетовал:

- Не могу загореть!

Подоспевшее к встрече Привидение тоже хотело чем-то поделиться, но, почувствовав себя лишним, приняло облик официанта и принялось методично убирать пустые чашки со столиков.

Теперь надо внести ясность и сказать пару слов о друге юности.

Друга юности, скажем откровенно и незамедлительно, не привлекал отдых там, где любила бывать наша троица. Он в тех местах, правда, не был, но то, что рассказывали, ему не нравилось. По словам других, там было жарко, лениво, неопределенно и несдержанно; а как же без сдержанности? Да и вообще, маловато архитектурных достопримечательностей. Так и зачем туда ехать? К тому же и супруга нашего друга юности, дама как раз сдержанная, это место не жаловала, хотя и она там не бывала, предпочитая климат умеренный, тротуары мощеные и улочки тихие, пустынные.

Однако друг юности с давних пор любил Сокровище – любил искренне... хотя... вернее, не

⁵ Милый и Буркина Фасо – персонажи повести «Неспешность I. Лето».

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

так. Искренне он любил свою супругу, добавляя в эту любовь еще много чего, очень для жизни важного. Сокровище же он любил иначе: он и сам точно не знал, что это было. Было ли это любовью или просто дружеской симпатией, или юношеской привязанностью, или жалостью, или нежностью... А чем больше он думал об этом, тем больше запутывался. За долгие годы дружбы Сокровище легально стала частью жизни его и его милый жены, которая относилась к ней поистине с царственным снисхождением, а потому Сокровище, меняя мужей и возлюбленных, давно ни для кого не представляла опасности.

Тем не менее друг юности рвался. И рвался на части. С одной стороны, он ненавидел этот курорт и был предан жене. С другой стороны, он по-своему был предан и Сокровищу, с которой можно было бы на многое закрыть глаза, даже на невыносимый климат и несдержанность. Но порядочность и разум в нем всегда доминировали, а посему, чтобы не порождать кривотолков и подозрений в злых умыслах, друг юности и в этот раз... никуда не поехал.

Зато... Ах, как легко написать нам «зато» - здесь, в повести, и как сложно это «зато» увидеть в реале! Так вот: зато вместо него в путь отправился его фантом, или, скажем, душа, или то, что у некоторых людей ее заменяет, и назовем этот фантом как-нибудь по-курортному – вот, например, Жорж, возбуждая в памяти ассоциации с эмигрантскими картинками пустынных песчаных пляжей, пенистого моря и женских фигурок под кружевными зонтиками. Ах, Ницца... сколько иллюзий!

* * *

После теплой встречи и ревизии новых номеров, из которых открывался вид на поистине фантастические морские окрестности, подобные картинам итальянских художников: скупые песочно-палевые пейзажи с редкими низкорослыми деревцами, напоминающими пинии, и с полоской люрексно-переливчатого моря, - наши друзья, хихикая и улюлюкая, сначала потащили Жоржа на обед, потом на пляж, затем к бассейну, потом на пятиминутной кофе с булочками, потом на ужин, а затем...

Затем наступил поздний вечер. Эйфория всеобщей любви спала, друзья начали зевать и поглядывать на часы.

- А где будем спать *мы*? – скромно поинтересовались Жорж и Иберотельное Привидение.

- Только не с нами! – решительно заявил Друг и, подхватив Бурбульку, мгновенно ретировался осваивать новый номер.

- Тогда с тобой, - Жорж и Привидение посмотрели на Сокровище. Та не возражала. Она понимала, что, получив после «слепой» комнаты светлый номер, комнату с огромным балконом и с вожделенным видом на море, ей точно придется чем-то расплачиваться.

Уже позже, устраиваясь с книгой под одеялом, Сокровище строго предупредила:

- Только не приставать! – и указала на вторую кровать: - Вон, укладывайтесь, там достаточно места для обоих. Особенно учитывая вашу субстанцию, - и углубилась в чтение.

- Так что? – разочарованно засопели отвергнутые неформалы, пытаясь разместиться в вале на узком диванчике. – Даже не будем заниматься любовью?

- Нет, - отрезала Сокровище, не отвлекаясь от книги, - хватит мне фантомных любовников.

- А про себя подумала: «Как жаль, что в таком сказочном номере, я опять живу с призраками».

Она долго читала, потом, выключив свет, даже постаралась уснуть, ворочаясь и вздыхая, но тщетно. Ей не спалось. В голову лезли грустные мысли, а потому она встала, накинула дымчатую тунику и вышла на балкон. Бесконечно черное небо приветствовало ее фейерверически-яркими звездами, бесшумными полетами летучих мышей и еле слышным ночным стрекотанием кузнечиков.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Уютно устроившись в плетеном кресле, Сокровище долго смотрела на море – все в лунных бликах, - вписываясь в полнолунную ночь, и старалась ни о чем не думать (ах, как сложно отключить свою голову!) Не думать... а просто впитывать всем телом бархатистую легкость тишины и пространства. Наконец она глубоко вдохнула ночной влажный воздух и... уснула.

Очнулась она уже утром. Рядом сидело Иберотельное Привидение и нежно улыбалось:

- Доброе утро! – приветствовало оно, поглаживая Сокровище по плечу. – Пора завтракать!

У нас все по расписанию!

Сокровище сонно огляделась и поискала глазами второго неформала:

- Привет, а где Жорж?

Привидение тем временем перекинуло ногу через балконное ограждение:

- Жорж? Он давно завтракает! - и с возгласом «поторапливайся!» спрыгнуло вниз.

Всю компанию Сокровище обнаружила на террасе за столиком, покрытым белой скатертью и освещенным робким утренним солнцем. Бурбулька с аппетитом уплетала теплую булочку, Жорж сосредоточенно управлялся с яичницей с помидорами и ветчиной, Привидение допивало кофе с молоком и круассанами, а Друг ничего не ел - он уже позавтракал и расслабленно курил сигарету. Поприветствовав друзей, Сокровище села за стол и извлекла из сумочки металлическую коробочку-таблетницу:

- Витамины, - пояснила она, и все кивнули с одобрением.

Подул ветерок, накатила прохлада, и на секунду стало зябко и неуютно, подруга поежилась:

- Тебе не холодно? - заботливо спросила она мужа.

- Нет, - ответил тот, пребывая в нирване и не склонный к приземленным разговорам.

- А мне холодно, - насупилась Бурбулька.

- А мне – не-е-ет, - повторил Друг и улыбнулся кому-то невидимому в пространстве.

- И мне – нет! - сообщил Жорж, цепляя на вилку кусочек ярко-оранжевого помидора.

Сокровище сделала глоток кофе, откинулась на спинку стула и, подставив лицо солнцу, умиротворенно выдохнула:

- Боже! Како-о-е счастье! Вот так сидеть и ни-ку-да не бежать...

- Как же вы настрадались, Сокровище, - заметил Друг и состроил сочувственную гримасу.

- Страда-лица-вы-на-ша, - вытянул губы трубочкой Жорж и положил ей голову на плечо.

Привидение в свою очередь, встретившись с Сокровищем взглядом, понимающе вздохнуло.

- А вы знаете, во времена нашей с Сокровищем юности мы тоже ездили к морю и также завтракали на улице... - начал было вспоминать Жорж, как тут к столу подбежал черный приотельный кот, тонкий и грациозный, и, покрутившись ласково у ног, неожиданно запрыгнул к нему на колени. Жорж с умилением засмеялся и принялся гладить кота и даже попытался поцеловать в мокрый нос.

Сокровище с изумлением наблюдала за этой сценой, а потом заметила:

- Нет-нет! Жорж, что это с вами? Опомнитесь! Мой друг юности не очень ласков с животными!

Жорж застыл, на секунду задумался, словно переключая программу, а затем, со словами «А вот так?», мгновенно нахмурился, брезгливо скинул кота с колен, энергично стряхнул с себя шерсть и, извинившись, помчался мыть руки.

- Вот это – другое дело, - одобрительно закивали все головами и тут же начали кидать коту лакомые кусочки, приговаривая: - Котик-красавец, черные лапки, а вот мы кошек любим, не брезгуем, не то что Жорж!

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Кстати, - сменила тему Сокровище, - сегодня я обнаружила, что море - круглое.

- Круглое? – отозвался Жорж, вернувшись и вновь принявшись за яичницу. - В каком смысле?

- А в таком: оно и справа, и слева от моего балкона, и спереди. Мы что, на полуострове? - Сокровищу очень хотелось блеснуть познаниями в географии.

- Вовсе нет, - засмеялся друг юности, - просто отель развернут под углом к побережью, смотрите, - он извлек из невидимого кармана ручку и на бумажной салфетке принялся рисовать отель, сперва начертив стрелки «Ю» и «С».

Друг некоторое время внимательно наблюдал за двумя склоненными над столом головами: рисующим Жоржем-архитектором и Сокровищем, прилежно пытающейся разобраться в изображенных ландшафтных изысках, и наконец обреченно заключил:

- Правильно говорит ваша мама: дочь моя - бестолочь!

Бурбулька сделала мужу страшные глаза и укоризненно повертела у виска пальцем.

- Так говорить - моветон, - снисходительно заметила Сокровище, не поднимая головы, - я не обижаюсь, заметьте.

- Как вы сказали? Моветон?

- Моветон, - как всегда с готовностью пояснила Бурбулька, - это дурной тон.

- Да-да, парео, десао, моветон... - Друг встал и потянулся. - Ну что, морские свинки, долго вы еще будете давиться завтраком? Пришло время кормить северного оленя! Всем – в море!

Друг шел впереди всех, вышагивая с пятки и заложив руки за спину. Он горделиво смотрел по сторонам и, в салатных бермудах и цветастой расстегнутой гавайке, напоминал павлина, вот-вот готового распушить восхитительный хвост.

За ним семенили компактная Бурбулька и чуть покрупнее и повыше Сокровище, но обе в целом мелкие, «карманные» особи, - в туфельках, коротких юбках и с пляжными сумками через плечо.

Процессию неспешно замыкал Жорж, в оранжевой панаме, под руку с Иберотельным Привидением, оба - бледноватые и воздушные, в прозрачных одеждах, как перистые облака на безмятежно-синьковом небе.

Процессия направлялась к морю по аллее, уложенной плиткой, вдоль которой росли цветущие кусты, банановая трава, а также пальмы, завезенные из других южных стран и с трудом прижившиеся на чужой глиноземной почве, а потому сухими столбами торчащие на пустынных приотельных пространствах. На одной из аллей виднелся деревянный указатель «Зоопарк», за ним виднелось небольшое ограждение, где гуляли белые индюки, расхаживала парочка павлинов, с боку на бок переваливались толстые гуси и бегали две непоседливые утки с необычно пушистыми шапочками на головах, похожими на ватные шарики. Одна из уток была особенно взъерошенной, постоянно подвергаясь нападкам других обитателей зоопарка.

- А что, - поинтересовался Жорж, давно проявляющий пристрастие к зоологии, - нет ли здесь серпентария?

- На что вам серпентарий, Жорж? - не оглядываясь, воскликнул Друг, продолжая горделиво вышагивать вперед. – У нас есть и свои морские гадости, прошу любить и жаловать. - Бурбулька и Сокровище одновременно сделали книксен и продолжили путь. - К тому же здесь есть более примечательные особи.

- Черепахи *Carretta Carretta*, - ловко вставила Бурбулька. – Заметьте, слово следует повторить два раза: *Carretta Carretta*.

- Это те, что водятся только на побережьях Греции и Турции? - со знанием дела осведомился Жорж. – Они, кажется, занесены в Красную книгу?

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Ах, все-то вы знаете, человек-зоолог, - вздохнул Друг. - Однако вы правы.

А Бурбулька тут же принялась рассказывать:

- Эти огромные морские черепахи в сентябре на побережье откладывают яйца, что большая редкость, но мы тому свидетели! Вот вы придете сейчас, Жорж, на пляж и сами во всем убедитесь: отложенные яйца закопаны, так что их и не видно, и огорожены специальными решетками, чтобы никто эти яйца не повредил.

- А что же на решетках? - уточнил Жорж-зоолог.

- На решетках? - Бурбулька приподняла брови. - На решетках висят мокрые купальники!

- И все?

Бурбулька задумалась, а потом воскликнула:

- Конечно же! На решетках еще есть указатели: «Внимание! Здесь отложены яйца уникальной черепахи!» и дата их предполагаемого вылупления, - она говорила чистую правду: по всему побережью были расставлены пирамидки из деревянных решеток.

- Надо же, - в восхищении воскликнул Жорж и ускорил шаг.

- А еще, нам сказали, здесь водятся акулы! - поспешила за ним Бурбулька.

- Но это вы бросьте, - решительно замотал головой Жорж, - это уж сплошное преувеличение!

- А вот и нет, - не оборачиваясь, Друг вновь вмешался в беседу. - Акулы приплывают к берегу и гадят. И вообще, - неожиданно добавил он, - мне бы хотелось сделать эротические снимки.

- Какие снимки? - не поняли члены процессии.

- Э-ро-ти-чес-ки-е!

- С акулами? - не понял Жорж.

- Ваше пристрастие к зоологии наводит на странные мысли, - поморщился Друг.

- Тогда с кем? - уточнила Бурбулька.

- С кем, с кем! - удивился Друг. - Чистая эротика: я и морские гадости!

- И Жорж, - поспешила добавить Сокровище, с мечтательной улыбкой взглянув на фантом друга юности.

* * *

Иберотельное Привидение сидело на берегу и думало о том, что бессмертие уж очень утомительно. Все мире имело конец и начало, имело свое назначение, только не бессмертие.

«Вот человек, например, - думало Привидение, - страшись смерти, суетится-торопится, ставит цели и, спотыкаясь-падая, все достигает и достигает их. А достигнув, умирает со спокойной душой - миссия выполнена. А иногда и не выполнена. Вот и у моря с его приливами и отливами, и у черепах *Carretta Carretta*, занесенных в Красную книгу, и у других черепах - попроще и не учтенных, и у акул, и у бродячих собак - у всех заложено знание о своем назначении, и всё вокруг жить торопится, сознавая, что рано или поздно наступит момент, когда миссия будет закончена». Так думало Привидение и вздыхало и перебирало большими руками песок, пропуская его сквозь прозрачные пальцы. И только оно - Иберотельное Привидение - было обречено неспешно коротать свои бесцельные часы в вечности, в безвременьи, наблюдая бесконечную вереницу всеобщих уходов и возрождений и стараясь ни к чему и ни к кому не привязываться, чтобы избежать тоски, рвущей и притупляющей душу. Вот и теперь оно шептало себе: «Только не привязываться, только не привязываться».

Привидение смотрело на песочные зыбкие замки, замысловатые и хрупкие, и вспоминало о других - некогда добротных, каменных, символизирующих власть и могущество великих

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

правителей, но таких же временных и непрочных, если говорить о столетиях.

«И все-таки, какое счастье, - думало Привидение, - быть бессмертным и никуда не бежать сломя голову, и не бояться не успеть выполнить свое предназначение. Да и есть ли оно, это предназначение? Может, люди его сами выдумали, чтобы скрасить дни и наполнить смыслом существование? А на самом деле, может, и нет ничего важнее, чем сидеть вот так, на песке, и смотреть на море, на солнце, на небо, на черепаха, в конце концов, и наслаждаться всей этой красотой и богатством, понимая, что и ты их частью являешься и, по сути, никуда от них не денешься, если только суетой и обидами не омрачишь свою жизнь».

Глава 3

*О цифре «два», о девочке Ноа,
о крутых яйцах и неприсланных эсэмэсках,
о «далматине» и «добермане»,
а также о том,
что люди подобны разноцветным камушкам*

В тот день море выносило на берег цифру «2». Сначала Сокровище нашла камень с замысловатым рисунком, похожим на двойку, а затем и Друг подобрал монету с такой же цифрой - она валялась на песке орлом, и он поднял ее на память.

«Что это значит? – взволновано думала Сокровище, вечно пытаюсь обнаружить вокруг себя знаки и подсказки. – Дата, время, месяц, а может, это количество людей?»

- Да ничего это не значит! – словно отвечая ее мыслями, снисходительно усмехнулось Иберотельное Привидение. – Это просто – «два», - и указательным пальцем нарисовало в воздухе двойку.

«Жаль», - подумала Сокровище и потянулась за бутылочкой с маслом.

- Намажешь мне спину?

Привидение грустно улыбнулось и, мягко дотронувшись до ее спины, заметило:

- Ты знаешь, Сокровище, а у тебя на поясице растут крошечные волоски, золотистые.

- Да? – голос вновь показался ей знакомым, а от прикосновений сжалось сердце, но она тут же взяла себя в руки: - Это хвост растет, не обращай внимания.

День был необычно теплым для этого времени года, лишь легкие порывы прохладного ветра говорили о том, что впереди осень, грустная и всепрощающая. Море накатывало волны на песчаный берег; ни читать, ни думать не хотелось. Хотелось просто смотреть на дефилирующих мимо отдыхающих, на стайки детей, хотелось наблюдать за чужой непонятной жизнью, неожиданно выуживая из толпы фантомы друзей, знакомых, родственников или просто известных персонажей, которые странным образом находили свое отражение в чужих людях.

Вот пробежал смешной человечек, отдаленно похожий на уменьшенную копию Жана Габена.

А вот прошла молодая блондинка, покачивая тяжелыми бедрами, напоминающая красотку Бритни Спирс.

А вот и вовсе соседка со второго этажа – крупнотелая, с тяжелой грудью и покатыми плечами, – нет, конечно же, не сама она, а ее хорошая копия в лице добропорядочной немки, загорающей топлес рядом со своим добропорядочным мужем.

А вот и «Бандерас» - местный загорелый мачо, в черной бандане на голове и рваной футболке, прогарцевавший на гнедой лошади, держа под уздцы другую - пегую,

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

предназначенную для прогулок отдыхающих.

Пляж жил своей собственной жизнью - ленивой и беззаботной, как южное солнце!

А тем временем Бурбулька продолжала шипеть своему лоснящемуся на солнце мужу:

- Прекрати мазаться маслом! Неужели ты хочешь в Москве, темной и холодной, смотреть черным лицом из-под черной шапки? А если ты наденешь коричневый свитер и коричневую куртку и будешь как...

- Вот я бы не пошла с вами рядом, - усмехнулась Сокровище. - Вы, когда загорелый, в нашем неоновом московском пространстве становитесь каким-то невнятным и малозаметным.

Мимо пробежала восьмилетняя чернокожая девочка Ноа, грациозная и сказочно красивая. За ней старался успеть ее младший брат, такой же чернокожий, но не похоже, что родной, - очевидно, приемные дети жизнерадостной немецкой пары.

- Вот видите, вы же восторгаетесь этой девочкой, - заметил Друг, - какие же ко мне претензии?

- Сравнили! - возмутилась Сокровище. - Себя и будущую Наоми Кэмпбэлл! - и, заколов на затылке волосы, решительно направилась к морю.

- Пойдите, куда же вы? - поспешил за ней Друг. - Вы же не умеете плавать!

- Не стоит волноваться, - тут же подлетело к нему Привидение. - Я пригляжу за ней.

Зайти в море было непросто - пенистые волны с силой набегали на берег, и надо было улучшить момент, когда они были поменьше, чтобы быстро зайти в воду и пуститься вплавь, дальше волны совсем не чувствовались. Бурбулька и Жорж, посмеиваясь и перешучиваясь, легко сумели преодолеть прибрежное препятствие и с наслаждением отдались морской воде. С Сокровищем дело обстояло иначе: не чувствуя под ногами дна, она плыть не могла - такая вот была у нее фобия, - и никто с этим ничего поделать не мог, а посему ей приходилось барахтаться недалеко от берега, то и дело подпрыгивая на волнах и страшась быть вынесенной на берег, как обломок затонувшего корабля. Иберотельное Привидение, в темных очках и красной бейсболке, следуя обещанию, по-отечески следило с берега за ее кульбитами, готовое в любую минуту броситься на помощь. Пропрыгав так еще минут ...дцать, Сокровище заметила направляющуюся к берегу голову Друга, возвращающегося из дальнего плавания.

- Ну, как вы, девочка-морская-свинка, все мучаетесь? - съязвила голова, подплывая поближе. - Правильно говорит ваша мама: дочь у меня - беспомощная! - Однако выражение на лице у него было несколько озадаченное.

- Что с вами? - Сокровище сделала несколько неловких гребков в его сторону и встала на ноги.

- Я, кажется, опять забыл из кармана вынуть зажигалку, - пожаловался Друг, тоже встал на ноги и принялся где-то под водой шарить по карманам.

- Как вы узнали? - удивилась Сокровище. - Вас что-то щекочет?

- Не говорите глупостей, - стоя по грудь в воде, Друг наконец вытащил из воды руку и покрутил зажигалкой в воздухе, - щекотать меня можете только вы.

- Так что с зажигалкой? Из-за вас мы опять без огня?

- Да, нет... - неуверенно сказал Друг. - Высохнет.

- А вы можете попробовать? - предложила Сокровище. - Щелкните - горит?

- Сокровище, вы - безумны! Мы ж в море! Здесь зажигалками не светят! - возмутился мужчина-Друг и начал выбираться на берег.

Именно в это время на пляже стало наблюдаться оживление. Дети и взрослые столпились вокруг одного из ограждений вокруг черепаших яиц и что-то бурно обсуждали на разных языках, указывая на нечто, лежащее на песке. Маленький «Жан Габен» тоже попытался протиснуться сквозь толпу, но удалось ему это с огромным трудом, да и то только с помощью

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

бедрастой «Бритни Спирс», которая проложила дорогу к черепашьему ограждению, сама того не ведая. Ноа и ее маленький брат сумели пролезть между толпившихся ног и теперь что-то кричали приемным родителям, отчаянно маша им руками. Даже старуха-торговка попыталась подглядеть в щелочку, что же всех так заинтересовало.

- Что там? – взволновались Бурбулька и Жорж, торопливо выбираясь из моря и таща за руки обессиленную Сокровище.

- Не имею ни малейшего понятия, - равнодушно буркнул Друг и невозмутимо направился в противоположную сторону.

Тем не менее, стгорая от любопытства, Бурбулька, Жорж и Сокровище ринулись в толпу отдыхающих, стараясь рассмотреть, что же всех так привлекло. Пробравшись поближе, к своему изумлению, они обнаружили за деревянным ограждением три белоснежных яйца, очень напоминающих куриные, - именно они и взволновали все пляжное сообщество. Все с волнением ожидали торжественного момента рождения занесенных в Красную книгу маленьких черепашек *Carretta Carretta* (заметьте, два раза).

- Надо же, - умиленно улыбнулась Бурбулька, - яйца появились на поверхности. Значит, сейчас вылупятся черепашонки - такие крохотные, как птенчики!

- Вот уж никогда не подумал бы, что черепаши яйца так выглядят, - обескуражено заметил Жорж. - Разве это черепаши?

- А чьи же? - удивилась Бурбулька.

- Не знаю, например, каких-нибудь морских гадостей.

- Что вы, это не наши! - дернула плечами маленькая Бурбулька и поправила бретельки купальника в мелкую рюшечку.

Сокровище же ничего не сказала, а молча повернулась и пошла прочь - к шезлонгам, на одном из которых под палящим солнцем нежился распластаный Друг в пестрых шортах, не проявляя ни малейшего интереса к предстоящему появлению маленьких рептилий.

- Почему вы, как все, не разглядываете яйца? - пытливо спросила его Сокровище, присаживаясь рядом на ярко-оранжевое полотенце.

- Я их уже видел, - ответил тот, не двинувшись.

- Когда? – с подозрением поинтересовалась Сокровище.

- Да, когда? – повторили за ней появившиеся Бурбулька с Жоржем. - Ты же был в море! Зажигалкой щелкал!

- Сегодня утром, в ресторане, - отозвался Друг, по-прежнему не двигаясь. - Это мои яйца.

- В смысле... не черепаши?!

- Я же сказал: мои! Точнее, ваши - те, которые вы из жадности нахватили себе к завтраку, а съесть так и не смогли.

- Куриные! - воскликнул Жорж и хлопнул себя по бледной коленке. - Я так и понял! Ну конечно же, я не мог ошибиться!

- Да, куриные, и, заметьте, совершенно крутые, - добавил мужчина-Друг.

Все, не сговариваясь, оглянулись туда, где, возбужденно переговариваясь, толпилась пляжная публика, поглядывая на часы и на солнце, а кто-то даже требовал освободить дорогу для предстоящего передвижения к морю маленьких черепашек.

- Нет, я определенно не могу загореть, - пробурчал недовольный Друг. - Придется позвонить Буркина Фасо - узнать, что она делает, чтобы всегда быть такой загорелой.

Пробегающие мимо две бездомные собаки, одна - производное от далматина, а другая - от добермана, неожиданно остановились недалеко от наших друзей, и одна из них медленно, то ли с опаской, то ли с чувством вины за причиняемые неудобства, робко подошла к Сокровищу и исподлобья заглянула в ее глаза. Сокровище занервничала:

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- У нас нет ничего из еды?

Бурбулька честно порылась в сумке и резюмировала:

- Только сливы и персики.

- Не валяйте дурака, - вмешался Друг, - это южные песчаные собаки, они питаются морепродуктами и отдыхающими.

- Я о таких не читал, - искренне возразил Жорж.

- Не смешно, - Сокровище погладила «далматина» по голове.

- Вот вы бы и принесли им всякой еды из отеля, раз вы так собачек любите, или подписали бы какую-нибудь петицию – сейчас все подписывают. - Друг достал фотоаппарат. - Давайте я вас лучше сфотографирую - вы очень с «далматином» гармонируете в своем черном эсэсовском купальнике.

«Ах вот к чему была цифра "два", - подумала Сокровище, обняла собаку за шею и улыбнулась в камеру. - "Два" - это я и, очевидно, "далматин"».

Но тут, утомившись стоять в одиночестве, подтрусил вторая собака – «доберман», до этого терпеливо стоявшая в стороне и наблюдавшая за своим приятелем. Начавшаяся фотосессия была уже выше всякого ее терпения, и она, подбежав, тоже уселась рядом с Сокровищем.

«Нет, - продолжала думать Сокровище, меняя позу и теперь уже располагаясь между двумя собаками, - "два" - это две собаки, понятно. Но со мной - это уже "три". Нет, "двойка" - определенно что-то другое».

Солнце близилось к полудню, и, притомившись сидеть на одном месте, компания отправилась гулять по побережью - разведать прибрежные окрестности, заглянуть в мелкие магазинчики и, может быть, даже купить что-нибудь летнее и радостное себе или тем, кого они оставили в дождливой Москве. К тому же небо внезапно стало покрываться рваными дымными облаками, солнце то выглядывало, то вновь скрывалось за дырявыми тучами, ветер беспрепятственно гулял по всему побережью, лохматил волосы - короче, самое время было отправиться на прогулку.

На этот раз впереди шли Жорж в пузырящейся на ветру светло-песочной рубашке и Иберотельное Привидение – рядом с нашими друзьями каждый из них с каждым днем становился все менее прозрачным, все более ярким и четким. Иберотельное Привидение то шло само по себе - в своем теперь уже новом образе, то принимало облик жены друга юности, то превращалось в черепаху или ежика, но Жорж был так увлечен разговором, что ничего не видел. Они оба оживленно говорили, перебивали друг друга и даже смеялись, неся непонятную на расстоянии забавную невнятицу: «...знаете... во времена нашей... юности». За ними неспешно следовали Друг и Сокровище и тоже разговаривали, но тихо, вполголоса, делая в словах долгие паузы. Рядом бежали «далматин» с «доберманом» и то и дело затевали возню, кусая друг друга за худые лапы и подскакивая. А иногда неслись вперед - вдоль моря и навстречу ветру, разбрызгивая лапами белую пену и пытаясь увернуться от набегающих волн. Но потом вдруг оглядывались и стремительно мчались обратно, оставляя на мокром песке отпечатки лап - росчерки своих непутевых собачьих жизней, которые тут же безвозвратно стирались волнами. Чуть в стороне от всех шла Бурбулька, ступая по мокрому песку босыми ногами и собирая особо ей приглянувшиеся разноцветные камушки и ракушки.

- Вы не знаете, милый Друг, - спрашивала Сокровище, - почему море такое непостоянное?

- Нет, не знаю.

- Почему волны сегодня по силе такие же, как были вчера, а берег при этом - другой?

- Нет, не знаю.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Вчера море выносило песок, а сегодня – камни.

- Да, камни.

- Почему так?

- Сегодня море вынесло камни, чтобы Бурбулька могла чем-то заняться. Знаете, как написано: время разбрасывать камни и время собирать.

- Да... - Сокровище задумалась.

Солнце окончательно скрылось, ветер продолжал нагонять тучи, и потому было особенно приятно ступать по теплomu сухому песку, слегка увязая в нем ногами.

- А вообще, спросите лучше Жоржа - он всегда все знает.

Навстречу прошла пожилая дама, босая, в широких льняных светлых брюках, закатанных до колен, и приветливо улыбнулась.

- Вы ее знаете? - удивилась Сокровище.

- Нет. А вы?

- Тоже нет. Но она нам улыбнулась!

- Улыбнулась не нам, а мне. Увидела вас и улыбнулась мне... с пониманием, - Друг взглянул на Сокровище и обнаружил, что та напряженно смотрит вперед и его не слушает.

А смотрела Сокровище вдаль с тревогой: Жорж и Иберотельное Привидение, увлекшись разговором, все дальше и дальше уходили вперед, отрываясь от наших друзей, а потому становясь опять все более и более прозрачными. Сокровище испуганно взглянула на Друга и ускорила шаг, оставляя его идти в одиночестве, а затем перешла и на бег.

- Жорж! – закричала она другу юности, готовому вот-вот исчезнуть. - Жорж, послушайте! - но голос ее потерялся в порывах ветра и шуме моря. - Жорж! - кричала Сокровище, изо всех сил старясь догнать свой фантом, но ноги ее вязли в песке и заставляли переходить на шаг. - Жорж! Почему вы не шлете мне эсмэски? Я соскучилась!

Жорж не слышал, что отчаянно кричала ему Сокровище, он по-прежнему шел вперед и вперед, что-то энергично рассказывал своему уже совсем растаявшему в пространстве собеседнику и размахивал руками, даже не замечая, что и сам исчезает. И конечно же, он даже не подозревал, что за ним, в полной душевной сумятице, торопится его подруга с растрепанными на ветру волосами – торопится в страхе, что ее фантомы вот-вот растворятся в воздухе.

Друг же, оставшийся позади, наоборот, хорошо слышал то, что кричала Сокровище, - ее слова приносил встречный ветер.

«Какое счастье, - думал Друг, - что за мной никто не бежит растрепанный и ничего не кричит в спину, и не задает вопросов, на которые нет ответов, а сам я могу ходить где угодно, не опасаясь исчезнуть».

Сокровище наконец нагнала Жоржа и дернула за плечо, выпалив запыхавшимся голосом:

- Жорж! Почему вы не шлете мне эсмэски? Я соскучилась!

Жорж вздрогнул и растерялся:

- Сокровище, - громко сказал он, стараясь перекричать усиливающийся ветер, - так я же - с вами!

- Да, - кивала подруга его юности, - но вы так расплывчаты, что эсмэски тоже не помешали бы! Вы что, на мне экономите?

- Что? - не понял Жорж: ветер и море заглушали голос Сокровища. - Что вы сказали?

- Я спрашиваю, - кричала изо всех сил Сокровище, - почему вчера берег был песчаным, а сегодня - галечный?

Уже в следующую минуту Жорж и Иберотельное Привидение вновь приобрели вес, четкую форму и яркость.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

«Боже мой, - покачала головой Сокровище, - а ведь они существуют лишь потому, что я о них думаю!»

* * *

Бурбулька шла по берегу моря, собирая камни и ракушки замысловатой формы и необычной расцветки, и думала о том, что с виду все они были одинаковыми, но, если присмотреться, совершенно разными, непохожими друг на друга, как не было на свете двух похожих крошечных песчинок.

«Так и люди, - думала Бурбулька, наклоняясь за очередным пестрым камушком, - с виду такие схожие, а, по сути, каждый - своя вселенная со своими законами и притяжениями, брошенная, как и эти камни, в ожидании, что привлечет всевышнее внимание».

«Вот ведь как все задумано, - продолжала размышлять Бурбулька, отбрасывая в сторону камень, серый и невзрачный, - каждый выбирает себе только то, что ему нравится. И неправда, что нет выбора и довлеют обстоятельства, - каждый видит только то, что ему хочется, порой наделяя избранное придуманными качествами, - и она подобрала блестящий мокрый камушек идеально круглой формы, а вытерев насухо, разглядела на нем упорядоченные разводы, складывающиеся при желании в две буквы «т-ы». - Вот и мир у нас получается выдуманным, - и она выковыряла из песка отшлифованное морем изумрудное стеклышко и с интересом посмотрела сквозь него на свет, и небо с морем слились у нее в одно мрачно-зеленое марево, и она тут же отбросила стекляшку.

Солнце скрылось, и поднялся ветер, и Бурбулька поежилась. Идя дальше по берегу, она аккуратно обошла полуразрушенный песочный замок, построенный слишком близко к морю, а потому практически разбитый волнами, и положила пару крупных камней на оплавленные водой башенки. А затем, со свойственным ей пристрастием к деталям и мелочам, добавила в центр некогда замысловатой постройки еще пару маленьких белых камушков и уже хотела пойти дальше, как вдруг задержалась и задумалась. Потом опустилась коленями на мокрый песок и принялась разноцветной галькой тщательно обкладывать обвалившиеся стены, укрепляя и восстанавливая их былое зыбкое величие.

В. Топоногова. Прудик в Павлине. Холст на картоне, масло, 30x40, 2009

Глава 4

*О вторнике и о среде,
о фотографе Али и девочке в ярких трусиках,
о стриптизе и мороженом,
а также о тщетности усилий человеческих*

На следующий день счастья не было.

Утро было прохладным, ветреным, начал накрапывать дождь, столы с улицы были убраны, и пришлось завтракать в помещении. Большинство отдыхающих бесцельно слонялось по отелю, то тут, то там присаживаясь и попивая чай-кофе. Кое-кто отправился в сауну, кто-то наматывал дистанцию в бассейне. Да, такое порой случается, если в бархатный сезон отправиться к морю.

Мелкий дождик вскоре перешел в сильный ливень, и друзья приютились в кубических креслах, развернув их лицом к большим окнам и наблюдая за тем, как порывы ветра, смешанные с тяжелыми дождевыми струями, треплют кусты и деревья.

- У меня все дни перепутались, - сетовала Сокровище, потягивая горячий, чуть с горчинкой чай, - какой сегодня день?

- Ах, не все ли равно? - отозвалось Иберотельное Привидение, искоса поглядывая на большую плазменную панель на стене, где высокие девушки-клоны с непроницаемыми лицами демонстрировали коллекцию купальников. - В днях недели нет ничего определенного.

- И все-таки?

- Думаю, среда, - предположила Бурбулька и заглянула в мобильный телефон.

- Все-то ты у меня знаешь! - усмехнулся Друг и ущипнул ее за зад. - Но ответ неверный, девочка-автоответчик: у нас с утра - вторник, а среда - после обеда.

Мимо пробежала испуганная девочка Ноа, за ней бежал бледнолицый сердитый мальчик, на голове у него торчали индейские перья. Он выкрикивал что-то воинственное и размахивал пластмассовым томагавком.

Раздался звонок мобильного, и Сокровище вздрогнула. Нет, это не ей.

- Это ты? - строгим голосом спросила Бурбулька. - Кота кормил? - И, как всегда, заботливо проворковала: - Утром позавтракай, днем пообедай, а вечером - не забудь поужинать.

Сокровище вздохнула, уныло взяла свой телефон и тоже послала пару дежурных напоминаний сыну. Накануне тот прислал сообщение, что желает приятного отдыха и добавил в конце парочку «улыбочек», как решила Сокровище, совершенно бессмысленных.

Мимо вновь пробежала испуганная девочка Ноа, но уже в другую сторону, ее по-прежнему догонял бледнолицый мальчик с индейскими перьями, еще громче выкрикивая что-то воинственное и еще сильнее размахивая пластмассовым томагавком.

Друг проводил их взглядом великого полководца и пробурчал:

- Ему надо менять тактику.

Протомившись в унылом безделье еще полчаса, друзья радостно обнаружили, что небо внезапно очистилось, ветер стих и выглянуло солнце, быстро высушивая натекшие лужи. Да, погода была переменчива и в одну минуту могла измениться в любую сторону. Друзья, словно пассажиры в зале ожидания, поспешили взять свои сумки и направиться к бассейну - это было единодушное решение.

Бассейн имел форму замысловатой восьмерки и включал несколько деревянных мостиков, пару водяных горок и лягушатник - для новорожденных и Сокровища.

Компания стала быстро обживаться на расставленных шезлонгах, создавая вокруг себя приятную суету и ощущение праздника. Были раскрыты зонты, на пластиковых столиках

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

появились глянцевые журналы, книги по философии, заколки, зеркальца и кремы, масло для загара, разновеликие мобильные телефоны, парочка сочных персиков и тарелочка с фиолетовыми сливами.

Иберотельное Привидение плюхнулось в воду и, фыркая, заработало тяжелыми руками, демонстрируя образец кроля. Жорж, закончив мазать «тридцаткой» свое бледное тело, принялся заботливо покрывать Сокровище сверкающим маслом, приговаривая:

- Будете у нас шо-ко-лад-ная!

Бурбулька спряталась под большим зонтом с журналом, а Друг, в новых гламурных шортах для плавания, направился в бар принести всем напитки.

- Мне соды!

- Мне колы!

- Мне шоколад!

- Мне воды!

Друг шел и качал головой: «Бездельники».

Вскоре к компании присоединился и местный фотограф, верткий загорелый молодой человек с «редким» именем Али и с ярковыраженной тягой к прекрасному. Он давно заприметил очаровательную Бурбульку и вот уже несколько дней настойчиво уговаривал ее стать моделью для его портфолио, но та лишь качала головой и таинственно отвечала: «Чуть позже». Вот и теперь Али подсел к ней на шезлонг и всячески заигрывал, иногда, правда, поглядывая и на Сокровище в надежде, что, может, хоть та сдастся на его уговоры.

- Дружище! - приветствовал его вернувшийся Друг, расставляя на столике разноцветные стаканы и чашечки. - Ты лучше не связывайся с этими морскими свинками! С этими морскими гадостями! Уж очень они опасные! - приговаривал Друг, мешая русскую речь с английской.

Али прекрасно понимал мешаный язык, и слова Друга его позабавили:

- Опасные? Как это? Кусаются?

- Да! А эта - особенно, - и Друг указал пальцем на Сокровище - та смотрела на них сквозь дымчатые очки со снисходительной улыбкой.

- Почему? - удивился фотограф и поднял брови.

- Почему? - Друг неопределенно дернул плечами. - Есть вопросы, на которые нет ответов. Спросите, где все ее возлюбленные. Вот свяжешься с ней, тогда и узнаешь, - и, взяв бутылочку с маслом, начал энергично намазывать свои давно почерневшие на солнце руки и ноги.

- Только идиоты мажут маслом, - слышалось раздраженное бурчание Бурбульки из-под зонта.

- Что она сказала? - опять не понял Али.

- Моя жена говорит, - пояснил Друг с лучезарной улыбкой, - что она без ума от моего эротичного загара!

- Да-да, это правда! - согласился Али, но тут же извинился и убежал предлагать свои услуги вновь прибывшим.

Мимо опять промчалась длинноногая Ноа, уже легко и непринужденно, и устремилась в заросли парка. Ее все еще преследовал мальчик в индейских перьях, но на этот раз он уже ничего не выкрикивал, бежал устало, спотыкаясь, вяло размахивая томагавком.

- Ну, все, - заключил Друг и уверенно покачал головой, - теперь он ее точно не поймает, надо было гнать ее на открытую местность.

Сокровище по лесенке спустилась в бассейн и медленно погрузилась в прохладную воду, а затем с удовольствием поплыла, радуясь тому, что под ногами было твердое дно и никакие волны не угрожали ее хрупкой жизни. Мимо стремительно пронеслось Иберотельное Привидение, фыркая и высоко взмахивая мощными прозрачными руками, и громко, по-

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

отечески, подбодрило ее:

- Молодец!

Сокровищу опять показалось, что она услышала что-то знакомое, что-то до боли родное, но уже забытое и несбыточное, и она вновь с тоской вспомнила о своем молчащем мобильнике. В это время где-то над ней раздался звонкий детский голос:

- Девочка, лови меня!

Сокровище быстро встала на ноги и испугано подняла голову.

- Де-е-вичка, лови меня! - повторил на чисто русском языке призывный голос - на бортике бассейна, притоптывая и подпрыгивая от нетерпения, стояла пятилетняя девочка, с косичками и в ярких трусиках, и собиралась уже прыгать в воду, к Сокровищу. Сокровище покрутила головой, но никакой другой «девочки», кроме себя, не увидела.

- Это ты мне? - недовольно уточнила она. В ее планы не входило резвиться в воде с незнакомым ребенком - она вообще относилась к детям сдержанно. - А ты плавать умеешь?

- Не-а, - воскликнула девочка и приготовилась прыгать.

- Стоп-стоп-стоп! - замахала руками Сокровище. - Никаких прыжков! Ловить тебя я не буду. Если ты прыгнешь, то сразу утонешь, - я тебя не спасу, да и сама захлебнусь! Где твоя мама?

- В баре, - буркнула девочка.

- Вот пусть она тебя и ловит, - сказала Сокровище и отвернулась.

Девочка сердито топнула маленькой ножкой и побежала дальше по бортику, ища того, кто бы смог поймать ее и научить плавать.

«Господи, какое счастье, что у меня нет детей», - думал Жорж, в изнеможении вылезая из бассейна, где битый час усердно ловил девочку с косичками и в ярких трусиках, пока ее мама наслаждалась в баре беседой с новыми знакомыми. Он устало плюхнулся на шезлонг и судорожно закурил. Мимо прошел маленький «Жан Габен» и игриво подмигнул Жоржу маленьким глазом.

К пяти часам выстроилась очередь у тележки с мороженым, и расторопный официант начал выдавать всем желающим вафельные рожки с разноцветными шариками.

Наши друзья не были исключением. Получив по миниатюрному рожку, они сели в баре в деревянные кресла вокруг круглого столика.

- А вот во времена нашей с Сокровищем юности мы тоже ели мороженое, - говорил Жорж, ловко управляясь с шоколадным рожком.

Мороженое-мороженое!

Напротив сидела «Бритни Спирс» и, оживленно болтая со своим никого не напоминающим приятелем, время от времени откусывала кусочек от своего клубничного рожка, а затем, втягивая щеки, с наслаждением перекачивала его во рту.

Прошел маленький «Жан Габен» с маленьким шоколадным мороженым в маленькой руке и опять подмигнул Жоржу.

К тележке с мороженым подбежала и чернокожая Ноа в индейских перьях бледнолицего мальчика и с его томагавком; мальчика поблизости нигде видно не было.

Еще прошли две девочки-двойняшки, словно из индийского фильма "Зита и Гита", туго обернутые одним полотенцем, образующим совместное тело с двумя головами, двумя руками и семенящими под полотенцем четырьмя ногами. Руки и ноги у девочек двигались совершенно синхронно, как, впрочем, и длинные муравьедские языки, вылизывающие из вафельных стаканчиков расплавленное мороженое.

Через бар торопливо проскользнул фотограф Али, откусывая на ходу от своего рожка и

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

делая тут же спонтанные снимки. Вечером он удивится, что фотографировал пятерых наших друзей, а на снимке получились лишь трое.

Наконец, покончив с мороженым и щелкнув зажигалкой, Друг обвел всю компанию таинственным взглядом и, выдержав паузу, торжественно сообщил:

- А сегодня у нас стриптиз.

- Да? - Сокровище слизнула с тонкого пальца ванильную капельку. – Где? Когда?

- Вечером, - пояснил Друг, мечтательно выпуская над собой сизое колечко дыма.

Жорж и Иберотельное Привидение возбужденно заблестели глазами, заерзали в креслах и, не сговариваясь, хором спросили:

- Кто выступает?

Друг помедлил, а потом небрежно махнул рукой в сторону Бурбульки и Сокровища:

- Они.

- Мы? – ахнули подруги, но тут же выпалили: - Нет уж, дудки, не дождетесь! Раздевайтесь сами!

Жорж и Иберотельное Привидение разочарованно покачали головами:

- Так у вас, милый Друг, ничего не согласовано? Опять ваши дурацкие шуточки?

- Ничего подобного! – Друг невозмутимо выпустил еще одно колечко дыма – на этот раз большое и многослойное. – Я что же, по-вашему, зря с ними вчера по магазинам таскался? Терпел жару, тащил пакеты с подарками, откликался на бесконечные «пойди сюда, посмотри, давай купим...» Нет уж, пусть раздеваются! Я требую стриптиза!

- Логично, - согласились Жорж и Привидение и тут же громко заголосили: - Стрип-тиз! Стрип-тиз!

Собравшаяся у бассейна публика не заставила себя долго ждать, а потому вслед за Жоржем и Привидением тоже постепенно начала скандировать: «Стрип-тиз! Стрип-тиз!». Кричали все: и маленький «Жан Габен», и «Бритни Спирс», и чернокожая Ноа, и девочка в ярких трусиках, а особенно старался фотограф Али. Короче, кричали все, а некоторые даже хлопали в такт ладонями и стучали пластиковыми стаканчиками.

Сокровище и Бурбулька вскочили, натянули прозрачные туники и устремились в густые аллеи парка – такого внимания к себе они не ожидали.

- Идиот, - приговаривала Бурбулька, еле успевая бежать за Сокровищем. – Точно намажу его «соткой», это его от загара переключило!

* * *

Друг смотрел на возмущенных убегающих подружек и думал о том, какие же они все-таки беззащитные. Он обвел взглядом веселую разношерстную публику, сидящую за столиками, толпившуюся у барной стойки, празднично слоняющуюся вокруг бассейна, и думал о том, что, по сути, они все - беззащитны и трогательны, и уязвимы, а их нарочитое благополучие такое же хрупкое и ненадежное, как песочные замки, разбросанные по пустынному пляжу. Да, эти замки песочные, так заботливо и кропотливо возведенные, никак не давали ему покоя и наводили беспричинную грусть: чем ярче и жарче было солнце, тем быстрее они рушились-рассыпались, а ведь сколько в них выдумки было заложено, сколько часов потрачено, а подует горячий ветер, и высушит их солнце, ударится об их хрупкие стены сильная морская волна - разобьет, и замков как не бывало. Вот она, тщетность усилий человеческих, вот их бессмысленность.

Все звуки ушли на второй план и доносились до него словно сквозь вату – люди, как рыбы, открывали рты, что-то беззвучно обсуждали, смеялись.

«Все тщетно, все тщетно, - думал Друг, сидя нога на ногу в большом кресле и, чуть

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

вытянув губы, выпуская в воздух легкие колечки дыма – раз, два, три. - Все тщетно - и к лучшему: так надоела эта бессмысленная суета, вечная бытовая зомбированность, это однообразие и скудность помыслов. Ногой, ногой эти песочные замки, эти иллюзии! Надо строить каменные крепости!» - так размышлял Друг, а потом неожиданно вытащил из кармана телефон и набрал номер сына:

- Привет.

Глава 5

*О домике с глянцевыми окнами и о странных запахах,
о том, что иногда от счастья можно кричать,
а также о коварстве и о море-капучино*

Утром на следующий день опять наступило счастье: было тепло и безветренно, и столы накрыли на улице, а потому вновь можно было неспешно завтракать, наслаждаясь уже ставшим родным шумом моря и нежными лучами осененного солнца.

- Какое счастье, - привычно выдохнула Сокровище, и все дружно с ней согласились.

После завтрака по дороге на пляж друзья задержались на аллеях парка - сделать снимки среди пышных кустов с ярко-алыми цветами и кустиков, обсыпанных мелкими голубыми искорками. Они группировались по двое, по трое под банановыми пальмами, которые, по замечанию Жоржа-ботаника, были вовсе не пальмами, и даже не кустарником, а пятиметровой гигантской травой. Они принимали позы, менялись местами и лучезарно улыбались в камеру.

Наконец, закончив общую фотосессию, они присели на изящную скамеечку и принялись вновь разглядывать уже хорошо знакомые окрестности. Воздух в этот день был по-особому наполнен свежестью и пропитан громким стрекотанием цикад и кузнечиков.

- Интересно, цикады так друг с другом переговариваются? – поинтересовалась Бурбулька и с удовольствием вдохнула утренний воздух.

- Не знаю, может, они, как мухи, так чистят лапки и крылышки, – предположила Сокровище и откинулась на спинку скамейки, подставив лицо лучам солнца.

- Хорошо же они испачкались!

- Жорж, - с энтузиазмом спросил Друг. – А вы играете в крикет? Смотрите, вон площадка для крикета - здесь все играют. Не желаете?

- Да, - обрадовался друг юности и поправил на голове ярко-оранжевую панаму.

- А в бочу? Там и для бочи зеленая лужайка есть, видите?

- А боча... у нас - что?

Но Друг не успел объяснить Жоржу, как играют в бочу, Бурбулька перебила его:

- Странный запах, да?

- Да-да, - согласился Жорж и тоже начал принюхиваться, - пахнет едой. Определенно едой!

Вслед за ним и Друг, и Иберотельное Привидение забеспокоились. Одна лишь Сокровище сидела невозмутимая.

- Мне кажется, это козий сыр, - резюмировал Жорж, - я хорошо знаю этот запах - моя жена любит козий сыр.

- Нет, - возразило Иберотельное Привидение, - это колбаса, совершенно определено.

- Можно подумать, что фантомы чувствуют запахи! – презрительно хмыкнула Сокровище и подпихнула ногой пляжную сумку – на всеобщее обозрение. – Нечего гадать, вот, все - здесь.

Все с любопытством наклонили головы и обнаружили там маленькую ресторанный тарелочку с горкой сыра и колбасы, аккуратно прикрытую бумажной салфеткой.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Что это? – обескураженно спросило Привидение и потянулось большой рукой за колбасным ломтиком.

- Я говорил: еда, - Жорж еще раз потянул носом. – И я бы от кусочка не отказался...

Но Друг вмешался:

- Вы что, опять, Сокровище, голодны? Сколько ж есть можно? Надо все-таки себя ограничивать! Правильно говорит ваша мама: вы - неумная!

- Я ни в чем не собираюсь себя ограничивать, - обиженно сказала Сокровище и решительно встала. – Эта еда для «добермана» и «далматина», которые бегают по берегу и заглядывают всем в глаза в надежде... - тут она не договорила, взяла сумку и быстро направилась к пляжу. - Для «добермана» и «далматина», - шептала она, но ее никто не слышал.

- Бедная моя девочка, - с пониманием вздохнуло Привидение, - пошла отрабатывать свои детские грехи... зацелованные до смерти щенята... запеленатые в платочки котята... вымытые в шампуне цыплята...

- Неужели? - ужаснулась Бурбулька и всплеснула руками.

Жорж некоторое время наблюдал за одиноко удаляющейся фигуркой, а потом не выдержал и, воскликнув: - Подождите, я с вами! - поспешил за Сокровищем. – Я тоже буду кормить ваших собак!

- Ах, кто бы сомневался, - пробурчал Друг и привычно ущипнул Бурбульку за зад.

Побережье было на редкость пустынным - то ли наши друзья пришли слишком рано, то ли из отеля в этот день уехало много отдыхающих, но наша пятерка, не раздеваясь, тоскливо опустилась на нерасставленные шезлонги и задумчиво уставилась на бирюзовую гладь воды. Они молча сидели, кое-кто - обхватив руками колени, и были похожи на зрителей в кинозале, смотревших в который раз старую как мир киноленту. У их ног преданно сидели сытые «доберман» с «далматином», а чуть поодаль, сложив на груди руки и сдвинув на глаза красную бандану, спал фотограф Али - с ночи еще не проснулся или недавно пришел, неизвестно.

- Сегодня мне приснилась Буркина Фасо, - задумчиво проговорила Сокровище, не мигая и не отрываясь от «фильма». - И не одна, а с Милым. Они танцевали и наконец стали счастливы, костюмы на них были светлые – в стразах...

- А мне приснилось, что я загорел, - сказал Друг и мечтательно вздохнул.

- А мне приснилась зима, - добавил Жорж.

- А мне снилось, что я – человек, - прошептало Привидение.

- Мне тоже что-то интересное снилось - всю ночь, - сообщила Бурбулька, - но под утро кричала какая-то птица, и я проснулась!

- Это Сокровище кричала от счастья, - тихо пояснил Друг.

Появилась нагруженная мешками старуха-торговка и, тяжело скинув на влажный песок поклажу, помахала рукой.

Сокровище встала:

- Жорж, а разложите-ка мне шезлонг в сторонке, окажите любезность. Попробую уснуть, все-таки я очень тревожно спала.

- Не лукавьте, девочка-обманщица, - откликнулся Друг и принялся рыться в пляжной сумке. - Лучше признайтесь: хотите сон про Милого досмотреть?

- Ты что-то потерял? - поинтересовалась Бурбулька с каким-то странно равнодушным видом, рассматривая себя в маленькое зеркальце.

- Масло... где-то здесь было мое масло, - пробормотал Друг, растерянно выкладывая все содержимое сумки на полотенце.

Иберотельное Привидение тихонько подлетело к Бурбульке:

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Ты спрятала его масло для загара?
- Почему «спрятала»? - шепотом отозвалась та. - Я его просто выкинула!
- Если он узнает... - покачало головой Привидение.
- Но ты ж не скажешь ему?

Друг перебирал вещи и все больше хмурился.

- Помочь? - с готовностью предложил Жорж. – Может, куда завалилось?

Но тот лишь сердито буркнул:

- Это вам не таблетница, уважаемый!

- На что это вы намекаете? - со своего шезлонга отозвалась Сокровище, приоткрывая один глаз.

А намекал он на совершенно курьезный случай, произошедший на днях с Сокровищем в их добропорядочном «Иберотеле». Дело было так. Как-то после очередного счастливого завтрака, ближе к обеду, Сокровище не обнаружила в своей пляжной глубокой сумке маленькой волшебной коробочки с витаминами.

«Оставила на столе в ресторане», - решила она и тут же поспешила в отель.

- Простите, вы не видели мою маленькую зелененькую коробочку-таблетницу? - обратилась она к официанту.

- А что в ней было? – в ответ тот завлекательно дернул бровями. - Таблетки?

- Три грамма кокаина, - невозмутимо отреагировала Сокровище в надежде, что ее шутка будет по достоинству оценена.

В тот день «кокаин» искал весь отель, включая и брата хозяина, который был срочно вызван с женой и детьми из соседнего города. Целый день Сокровищу несли коробочки: кто - с анашой, кто – с коноплей, а уборщик даже принес пакет с маковой соломкой. Хозяин очень заботился о своих клиентах и любым способом пытался уладить неприятный конфликт. Насладившись проделкой, на следующий день Сокровище все же решила прекратить это безобразие и смущенно сообщила, что пропажа нашлась. И действительно, Сокровище обнаружила таблетницу в сумке под подкладкой.

Сквозь призрачный сон Сокровище почувствовала рядом какое-то движение:

- Вы опасная? – слышал шепот у нее над ухом.

Она приоткрыла глаза – рядом с ней на корточках сидел фотограф Али и смотрел прямо на нее.

- Наверное, - с досадой буркнула Сокровище и отвернулась.

- Если вы опасная, то на ночную дискотеку я пойду с вашей подругой!

- Ему все равно с кем идти, – подлетело Иберотельное Привидение и встало рядом, демонстративно рассматривая впечатляющие размером костяшки своих пальцев.

- Тогда пусть идет с Жоржем, - вновь погружаясь в сон, пробормотала Сокровище.

Постепенно пляж все же стал многолюдным и оживленным, жизнь вошла в свое русло. Бурбулька кокетничала с пожилым немцем и его тучной женой – та сидела в откровенном раздельном купальнике, говорила низким голосом и беспрерывно дымила вишневыми сигариллос. Жорж, подложив под голову руки и убедившись, что все в порядке (полотенца лежат, Сокровище лежит, Друг загорает), наблюдал за молодой супружеской парой, сидевшей на песке у самого моря и обсуждавшей что-то, обоих раздражающее. При каждом всплеске эмоций молодые люди кидали друг в друга горсти песка и так увлеклись песочной баталией, что вскоре окончательно засыпали друг друга. Их ребенок, спокойно спавший поодаль в тени,

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

проснулся и горько заплакал, но ссорящаяся парочка его не услышала. Сердобольная Бурбулька взяла малыша за руку и, равнодушно пройдя мимо двух песочных холмов, отправилась на поиски его родителей.

Заскучав, Жорж перевел взгляд на Друга и с завистью проговорил:

- А вы все-таки сильно загорели, уважаемый. И как вам это удалось? Ведь вас жена постоянно «соткой» мажет.

- Она мажет меня «соткой», и я, заметьте, не возражаю, - благодушно отозвался Друг, глядя из-под полуприкрытых век в сторону призрачного горизонта. – Потом я говорю, что направляюсь пить кофе, а сам иду в туалет и быстро там все смываю!

Жорж посмотрел на Друга и едко заметил:

- Я всегда подозревал, что вам свойственно коварство.

- Коварство, мой дорогой, - улыбнулся Друг, по-прежнему не отводя взгляда от полуденного бледного моря, - свойственно всем. Разница лишь в его степени.

Сокровище села и с досадой покрутила головой:

- Нет, нет возможности уснуть, - заключила она и деловито поправила черепаховую пряжку на лифе.

- Что? Вы что-то сказали? - обернулись к ней Жорж и Друг – они надеялись, что она досмотрела свой ночной сон и расскажет им что-то особенное.

- Говорю, очень ветер мешают. Мешает спать. Он меня словно толкает, толкает своими порывами.

- А море вам не мешает? – разочарованно спросил Друг. - Своим шумом?

- Нет, - Сокровище встала и принялась закалывать растрепавшиеся волосы. - Море – нет. А вот ветер мешает – толкает, толкает... высушивает глазную роговицу...

- Да вы, Сокровище, просто оборзели, простите! - пробормотал Друг и посмотрел на Бурбульку, которая с плачущим ребенком вот уже час безрезультатно ходила по берегу.

«Нет, - подумал он с досадой, – только не усыновление!»

По берегу пробежали «Зита и Гита», каждая со своим полотенцем.

За ними, шлепая по морской пене, бежал бледнолицый мальчик с луком и стрелами.

Подшел маленький «Жан Габен» и, вновь подмигнув Жоржу, чуть сдвинул свой шезлонг в его сторону: «Не возражаете?»

Подбежала чернокожая Ноа и большим пальцем ноги начертила на песке перед Другом слово «уoi». Друг улыбнулся ей и по-русски сказал:

- Иди-иди, девочка-вуду, я и без тебя почернею.

Вдоль берега по воде проскакал колоритный «Бандерас» и помахал Бурбульке рукой.

Появилась и новая группка отдыхающих, среди которых были два брата, бледных и рыхлых, без определенного возраста. «Гоблины, - вздохнула Бурбулька с состраданием. – Бедные бледные гоблины».

Тут же на берегу делал снимки и фотограф Али, заставляя «Бритни Спирс» со своим никого не напоминающим приятелем принимать откровенные позы, а наблюдавший за ними Друг про себя разочарованно думал: «Ей определенно нужны брекеты - на ноги».

А в стороне сидела Сокровище и тонкой кисточкой красила длинные ногти. Тут же, на оранжевом полотенце, сидело Иберотельное Привидение и своими большими пальцами аккуратно держало изящный пузырек с белым лаком. На песке рядом с ними мирно спали «доберман» с «далматином», время от времени подергивая во сне лапами. Сокровище и Привидение тихо о чем-то разговаривали. Иногда Сокровище, отвлекаясь от своего занятия, поднимала голову и внимательно рассматривала цепочку с пластинкой, висевшую на шее у призрачного собеседника. На золотой пластинке-жетоне было выгравировано «Ты».

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Зачем тебе это? – наконец, после долгих сомнений, спросила она и протянула руку к цепочке.

- Есть вопросы, на которые нет ответов, - знакомым голосом ответил ее собеседник и отвел глаза.

Друг, некоторое время наблюдавший за ними со стороны, не выдержал и прокричал:

- Послушайте, Овидий, ваша любовь навязчиво куртуазна! – но ветер унес его слова к морю.

Тогда он встал, подошел поближе и наклонился, внимательно разглядывая ноги Сокровища:

- Что это вы делаете, девочка-маляр? Ногти на ногах красите?

- Вы что, не видите? – вмешалось Привидение. - Вечно вы со своими вопросами!

- Как раз очень хорошо вижу. Такой краской у меня дома все двери покрашены. А с вашей куртуазной любовью, Овидий, пора заканчивать – вы же Сокровище балуете! Непозволительно расслабляете! Вы знаете, *что* говорит про нее ее мама?

Бурбулька нашла горе-родителей и выкопала их из песка. Сокровище нарисовала ногти на руках и ногах - у себя и у Привидения. Жорж пару раз сплавал до буйков с девичкой в ярких трусиках, предусмотрительно нацепив на нее нарукавники. А Привидение прочитало в Википедии статью об Овидии.

- Звонка нет, - сказала Сокровище и захлопнула толстую книгу - они с Бурбулькой лежали в тени, тщетно пытаясь читать. - Есть только две версии, и они стары как мир.

- Знаешь, - Бурбулька отложила глянцевый журнал в сторону и села. - Я хоть и мелкая, но мудрая.

- Знаю, - согласилась подруга. - Не зря твой муж говорит...

- Так вот, - Бурбулька прервала ее, - есть еще и третья версия.

Сокровище насторожилась, а подруга со знанием дела добавила:

- И четвертая, и пятая... только мы не знаем их! И не узнаем...

Сокровище медленно встала и пошла прочь вдоль песчаного берега.

- И шестая, - смотрела ей след Бурбулька, - и седьмая...

Когда спустя некоторое время к ней подошел Друг и взял ее за руку, она все еще шептала:

- И двадцатая, и двадцать пятая, - и из глаз ее текли слезы. Она повернулась и посмотрела на мужа. - Какое счастье, что мы все-таки вместе!

А тем временем день близился к вечеру. Друг таинственно закатил глаза и, выдержав паузу, сказал:

- А сегодня вечером у нас... - но он не успел договорить. Бурбулька и Сокровище тут же яростно замахали руками:

- Нет, нет и нет, никакого стиптиза!

Друг невозмутимо дернул плечами:

- Не хóчите – как хóчите.

- Вы, очевидно, хотели сказать, - уточнил Жорж и накинул на красные плечи свою песочную рубашку, - что сегодня вечером нас ожидает живая музыка и, по всей видимости, танцы. Я видел объявление.

- Именно это я и хотел сказать, - обиженно кивнул Друг. – Думаю, надо одеться гламурно. Жорж, кстати, это и вас касается. У вас есть другая рубашка?

- Да, у меня есть вторая – в мелкий цветочек, - пояснил Жорж и пониже натянул на глаза оранжевую панаму.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Вот и наденьте ее, а то эта уже надоела. И снимите свою панаму! Хотя бы на танцы!

- А во времена нашей с Сокровищем юности... - опять попытался рассказать Жорж свою историю, но все замахали на него руками:

- Ах, бросьте вы свои подробные истории. Вы нас уже ими замучили.

А Друг продолжал давать указания:

- Я буду танцевать с женой, Сокровище с Привидением, а Жорж... - тут он задумался. – Какая, вы говорите, у вас вторая рубашка?

- Оливковая, в мелкий цветочек.

- Ага! Вы будете танцевать с «Жаном Габеном».

- Нет уж, увольте, - вскочил возмущенный Жорж, - я человек женатый!

- Это ничего не значит, - мудро заметила Бурбулька, а мужу сообщила: - Я, кстати, тоже не буду с тобой танцевать. Тебя в темноте даже видно не будет!

- А я вообще не танцую, - сообщило Привидение, явно смущаясь своей неуклюжести.

- Что ж, господа, капризные мальчики и девочки, - вздохнул Друг и обвел всех собравшихся взглядом, - тогда Жорж пусть танцует с Бурбулькой, а я – с вами, - Друг протянул руку Сокровищу. – Пасодобль, не желаете?

* * *

Жорж шел по пустынному пляжу в своей оливковой рубашке и с пристрастием, свойственным только настоящим архитекторам, рассматривал попадающиеся на его пути песочные замки. Некоторые поражали его изысканностью, другие – простотой решения, третьи же – минимализмом, так ему самому свойственным. Были и такие, которые он не удостоивал вниманием, – постройки без всякой фантазии и трудолюбия. Потом Жорж сел на песок и принялся возводить замок свой собственный. Но тут же накатывали волны и смывали все попытки хоть что-то воздвигнуть. «Ох уж это море-капучино», - думал Жорж, снова и снова начиная кропотливое занятие. Но море вновь и вновь настойчиво ломало его творения. Тогда Жорж отошел чуть подальше от берега и построил из песка лишь одну башню и одну стену. «А мне больше не надо, - решил он и на секунду задумался. - Чего-то не хватает, какого-то финального росчерка... - и, подумав, положил рядом с башней круглый плоский камушек. - Вот теперь – все! - удовлетворенно посмотрел Жорж на свое детище. - Вертикаль, горизонталь и окружность – это самое главное, все остальное – производные!» - и, довольный, пошел дальше по берегу, дыша полной грудью и наслаждаясь необыкновенной легкостью бытия.

Глава 6, и последняя

*О цукатных цикадах, о гоблинах,
о телефонном звонке Доктора
и еще о том, что все обязательно будет хорошо*

- Я целую цикад - в их цукатные губы! – громко декламировал Друг, стоя ранним утром на балконе с незабываемым видом на бирюзовое море, и в такт своим словам размахивал рукой.

Ветер трепал его волосы, развеивал развешанные повсюду разноцветные полотенца и купальники, пригибал к земле кустарники и цветы, но ничто не мешало Другу в его вдохновенном поэтическом порыве.

- Я целую цикад - в их цукатные губы! – кричал Друг, стараясь перекричать ветер и шум разбивающихся о берег морских волн. - И цукатные песни мне цикады поют!

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Я целую цикад
 В их цукатные губы!
 И цукатные песни
 Мне цикады поют!
 Я хочу вам сказать,
 Что цикады – повсюду,
 Надо лишь их цукатные
 Губы поймать!

Спустя три часа Бурбулька и Сокровище спешно собирались, каждая в своем номере, на ходу суша феном волосы и одновременно кидая курортные наряды в чемоданы. Уже час как они должны были освободить номера, но задерживались - просидели на пляже.

Притихшие Жорж и Иберотельное Привидение тактично остались поджидать друзей в лобби – через час наша троица стартовала в аэропорт, а затем - в дождливую и холодную Москву, поглощенную заботами и суетой.

Тем временем Сокровище, завернутая в полотенце, смотрела на кучу вещей, раскиданных по кровати, и лихорадочно соображала, как все это запихнуть в чемодан. Взяв у самой себя тайм-аут – всего лишь пару минут! - Сокровище вышла на балкон, чтобы напоследок запечатлеть в памяти море и провести ревизию рожденных на отдыхе грез. Но грезы, увы, оказались слишком мутными – неизбежно наступала реальность, подбоченившись и ехидно улыбаясь.

Именно в такую непростую минуту Сокровище услышала странное царапание и шебаршение в коридоре за дверью, а подойдя к двери на цыпочках, прислушалась и поняла, что кто-то пытается открыть дверь с другой стороны. Сокровище повыше натянула полотенце и со словами «Бурбулька, Друг, я еще не готова» распахнула дверь.

Но это были не ее друзья. Перед ней стояли «гоблины» - те, что приехали накануне и, судя по некоторым признакам, ночь провели в «слепой» комнате и теперь вырвались на волю. В руке у каждого было по магнитному ключу от нового номера и им, очевидно, не терпелось поскорее в него переехать. Увидев в «своем» номере почти обнаженную женщину, удивленно на них уставившуюся, оба «гоблина» сильно смутились и потупились, продолжая тем не менее жестами демонстрировать свои намерения.

- *Ten minutes*, - с пониманием улыбнулась Сокровище и быстро захлопнула перед ними дверь.

«Значит, в этом сказочном номере теперь будут жить гоблины! – Сокровище принялась спешно натягивать на себя футболку и джинсы. - И будут преспокойно смотреть с этого удивительного балкона на этот фантастический пейзаж, - не менее спешно она принялась утрамбовывать чемодан, - и может быть, даже ничего не увидят, – ж-ж-жик – и она с трудом затянула на чемодане расплзающуюся молнию, - того, что видела там я!»

У кровати на тумбочке зазвонил телефон.

- Вы готовы? – раздался голос Друга – отрезвляюще буднично и по-московски прохладно.

- Две минуты! - взмолилась Сокровище.

И вновь раздался настойчивый стук в дверь, и Сокровище вновь выглянула. Сейчас она была уже в себе более уверенной и эффектно выглядевшей. Однако на «гоблинов», а это, без сомнения, были они, сие не произвело впечатления. На этот раз, уже ничуть не смущаясь, они сердито размахивали руками, указывая на дверь, на свои чемоданы и на теперь уже свой номер, и громко мычали, очевидно, не зная, на каком языке следует изъясняться с противной дамочкой, чтобы та, наконец, съехала.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

«Эти люди могут быть агрессивными», - испугалась Сокровище, вновь широко улыбнулась и, показав пять растопыренных тонких пальцев – «пять минут», – поспешила захлопнуть дверь.

Вновь зазвонил телефон, и опять Друг скупно спросил:

- Ну, так вы готовы?

- Да. Выхожу. Ко мне приходили гоблины! Похоже, они будут жить у меня!

- Вы остаетесь?

- Я имею в виду – будут жить в этом номере.

- Они стучались?

- Да, стучались. Дважды!

- «Почтальон стучит дважды»...

- Что?

- Гоблины проходят к дождю. Я смотрел прогноз - в Москве дождь.

Друзья понуро сидели в кубических креслах и ждали отъезда. Настроение было унылое, все помалкивали - возвращаться домой мучительно не хотелось. Но праздник не может длиться вечно.

Наконец перед отелем показался автобус, и отъезжающая публика задвигалась.

Неожиданно в чьей-то сумке раздался звонок мобильного, и Сокровище опять вздрогнула, но, встретившись взглядом с Иберотельным Привидением, поспешила улыбнуться. Звонил телефон Друга.

- Доктор, Доктор⁶, это вы?! – радостно воскликнул Друг и тут же тихонько шепнул Сокровищу: – Прячьтесь, это ваша мама, - а затем громко в трубку продолжил: - Да, Доктор, обязательно... я все передам... обязательно... Ах, ужасно, ужасно она ведет себя, нескромно, вызывающе! Вы были все-таки правы, говоря, что она... А что мы? Мы тоже нескромно ведем себя, вызывающе!.. Да, это недопустимо, у нас ни стыда, ни совести... Мы мажемся маслом, смотрим стриптиз, общаемся с привидениями... Доктор, нам вас так не хватает! И еще, - тут Друг замолчал, а затем громко и горестно заключил: - мы по-прежнему очень больны! Мы *так* больны! Нас мучают призраки! И вновь ничего не спасает! Здоровым опять среди нас места нет!

Так восклицал Друг под общий укоризненный взгляд остальных членов компании.

- Что ж... – сказала Сокровище и встала. – Кажется, нам пора.

Все тоже неохотно встали и переглянулись. И тут Иберотельное Привидение ободряюще улыбнулось и неожиданно громко сказала:

- Парео!

Бурбулька хихикнула и добавила:

- Десао!

- Моветон, - деловито вставил Жорж.

А Друг покачал головой:

- Эх, пасодобль!

- Что ж... - засмеялась Сокровище и взяла свою сумку. – Всем - зачет!

Уже у дверей автобуса друзья обнялись с Жоржем и Иберотельным Привидением.

- Может, поедете с нами? - робко предложила Бурбулька.

Оба грустно улыбнулись:

⁶ «Доктор» - доброе прозвище мамы Сокровища, объяснение которому можно найти в повести «Неспешность. Лето».

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Мы не можем.

- Поехали! – настаивала Бурбулька. - У нас в чемоданах вполне уместитесь.

Жорж умоляюще взглянул на приятеля, но одобрения не встретил.

- Пойдем, Жорж, - вместо этого сказала Иберотельное Привидение, - мы ведь с тобой одной крови. Пора.

Сокровище обняла Жоржа и шепнула на ухо:

- Пока, скоро увидимся, - а потом подошла к Привидению и прошептала: - Спасибо. Мне будет тебя не хватать.

Тот притянул ее к себе большими руками, обнял и коснулся губами виска:

- Все будет хорошо, обязательно, вот увидишь.

Сокровище смахнула слезу и быстро отошла в сторону.

- А ведь вы - врушка, Сокровище, - слышался рядом голос Друга, - говорили, что забыли ту историю, а что оказывается? Вот и Привидение – в образе. Вы окружены призраками, и они не дают вам покоя. Отпустите их - и станете счастливы, уж поверьте моему опыту!

«Мы все друг для друга фантомы и придуманные призраки, - подумала Сокровище, - мы видим только то, что хотим. Наделяем друг друга качествами, которых на самом деле может и не быть. Уверенные в своей правоте, создаем вокруг себя целую галерею иллюзий-образов, которые порой так далеки от реальных. Нет, ничем мои фантомы не отличаются от живых особей - тот же срез желаемого. Но иногда мне кажется, что мои фантомы реальней, чем мы сами».

Автобус медленно тронулся, а наши друзья смотрели в окна и изо всех сил махали провожающим. Им в ответ тоже махали – и маленький «Жан Габен», и бедрастая «Бритни Спирс» с никого не напоминающим приятелем, и потрясающей красоты чернокожая девочка Ноа, стоявшая об руку с братом, и пожилая немецкая пара, дымящая вишневыми сигариллос, и «Зита и Гита» с полотенцами, и девичка в ярких трусиках, и брат хозяина с женой и детьми из соседнего города, и фотограф Али, прижимающий к груди свой портфолио, и даже «Бандерас», наконец спешившийся. Все они стояли и махали нашим друзьям руками, а некоторые даже двумя, а кто-то даже подпрыгивал и что-то громко кричал, сложив руки рупором.

Среди всей этой разношерстной и милой толпы стояли Жорж и Иберотельное Привидение, и по мере удаления автобуса их фигуры постепенно таяли, теряли яркость и очертания, а вскоре и совсем исчезли в воздухе - осталось только воспоминание.

Друзья отвернулись и погрузились в молчание. Другу мучительно хотелось курить, а Бурбулька отчаянно рылась в сумке, совершенно не понимая, что она ищет.

Сокровище же задумчиво смотрела на пробегающую мимо яркую полосу побережья – на люрексное море, на желтый песок, на редкие деревца и кустарники и думала: «Прощайте, мои песочные замки, такие же восхитительные и ненадежные, как все мои планы. Прощайте мои замки-иллюзии, рассыпающиеся при малейшем дуновении реальности».

Внезапно в ярком солнечном свете, на фоне вскипающей морской белой пены, она заметила знакомую старуху – та шла вдоль песчаного берега, припадая на одну ногу и привычно ступая босыми пятками по воде, по разноцветной выброшенной на берег гальке, нисколько не заботясь о том, что шагает по построенным из песка хрупким замкам, легко превращая их в прах: и воздушный замок Сокровища, и тяжеловесную крепость Иберотельного Привидения, и постройку Бурбульки, укрепленную камешками, и одну стену и одну башню Жоржа.

А, не стоит расстраиваться, новый день принесет новые замки!

Ветер развеивал ее широкое платье, срывал с головы платок. Рядом бежали «доберман» с

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

«далматином», то чуть забегаая вперед, то заигрываясь и отставая. Старуха и собаки словно плыли в открытом пространстве между бирюзовым морем и синьковым небом, и все их движения были наполнены легкостью и необыкновенной свободой, понятной лишь тем, кто хоть раз побывал у моря.

«И все-таки, - подумала Сокровище, - как много вокруг счастья!»

- Сокровище, мы похожи? – неожиданно услышала она голос Друга и повернулась в его сторону. Тот тоже задумчиво смотрел в окно и видел то же, что и Сокровище.

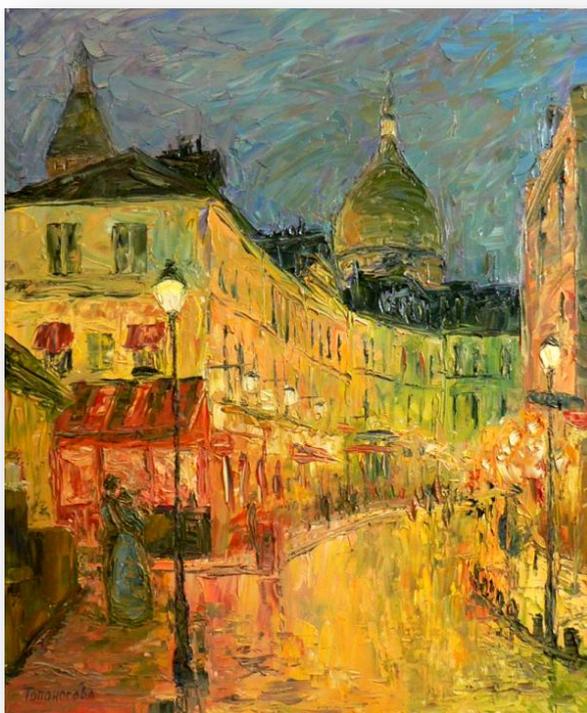
- Нет, - уверенно помотала головой Сокровище и отвернулась.

- Какая вы все-таки противная.

- А вы хотели, чтобы я ответила «да»?

Друг задумался, а потом сказал:

- Может быть, - и перевел взгляд на серебрящуюся впереди дорогу, стремительно исчезающую под колесами большого автобуса.

В. Топоногова. Ночной Монмартр. Холст на картоне, масло, 40x50, 2015

ПРОЗА*Владислав Кураш**(Киев, Украина)***СЕРЕБРЯНАЯ ПУЛЯ**

*Без любви человек превращается в живую гробницу,
от него остаётся лишь оболочка того, чем он был прежде.*

Перси Биши Шелли

*Восемь лет, которые я провела с ним, значили больше,
чем обычный полный срок человеческого существования.*

Мери Уолстонкрафт Шелли

Проследовав по подъездной аллее через ухоженный сосновый бор, ограждённый со всех сторон высоким двухметровым металлопрофильным забором, новенький серебристый «форд» остановился у парадного входа, спрятавшегося среди сосен шикарного трёхэтажного особняка.

Вечерело. В воздухе пахло жимолостью и хвоей. Багряные отблески выглядывавшего из-за деревьев закатного солнца пронизывали чистое сереющее небо кровавыми прожилками.

Леонид вышел из «форда» и направился к дому. Он был в дорогом костюме *Diamond Chip* и блестящих лакированных туфлях из крокодиловой кожи. Навстречу ему из дома вышел Владимир. На его тщательно выбритом с болезненно заострёнными чертами лице сияла улыбка. Они по-приятельски поздоровались и вместе пошли в дом. От Владимира разлило перегаром, он был изрядно пьян, в руке у него была надпитая бутылка кубинского рома. Леонид сразу обратил на это внимание.

- Как я рад, что ты нашёл время заехать ко мне. Мы уже так давно с тобой не виделись, - сказал Владимир Леониду слегка заплетающимся языком, обняв при этом его свободной рукой за плечо.

Тем временем они вошли в дом. В гостиной был откровенный бардак. Небрежно расшвыривая ногами в стороны валявшиеся на полу вещи, Владимир прошёл через всю гостиную и увалился в мягкий глубокий диван.

- Заходи, не стесняйся, чувствуй себя как дома, - пригласил он Леонида и отхлебнул из бутылки рома.

- Не понял. Что здесь было? Ураган или землетрясение? - спросил Леонид, удивлённо оглядывая гостиную.

- Ты об этом? - глупо улыбнулся Владимир. - Извини. Небольшой беспорядок. Творческая обстановка. Не обращай внимания. Когда я нервничаю, у меня всегда всё вверх тормашками летит.

- И часто ты нервничаешь? - пройдя через гостиную и присев рядом на диван, спросил Леонид.

- Бывает в последнее время, - снова отхлебнув из бутылки рома, задумчиво сказал Владимир.

- Всё с Никой ругаешься?

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Угу, - промышчал Владимир.

- Что же на этот раз?

- Как и всегда.

- Опять к кому-то приревновал?

- Угу, - снова промышчал Владимир. – И ведь понимаю, что всё это чушь, и ничего с собой поделаться не могу. В меня словно бес вселяется. Я же её люблю до одурения, поэтому и ревную к каждому столбу.

- А где Ника?

- Забрала детей и уехала к маме. Я её выгнал.

- Ну и дурак.

- Знаю, что дурак. Завтра ноги целовать ей буду и умолять вернуться.

- Другая на её месте давно бы уже тебя бросила.

- Я и сам удивляюсь, как она меня до сих пор терпит.

- Потому что любит тебя и жалеет, а ты, дурья голова, не ценишь этого. Когда-нибудь и её терпению придёт конец. Потом никакие обещания и уговоры не помогут.

- Если она меня бросит, я этого не переживу. Что мне делать? - совсем раскис Владимир. - Я уже себя начинаю бояться. Порой до умопомрачения доходит. В таком состоянии я на что угодно способен.

- Ты должен держать себя в руках.

- Легко сказать.

- Тогда обратись к врачу.

- Думаешь, я псих? Думаешь, у меня крышу сорвало?

- А со священником ты не беседовал? Может, тебе на вычитку съездить? Хочешь, давай вместе поедем.

- Не поможет. Я уже ездил.

- Тогда не знаю, что тебе делать, - призадумался Леонид.

- Мне страшно. Видел бы ты меня во время припадков. Но самое ужасное начинается потом. Я ведь уже три раза стрелялся.

- Как стрелялся? - не понял Леонид.

- Обыкновенно, из револьвера. Играл когда-нибудь в русскую рулетку? Сейчас покажу, как это делается.

Владимир поставил бутылку на пол и перегнулся через спинку дивана. Когда он принял прежнее положение, в его руке был огромный никелированный шестизарядный магнум 38-го калибра. Нажав большим пальцем на еле заметную защёлку, он откинул барабан влево. И тут же картинным жестом, резко взмахнув револьвером, вернул барабан на место.

От неожиданности Леонид на какую-то долю секунды застыл в оцепенении. Воспользовавшись этим, Владимир с силой провёл револьвером по предплечью, раскручивая барабан. Когда барабан остановился, он взвёл курок, направил револьвер себе в сердце и нажал на спусковой крючок.

Приготовившись к выстрелу, они оба зажмурились. Но выстрела не последовало. Раздался громкий металлический щелчок удара курка о боёк.

Первым пришёл в себя Владимир.

- Опять не судьба, - радостно заорал он не своим голосом. - По этому случаю стоит выпить. - Веселился он как ребёнок.

Его веселье больше было похоже на депрессивную истерию. Быстрота и ловкость, с которыми он проделал всё это, красноречиво свидетельствовали о том, что он делал это уже не раз. Леониду стало жалко его.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Владимир пододвинул к дивану журнальный столик, под стеклянной столешницей которого находился небольшой барчик, битком набитый спиртным.

- Что будем пить? Ром, абсент, джин, виски? - не переставая веселиться, поинтересовался Владимир.

- Давай что-нибудь полегче, - запротестовал Леонид. - Мне ещё назад ехать.

- Может, чинзано или граппу?

- Лучше чинзано.

- Отлично, - согласился Владимир. - Как в старые добрые времена.

Он положил револьвер на столик, достал из барчика бутылку чинзано, два чистых фужера и наполнил их.

- За судьбу, - предложил он, поднимая свой фужер. - Несмотря ни на что, я счастлив и доволен своей судьбой. У меня есть Ника, у меня есть Алинка и Никита, у меня есть ты, я вас всех люблю, вы самое дорогое, что у меня есть.

Выпив, Владимир снова взял револьвер и по-ковбойски демонстративно стал крутить им на пальце, время от времени имитируя выстрелы по воображаемым целям.

- Откуда у тебя эта игрушка? - поинтересовался Леонид.

- Купил в оружейной лавке на Карл-Йохансгате, - ответил тот, продолжая дурачиться с револьвером.

- Зачем он тебе?

Владимир перестал дурачиться, посерел и призадумался.

- Чтобы свести с жизнью счёты, - после некоторой паузы угрюмо произнёс он. - Я не могу больше так. Я уже на пределе. Жизнь стала невыносимой. Я устал от этих постоянных скандалов и ссор. Всем, кого я люблю, от моей любви только хуже. Когда-нибудь я положу этому конец.

- Это глупо.

- Другого выхода нет.

- Выход всегда есть.

- Вот единственный и самый надёжный выход, - сказал Владимир, потрясая револьвером.

Он снова нажал большим пальцем на еле заметную защёлку и откинул барабан. Затем, направив револьвер стволом вверх, ещё раз потряс им. Из барабана на стеклянную поверхность столешницы выпал один единственный патрон с небольшой закраиной на титановой гильзе и сверкающей пулей со сферической головкой.

Он взял со стола патрон и протянул его Леониду.

- Смотри. Видишь? Пуля серебряная, 925 проба, под заказ сделали. Обрати внимание на насечку в виде православного креста. Я патрон в церкви освятил, чтобы заодно и того гада, который внутри меня сидит, хорошенько припечатать.

Держа патрон большим и указательным пальцами, Леонид поднёс его к самым глазам и, медленно поворачивая туда-сюда, стал внимательно рассматривать его.

Зазвонил телефон. Владимир встал с дивана и поднял трубку.

- Ника, это ты? - напряжённо произнёс он в трубку. - Ты меня слышишь? Прости меня, дурака. Опять бес попутал. Что мне сделать, чтобы ты мне поверила? Хочешь, я себе палец отрежу? Возвращайся. Я без тебя не смогу. Сдохну, как собака, под забором. Или вены вскрою. Или повешусь в туалете на галстук. Любимая, прости, если сможешь. Я себя и сам ненавижу. Я за тобой сейчас приеду. Почему? Ты не обманываешь? Хорошо. Как там Алинка с Никитой? Я их не сильно напугал? А знаешь, кто к нам заехал? Лёнька. Нет, я не пьяный. Выпили по фужеру чинзано, и всё. Как скажешь, любимая. Больше не повторится. Обещаю. Вот увидишь. Ладно, постараюсь. Целую, целую, целую, целую.

Владимир положил трубку и вернулся к Леониду.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Она меня простила, - радостно заорал он. - Так, где револьвер? Ага, вот он. - Владимир схватил с журнального столика револьвер и, перегнувшись через спинку дивана, поспешно спрятал его. - Об этом никому ни слова. Понял? Отлично! - всплеснул он ладонями. - Давай выпьем. Ника меня простила. Завтра утром вместе с детьми приедет домой.

Владимир взял бутылку и стал наливать чинзано в фужеры. Леонид накрыл свой фужер ладонью.

- Я всё. На сегодня хватит. Мне ещё назад возвращаться, - категорически заявил он.

- Не понял? Как хватит? Ты надо мной издеваешься? - возмутился Владимир. - Что с тобой будет от двух фужеров чинзано?

Леонид уступил. После второго фужера ему стало жарко, и он снял пиджак. Когда допили бутылку и откупорили следующую, Леонид понял, что никуда он уже сегодня не поедет.

- Слушай, Лёнька, - словно угадывая его мысли, еле ворочая языком, произнёс Владимир. - Куда тебе уже ехать? Оставайся у меня. Ложись, где хочешь. Хоть здесь, хоть в комнате для гостей.

Леонид согласился. Допив вторую бутылку, они вышли на террасу и закурили сигары. Настроение у Владимира было приподнятое. Не осталось и следа от былой депрессии.

Когда они вернулись в дом, Владимир набросился на Леонида сзади и повалил его на пол. Завязалась борьба. Крепко сжав друг друга в стальных объятиях, они катались, сопя, по холодному кафельному полу, стремясь уложить противника на лопатки. Борьба длилась не долго и закончилась безрезультатно. Никто не одержал верх. Обессиленные, они практически одновременно ослабили объятия и прекратили борьбу. Ещё некоторое время, тяжело дыша, они лежали на холодном полу.

- А ты, я вижу, всё так же силён и крепок, - радостно заметил Владимир, поднимаясь с пола и садясь на диван.

Он достал из барчика третью бутылку чинзано и откупорил её.

- Ты тоже в отличной форме, - весело заметил Леонид, садясь рядом на диван.

- Ничего, когда-нибудь я тебя одолею.

- Кишка тонка.

Леонид снял рубашку и продемонстрировал свои богатырские мускулы. Владимир следом проделал то же самое. Довольные собой, они громко расхохотались и весело пожали друг другу руки.

После третьей бутылки у Леонида всё поплыло перед глазами, и он провалился в чёрную пропасть. Утром он проснулся от чудовищной головной боли – голова трещала и раскалывалась. Он лежал в гостиной на диване в одних брюках и туфлях. Рядом лежал Владимир. Леонид встал с дивана, и к горлу подкатила мучительная волна тошноты, еле успел добежать до туалета.

Когда он привёл себя в порядок, Владимир всё ещё спал. Леонид не стал его будить. Аккуратно переступая через следы вчерашнего побоища, пересёк гостиную и вышел из дома. Воздух был холодный и свежий. Пахло жимолостью и хвоей. В небе висел огромный диск восходящего утреннего солнца. Леонид сел в свой новенький серебристый «форд», завёл его и покатил по аллее на выезд.

В тот день Вероника проснулась рано. Всю ночь ей плохо спалось, снились какие-то кошмары. К восьми, когда все встали, она приготовила завтрак. Покормила детей, выпила с мамой по чашке кофе и начала собираться в дорогу. Мама помогла ей одеть детей и вышла проводить их на улицу. Перед выходом Вероника позвонила Владимиру, чтобы предупредить, что они уже едут.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Спросонок, с трудом шевеля мозгами и отёкшими от перепоя конечностями, Владимир стал торопливо наводить в доме порядок, чтобы успеть к возвращению жены и детей.

Усадив на заднее сидение детей, попрощавшись с мамой, Вероника села за руль своего новенького, сверкающего глянцем салатного «ситроена» и покатила по Киркегате в сторону Трондхеймсвэен. Когда Осло остался за спиной, она с силой нажала на педаль газа, набирая скорость.

Леонид опаздывал на работу. Борясь с тошнотой и дурным самочувствием, нервно поглядывая на часы, он гнал по трассе на сумасшедшей скорости. Гладкая как стекло, влажная от утренней росы трасса сверкала в лучах восходящего солнца и немного слепила глаза. Перед самым въездом в Осло трасса круто поворачивала влево и делала огромную петлю. Леонид не успел сбросить скорость и его с силой вышвырнуло на встречную полосу, прямо на мчащийся на него новенький, сверкающий глянцем салатный «ситроен».

Когда Владимир узнал о гибели жены и детей, он пошёл в гостиную, достал из-за дивана свой револьвер, взвёл курок, направил револьвер себе в сердце и нажал на спусковой крючок. Но ничего не произошло. Он нажимал снова, и снова, и снова, и снова. Оступев от безумия, он не соображал, что делает. Он продолжал нажимать на спусковой крючок до тех пор, пока его не скрутили и не отобрали у него револьвер. Револьвер конфисковали, а его поместили в клинику для душевнобольных.

Полдня пришлось разрезать автогеном сплюснутый в лепёшку «форд», чтобы достать Леонида. Во время осмотра его изуродованного до неузнаваемости тела среди прочих вещей в одном из карманов пиджака был обнаружен револьверный патрон 38-го калибра с титановой гильзой и серебряной пулей.

Спустя месяц, когда Владимира выписали из клиники, он зашёл в оружейную лавку на Карл-Йохангате, купил там точно такой же, как у него был, шестизарядный магнум 38-го калибра и заказал один-единственный патрон с серебряной пулей.

Был ясный, погожий июльский день. Владимир с Вероникой сидели на берегу пруда неподалёку от их дома. Немного в стороне, у самой воды, играли дети. Вероника сорвала травинку и наматывала её на указательный палец. Владимир держал в руках револьвер. Откуда-то издали донеслись глухие еле слышные раскаты грома.

- Будет дождь, - оценивающе посмотрев на небо, сказал Владимир.
- Я люблю дождь, - сказала Вероника, выбросив надоевшую травинку.
- А я люблю тебя и Алинку с Никитой.
- Я тебя тоже люблю, - подумав, сказала Вероника. - Но порой ты бываешь невыносимым.
- Я исправлюсь. Только не бросайте меня. Иначе мне конец.
- Всеу рано или поздно приходит конец, - равнодушно произнесла Вероника.
- Не говори так. Это жестоко и неправильно.
- Увы, это неизбежно. И ничего тут не поделаешь.
- Я против этого. Слышишь, против этого, - протестуя, с раздражением заорал Владимир и нажал на спусковой крючок.

Его нашли через несколько дней. Он лежал на том самом месте у пруда, неподалёку от своего дома, с простреленной грудью. Рядом в траве валялся револьвер с одной-единственной гильзой в барабане.

ПРОЗА

Виктор Нефедов

(Находка)

НЕВЯЗКА ⁷

Как же ему повезло! У отвечающего за груз штурмана - целые сутки свободного времени на стоянке в трое-четверо суток. А все почему? Да потому, что приход и постановка к причалу пришлось на его, второго помощника, вахту. Так уж было заведено на этом судне. На чьей вахте встали к причалу, тот и начинает цепочку суточных стояночных вахт, с восьми до восьми утра.

Он честно стоял свою вахту. Вечером на судно приехала жена с самым любимым на свете существом – маленькой дочуркой Иришкой. Помаленьку успокоили ее и уложили спать. И, чего греха таить, урывками, вперемешку со звонками то от вахтенного у трапа, то от бригадира грузчиков из специальной каюты для представителей порта, «познакомились» на диванчике с женой после трехмесячного рейса. Нарушение всяческих инструкций и устава? Конечно. А вы пробовали остановить движущийся трамвай? Не остановить его? Ну, значит, понимаете, что иначе они не могли поступить. Да и ребенок на кровати спал уже.

Сменился второй с вахты, доложил капитану о ночной погрузке. Именно тогда тот и сказал, что он, Валерий, может ехать домой, потому что на вахте четвертый, но старпому есть чем заняться на судне, и он будет контролировать его.

- Этого вполне достаточно, и поэтому отдыхайте, на отходе будет много дел.

Трудно описать ту радость, которая охватила все небольшое семейство. Иришка определила, что они будут делать, вполне резонным предложением.

- А давайте я сегодня в садик не пойду, а? – спросила она, глядя на маму.

- В садик не пойдешь? Разве так можно? – почти серьезно удивилась мама.

- Папа, ну скажи маме, ведь можно же всего один разик!

- Я думаю... можно!

- Ура! - закричала Иришка. - Мы идем на набережную есть мороженое!

Слово ребенка – закон. Весь день гуляли, ходили в кино, обедали в кафе. К вечеру валились с ног от усталости, но такими счастливыми они давно уже не были.

- Папа, а ты на новогоднем утреннике в садике будешь? – спросила засыпающая уже дочурка, держа его руку.

- Да, Иришка, буду.

- Обещаешь?

- Обещаю.

- Честно-пречестно?

- Честно-пречестно.

⁷ Невязка (морск.) – разница между счислимыми (предполагаемыми, расчетными) и обсервованными (полученными в результате измерений) координатами места судна на один и тот же момент. Невязка выражается в направлении и дистанции от счислимой точки до обсервованной.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Вот и хорошо, - прошептала девочка, закрыв глаза и положив ладошки под щеку, - а то нас все время Вовкин папа домой отвозит. Он такой противный...

Валерий хотел спросить, кто противный - Вовка или его папа, но не стал. Девочка так сладко улыбнулась во сне, что он сразу забыл обо всем, и душу наполнили тепло и нежность.

- Ты понял, что сейчас сделал? - серьезно спросила жена, когда Валерий вышел на кухню.

- Ты о чем?

- Ты только что дал слово ребенку, что будешь на утреннике! Она теперь только об этом и будет думать!

- Я подумал, что...

- Сомневаюсь, чтобы ты думал о чем-нибудь в этот момент, - перебила его жена, - иначе ты был бы осторожнее, давая ребенку слово, которое заведомо не исполнишь! Это я могу такое от тебя...

- Стоп! Я обещаю, что сделаю все, чтобы исполнить данное слово, - прервав ее, тихо сказал Валерий, - даже более чем все.

- Только без глупостей! – улыбнулась жена и прижалась к его груди. - А то я знаю тебя и помню, что курсантом вытворял...

Через пару дней погрузка закончилось, и пошло судно по бурным дальневосточным морям да по океанским просторам, чтобы развезти по дальним камчатским и чукотским поселкам принятые на борт продукты, материалы и прочее снабжение, без которого трудно будет людям прожить там, в заснеженно-замороженных краях, до следующего лета.

Время летело быстро. По окончании завоза по северу, судно продолжило работу на Камчатке, снабжая рыбокомбинаты и на охотском, и на тихоокеанском побережье. Работа тяжелая, требующая максимума отдачи. Почти везде – самовыгрузки. С одной стороны, хорошо – деньги немалые зарабатывали на них моряки, а с другой – свою, судовую работу никто не отменял. Вот и работали все за двоих.

Чем ближе к Новому году, тем мрачнее становился Валерий. Отчаяние порой охватывало, но он все еще не терял надежды. И вот как-то, зайдя на мостик, радист шепнул, что есть информация: судно погрузит рыбопродукцию и пойдет на Магадан, а оттуда – домой!

«Есть шанс!» - с радостью подумал второй.

На подходе к Магадану был уже серьезный лед. С помощью ледокола пробились в бухту Нагаева и выгружались там пять дней.

Когда вышли на чистую воду, судно дало полный ход и побежало вниз, на юг, к Владивостоку.

- И чего ты там все считаешь? – спросил старпом. - Все равно приход будет тридцатого вечером, а тридцать первого, к вечеру, забросают лесом или углем и выгонят. Разве не знаешь, что порт к праздникам всегда подчищают – всех стараются выгнать, чтобы не мешали начальству праздновать!

Информация старпома тут же была обработана и обсчитана вторым. Как ни крути, судно действительно приходило тридцатого.

«Что делать? – ломал голову Валерий. - Утренник у Иришки второго января. Этого уже не изменить... А что можно изменить?»

Все мысли, что бы он ни делал, крутились вокруг этого. Как сделать так, чтобы судно задержалось часов на пять? Расчеты показывали, что тогда к причалу могут и не поставить, а если поставят, то погрузка начнется, но до Нового года не загрузят, а там – праздники, на пару суток и задержится судно. Но как это сделать?

Как всегда, если чего-то очень хочешь, оно появляется само, причем оттуда, откуда и подумать-то не мог! Так было и в этом случае. Сам того не ведая, помог третий помощник.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

После обеда, когда Валерий был на вахте, третий пришел на мостик и стал менять чернила в самописце-курсографе. Это было то, что сегодня называется «черным ящиком», то есть прибор этот записывал все, даже мельчайшие изменения курса. Опечатывать его в то время никому и в голову не приходило. Третий открыл дверцу со стеклом, поднял перья и стал пипеткой заправлять чернилами колбочки. Вал с градуированной бумажной лентой продолжал медленно крутиться. Заправив перья, третий открутил вал назад и поставил перья в ту самую точку, где заканчивалась запись в виде ломаной линии. Теперь даже пристальным взглядом невозможно было различить, где она прерывалась.

Выражаясь словами из великого произведения, духом героя которого в некоторой степени проникся в тот миг второй, «Воронья слободка была обречена». Осталось только все продумать и выбрать удобный момент. Он наступил в эту же ночь.

Заступив в полночь на вахту, второй заглянул с крыла мостика за борт и увидел, что в каюте капитана света нет. Это означало, что капитан не заметит ничего, поскольку репитер гирокомпаса, показывающий курс судна, находится в кабинете, в нескольких метрах от спальни. Отправив матроса готовить чай, второй тут же поднял перья курсографа и стал постепенно менять курс на авторулевом.

Когда матрос вернулся, второй стоял у авторулевого и делал вид, что смотрит, как автомат держит курс. Матрос налил себе чаю и вышел на крыло, чтобы делать свою основную работу на ходу – наблюдать за горизонтом. Ни луны, ни звезд не было видно – небо было затянуто.

Практически всю вахту шли назад. Когда матрос пошел будить своего сменщика, второй вернул судно на курс, подкрутил ленту и опустил перья. На ленте снова шли две чуть ломаные линии, записывающие курс и слабое рыскание на нем судна.

На следующей ночной вахте второй повторил эту операцию. Благо небо над Охотским морем было по-прежнему пасмурно, проверить место по звездам или по Солнцу не представлялось возможным. Не существовало тогда еще спутниковых систем.

Днем, пообедав, второй поднялся на мостик. Там царил совершенно необычная атмосфера. Капитан склонился над картой и что-то писал на бумажке. Третий стоял у радара и, не отрываясь, смотрел в него.

- Что там? – крикнул капитан.

- Ничего.

- Ничего не понимаю... - пробормотал капитан, выходя из штурманской в рулевую рубку. Отстранив третьего, он сам уткнулся в резиновый тубус, защищающий от света круглый экран с бегающим зеленым лучом, пытаясь увидеть первые признаки появления берега.

Второй прекрасно понимал, в чем дело. По всем данным, радар давно уже должен был захватить берег, но, по известным только ему причинам, этого не происходило.

Капитан вернулся в штурманскую, включил радиопеленгатор и стал искать радиомаяк. Он нашелся сразу. Это был маяк на мысе Терпения, что находится на востоке Сахалина. Именно к нему, этому мысу и должны были выйти. Сильный, четкий сигнал показал, что судно находится на курсе. Показать же, насколько далеко от маяка, он не мог.

Зацепили радаром берега только к двадцати часам. Невязка оказалась фантастической – на шестьдесят с лишним миль позади действительного местоположения судна. Даже при переходе через океан невязки обычно получались десять–пятнадцать миль. В крайнем случае – двадцать, но столько... Все были в шоке. Расследование было долгим. Проверяли все: журналы в машинном отделении, курсограмму на мостике – все было нормально. Судно не меняло ни обороты винта, ни курс. Лаг, считающий пройденные мили, показывал нормальное пройденное расстояние.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Все получилось так, как и рассчитал второй. К причалу не поставили, потому что вместо них к причалу пошло другое судно. Выгнать из порта тоже не выгнали. Так и остались стоять на рейде, не представляя себе, когда их поставят. В кои-то веки экипаж отметил Новый год дома, с семьями. К причалу пошли второго января. И на утренник Валерий ходил, и с ледяной горки на центральной площади покатался с женой и дочкой. Все было прекрасно, но с каждым днем он становился все мрачнее.

- Что с тобой? – допытывалась жена. - Что-то случилось?

Долго он отнекивался, но потом не выдержал и рассказал. С ужасом в глазах жена сидела напротив и качала головой.

- Что теперь будет?

- Не знаю. Наверное, уволят.

- За что? Ты всего лишь хотел к дочери на утренник попасть...

- Ага... Для суда это – довод!

На следующий день, возвращаясь утром на судно, Валерий был полон решимости все поставить на свои места. Капитан подъехал к обеду.

- Да, войдите, - раздалось в ответ на стук второго в дверь капитанской каюты.

- Разрешите?

- Да, конечно. Я ждал вас.

С этими словами он достал из выдвижного ящика рулон бумаги. Это была курсограмма...

- И что мы будем с этим делать? – тихо спросил капитан и вдруг не выдержал, перешел на крик: - Вы мне только объясните – зачем?! Как вам такое в голову пришло?!

- Я пришел к вам, чтобы все рассказать, а потом вы примете решение. Я готов к любому.

И рассказал второй все. О дочке, об утреннике и о том, что он никак не мог ее обмануть! Опустив голову, капитан долго молчал.

- Идите и работайте, – не поднимая головы, сказал капитан, - о своем решении я скажу вам позже.

Утром следующего дня вахтенный третий помощник сказал, что капитан ждет Валерия в 08:15.

- Чего это он так официально вызывает тебя? – спросил третий. - Ты что, пролетел в чем-то?

- Да нет, все нормально, - ответил второй, отметив про себя, что это – дурной знак...

- Я долго думал, как мне поступить с вами, - начал капитан, - и зашел в тупик. С одной стороны, я обязан сообщить в пароходство о случившемся, и это автоматически будет означать ваше списание с судна с последующим увольнением. Зная вас и мотивы ваших действий, я не уверен в необходимости этого. Иными словами, я должен принять решение. Для этого я хочу выслушать вас. Здесь и сейчас. В зависимости от того, что услышу, я и приму его.

Валерий нашел нужные слова, потому что очень много передумал о случившемся. Капитан поверил ему. Ни одна душа не узнала истинной причины возникновения той невязки. Штурмана, пожимая плечами, списали ее на непонятный сбой в работе лага. Глубже никому не захотелось копать - других забот было предостаточно, да и результат всем понравился.

Прошло время. Второй помощник сам стал капитаном. Жизнь складывалась прекрасно, однако все эти годы ему не давала покоя одна простая мысль.

«А смог бы я так же простить штурмана, сделавшего такое?» - спрашивал он себя. Ответа не было. Впрочем, если быть честным до конца, ответы были, но ни один из них не нравился ему. Решение, принятое капитаном и возможное его решение в подобной ситуации не совпадали...

УМКА

По телевизору показывали мультик. Старый-престарый, добрый мультик про добрых белых медведей. Привыкший к яркому, беспокойному разноцветью и стремительному громкоголосью современных мультиков, внук обычно слабо реагировал на спокойные, умиротворяющие старые мультфильмы, а вот - поди ж ты! - неожиданно припал к экрану.

Николаич, сидевший в мягком кресле с газетой, краем глаза поглядывал на внука. Необычно тихий, ребенок очень сосредоточенно о чем-то думал, глядя на экран. Когда фильм закончился, мальчик подошел к дедушке.

- Дед, а дед! Хочешь, что-то спрошу?

- Ну конечно, спрашивай.

- А ты правда на ледоколе работал? Там, где лёд? Мне бабушка говорила.

- Конечно, разве бабушка может сказать неправду?

- Значит, ты тоже видел Умку?

От неожиданности Николаич замер. Он и не думал, что вот так вот, через сорок лет, он получит такой вопрос от внука.

- Да, внучок, видел.

- И помог ему?

- Да нет, - несколько растерянно ответил Николаич и тут же нашелся, - я же встретил Умку уже взрослой мамой-медведицей, с медвежатами. Им не нужна была моя помощь.

- Почему Умка стал мамой? Он же был медвежонком!

- Ну да, конечно же, медвежонком! А из медвежат всегда вырастают или мамы-медведицы или папы-медведи. Разве ты не знал этого?

- Знал, а все равно... жалко... - с трудом удовлетворился внучок и пошел заниматься какими-то своими очень важными делами.

«Умка... Это же надо! Каких-то сорок лет прошло...» - подумал Николаич. Воспоминания об этом были чисты и прозрачны. Все помнилось, как будто случилось вчера.

Мощный, новейший красавец-ледокол стоял во льду в ожидании проводки первого в этой навигации каравана. Суда потихоньку подходили и так же, уткнувшись в лед, замирали в ожидании. Ледовая обстановка была тяжелая. Многолетние арктические льды были такие сплоченные, что о проводке не могло быть и речи. Вот и ждали, когда подует южный ветер и сжатие ослабеет, льды начнут отходить от берегов.

Каждый моряк знает, как томительны такие длительные стоянки в море, без связи с берегом. Поели, поспали, поработали, посмотрели кино. Завтра - то же самое... Казалось бы, какая разница? И на ходу происходит то же самое, но совсем иначе чувствуют себя люди. Жизнь кипит, когда судно работает.

Стояли уже третью неделю. Моряки не были бы моряками, если бы не нашли себе занятие. Однако справедливости ради нужно сказать, что нашли не они. Занятие им нашли медведи. Да, те самые, полярные белые медведи.

Они заметили, что в определенное время, четыре раза в день на палубу выходят люди и бросают им что-нибудь вкусное. Не избалованные человеческим вниманием, умные медведи сразу смекнули, что эта добавка к их обычному столу не будет лишней и стали регулярно приходить к завтраку, обеду, ужину и вечернему чаю. И люди тоже поняли, что эти грозные, свирепые звери оценили и приняли их знаки внимания. Сначала это была парочка. Стоя на почтительном расстоянии, они рычали на людей, постепенно подходя все ближе, однако вскоре перестали осторожничать и стали подбирать угощение под самым бортом.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Еще через пару дней к ним прибавилась семья, состоящая из парочки потешных медвежат и их степенной, очень большой мамашы. Взрослые медведи побаивались ее и держались на почтительном расстоянии, а медвежата шалили напропалую, то шутивно схватываясь между собой, то цепляя мамашу. Она снисходительно разрешала им это делать, лишь изредка давая небольшие затрещины, когда те слишком уж расходились в своих играх.

Это было такое удовольствие – наблюдать за семейкой! Лица у людей на палубе были светлые, улыбающиеся. Только что вкусно поевшие, они наслаждались незаходящим, правда и почти не греющим арктическим солнышком на белесом небе, дышали нелегким арктическим воздухом, в котором маловато для нормальной жизни кислорода. Представления эти вошли в привычку и стали неотъемлемой частью дневного распорядка.

Николаич был в то время молодым мотористом Сережей, после окончания мореходной школы вышедшим на ледоколе в свой первый арктический рейс. Он нес вахту в машине с полуночи, а каждый, кто хоть чуточку знаком с судовой жизнью, знает, что вахта с полуночи до четырех утра у моряков с испокон веков называется «собачьей». Не будем вдаваться в детали, но название вполне соответствует сути.

Тяжела эта вахта - очень хочется спать! Но не только этим неприятным прозвищем знаменита вахта. Она замечательна еще и тем, что в четыре утра, сменившись, вся вахта собирается в столовой и по-королевски завтракает. Почему «по-королевски»? Да потому, что готовит себе завтрак сама вахта, а точнее – моторист или матрос, и уж тут все зависит только от их талантов и отношения к этому судового повара, ведь специально продуктов на это ночное пиршество никто не выдает. Фирменным блюдом на таких завтраках бывает домашняя поджаристая картошка. Конечно, в полярных рейсах это очень редко случалось, потому что привозили ее суда-снабжение, что случалось не очень часто.

Именно эта флотская традиция и послужила основой тому, что произошло в ту солнечную ночь. Нет, это не оговорка. По положению стрелок на часах это была глубокая ночь, а по факту – полярный день, который длится полгода. Солнце при этом ходит по кругу, даже не касаясь горизонта.

Вернувшись в каюту после одного из таких ночных завтраков, Сергей решил перед сном проветрить каюту и, открутив латунный барашек, открыл иллюминатор. Выглянув из него, он увидел, что неподалеку, метрах в десяти, стоит медведица и смотрит на него. Рядом крутились и медвежата. Решение созрело мгновенно. Сергей стремглав понесся в столовую, взял там с десяток кусков белого пахучего судового хлеба и вернулся в каюту. Медведица была по-прежнему там, внимательно наблюдая за иллюминатором. Сергей бросил кусок. Она медленно подошла, обнюхала его и съела. На лед полетел следующий.

С того утра это стало еще одним приятным занятием после вахты. Особая прелесть состояла в том, что это была только *его* медведица с медвежатами и только *его* представление. Сергей наслаждался им, серьезно задумываясь о том, как усложнить, довести это действие до чего-то такого необычного, от чего все на судне ахнут. И он придумал!

Кусочки в иллюминатор летели все вкуснее и ложились они все ближе и ближе к борту. Теперь они с медведицей были на «ты», и она получила настоящее имя, правда о нем знал только Сергей. Ее звали Умкой. Так он решил, посмотрев недавно совсем новенький мультфильм о белом медвежонке. Да, она не была медвежонком, она была взрослой медведицей, но Сергей все равно назвал ее Умкой. Ему нравилось так называть ее. Медвежата не подходили близко, а если и пытались сделать это, то немедленно получали затрещину от Умки и смешно откатывались подальше.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Через неделю произошло то, к чему Сергей так стремился – Умка впервые взяла хлеб почти из его рук! Ломоть был наколот на линейку. Умка мгновенным, практически неуловимым движением выхватила его.

- Есть! Умница! - не сдержался, закричал Серега. Сердце бешено колотилось.

Оставалось только закрепить успех в порядке подготовки к публичному выступлению, которое теперь даже снилось Сергею. Он с наслаждением мечтал о том моменте, когда экипаж ахнет от его способностей. Он, Серега, докажет всем, что даже этот свирепый, дикий зверь, опасностью общения с которым чуть ли не каждый день пугали экипаж, способен понимать доброту. Зачем это нужно было кому-то доказывать, Сергей и сам не знал, да и не хотел знать. Он был в эйфории от того, что понял то простое, чего почему-то не понимали окружающие, - доброта делает чудеса!

Ночные тренировки, учитывая такой прогресс во взаимоотношениях медведицы и человека, стали более интенсивными. Эту интенсивность подогревал тот факт, что хлеб был теперь не простым, а намазанным сгущенкой, пару банок которой Сергей взял у артельщика. Умке явно понравилась эта деталь, и теперь она уже привычно вставала к иллюминатору на задние лапы, опираясь передними о черный борт ледокола, ожидая появления Сергея. Он был в восторге от успехов и, не в силах сдерживать эмоции, просто тихо смеялся, глядя в умные, внимательные Умкины глаза.

Эту поглотившую теперь все его сознание воспитательно-благотворительную работу чуть было не сорвал сменяющий его на вахте моторист по имени Ильхам.

- Это ты чего, не наедаешься, что ли?! – с изумлением спросил он, зайдя в столовую, чтобы приготовить чай на вахту. В руках у Сергея была стопка больших ломтей хлеба.

- Да нет... Я это... - растерянно промямлил Сергей.

- Что это?

- Медведей кормлю. А что?

- Да так, ничего. Подожди, я сейчас кипяток залью и тоже с тобой схожу.

- Нет, не нужно.

- Почему?

- Я их через иллюминатор кормлю.

- Что?! Ты офонарел, что ли? Медведь же запросто до иллюминатора достанет.

- Ну да, конечно достает. Я так, прямо из иллюминатора и кормлю.

- Ты точно сдвинулся! – изумленно констатировал Ильхам. - Это же медведь, а не собачка!

- Так я ее прикормил, она смиренная совсем!

- Кого - ее?

- Медведицу.

- Так ты медведицу прикормил?!

- Ну да. А что?

- А то, что медведицы – они самые лютые, даже сами медведи их боятся!

- Да ладно тебе, чего так раскипятился? Она вполне мирная, чего ей лютовать со мной, если я ее кормлю?

- Да... История... Ты уж, Серега, поосторожнее с ней. Говорят, они ужас какие хитрые! Мы тут как-то высаживали на полярную станцию народ, так они понарасказывали нам про этих мишек. Говорили, что медведь действует как настоящий охотник – редко в лоб идет. Он все изучает, караулит, ждет какой-то минутки слабости человека, а потом в одно мгновение – бац! - и все!

- Да ладно тебе! Я же за сталью от него, да еще какой!

- А все равно, ты поосторожнее.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Хорошо! – засмеялся Сергей. - Заваривай чай, кипит уже вода!

Умка уже тыкалась носом в стекло, оставляя на иллюминаторе мокрые следы.

- Сейчас, потерпи чуток! – громко сказал Сергей. - Намажу хлеб и дам.

Разложив куски на специально припасенной фанерке, Серега стал тонкой струйкой поливать их сгущенным молоком из банки с проделанными отверткой отверстиями. Закончив, подошел к иллюминатору. Умка чуть отшатнулась.

- Не бойся! Я же не чужак какой, я свой!

Умка смотрела на него своими умными, изучающими глазами. Они до того поражали Серегу своим осмысленным, почти человеческим выражением, что даже холодок пробежал по спине каждый раз, когда их взгляды встречались.

Сергей открутил барашек и осторожно открыл иллюминатор. Умка не отошла. Она продолжала внимательно следить за действиями Сергея.

- Что, проголодалась? Потерпи, все уже готово. Сейчас дам! – с этими словами он взял большущий ломоть с капающей с него сгущенкой и положил его на линейку. Подставив руку, чтобы молоко не капало на палубу, он осторожно подходил к иллюминатору.

При развороте бутерброд коснулся кромки иллюминатора и стал падать. Сергей инстинктивно подставил руку, но неудачно. Ляпнув по руке липкой жидкостью, хлеб полетел на палубу и упал так, как и положено бутерброду, сгущенкой вниз.

«Ну вот, теперь молоко с палубы отмывать – хуже нет!» – успел подумать Сергей и в то же мгновение ощутил, как в мизинец впились зубы.

Сергей охнул, с трудом осознавая фантастическую картину – медведица жевала его палец! Боль была настолько сильной, что даже кричать не было сил. Сергей ударил второй рукой по черному мокрому носу.

Дальнейшее произошло в одно мгновение, но Сергей непостижимым образом успел рассмотреть все. Пасть медведицы открылась, обнажив огромные желтые клыки, и невероятно быстро сомкнулась уже на его запястье.

В это самое мгновение Сергей понял, что шансов у него нет. Ледяной ужас охватил его. Боли почти не чувствовал. Медведица не пыталась откусить руку, что легко могла бы сделать. Она стала тянуть его!

Медленно, уверенно, неотвратно. Самым же страшным при этом был ее взгляд. Он по-прежнему был умный, сосредоточенный и даже еще более осмысленный, чем прежде...

Глядя на обильно потекшую его, Сергея, алую кровь, он вдруг понял весь смысл происшедшего все эти дни. Это не он приручал медведицу. Это она его приручала!

Ясно осознав, что сопротивление его ничего не значит и через какие-то секунды он неминуемо будет вытянут через иллюминатор, Сергей закричал. Страшно, протяжно, безысходно, все повышая ноту. Наверное, так кричат попавшие в капкан звери, осознавшие неминуемость своей гибели. Подумать о том, что с ним будет, когда он окажется на льду, Сергей не успел. Сознание не выдержало напряжения, и он провалился в черную пустоту...

- Сергей, ты меня слышишь? – раздалось ниоткуда. Отвечать не хотелось.

- Сережа, ты слышишь? – спросили на этот раз женским голосом.

«Ладно, - подумал Сергей, - надо отвечать. Не отстанут же!»

Первая попытка открыть глаза не удалась. Собравшись, он попробовал еще раз. Яркий свет резанул своей неожиданностью. Сергей снова закрыл глаза и даже попытался зажмуриться.

- Вот и славно! Вот и ладненько! С прибытием! – снова прозвучал мужской голос, теперь уже веселый. Сергей узнал в нем доктора, Василия Ивановича. - Поздравляю! Пианистом ты

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

теперь уже точно не станешь, а пожить какое-то количество лет на этом свете – точно проживешь! Конечно же, если снова не возьмешься за это хлопотное дело.

- Какое? – почти неслышно, одними губами попытался произнести Сергей.

- Медведей приручать! – засмеялся Василий Иванович.

И тут Сергей вспомнил все. Полностью, до мельчайших деталей.

- А Умка где? – спросил он тихо, вновь пытаюсь открыть глаза. На это раз – успешно, потому что яркая лампа больше не светила.

- Какая такая Умка? – переспросил доктор и тут же рассмеялся. - Да вы с ней, оказывается, уже настолько близко познакомились, что по именам друг друга звать стали?

- Где она?

- А где же ей быть? На льду, медвежат своих воспитывает да вспоминает тебя, так не вовремя отобранного у нее!

- А кто отобрал?

- Да Ильхам. Совершенно случайно. Он ее по башке гаечным ключом на тридцать два огрел, вот она и отпустила тебя. Шел по палубе и услышал твой крик. Посмотрел за борт, а там она тянет тебя, уже голова в иллюминаторе показалась. Что в руках было – то и бросил в нее. К счастью, в голову попал, а мог бы и не попасть. Шишку ей точно набил, но и напугал как следует – она прямо под иллюминатором твоим и наложила кучу с испуга.

- Ильхам... - тихо сказал Сергей.

- Он самый. Ну да ладно. Я сейчас тебе укольчик сделаю. Ты поспи, потом поговорим. Главное – не вставать. Тебе пару деньков полежать надо, а там – с рукой будем разбираться. Основное я сделал, а дальше будет видно, что еще можно будет сделать.

* * *

Николаич поднял руку и посмотрел на нее. Шрамы от швов на запястье уже давно затянулись и почти исчезли. Если бы не постоянно поджатый мизинец, все случившееся тогда вспоминалось бы как кошмарный сон.

- Дед, а чего ты смотришь? – неожиданно раздалось из-за плеча.

- Да так, просто смотрю, и все, - ответил Николаич, пряча руку.

- А ты мне потом расскажешь про Умку?

- А как же, обязательно расскажу!

В. Топоногова. Троице-Сергиева лавра. Холст на картоне, масло, 40х80, 2014

ПРОЗА

Вероника Черных

(Москва)

КОЛОКОЛ СЕМФОРИАНА

Архимандрит Мелхиседек всмотрелся в туман, скрывающий мир, вздохнул.

– Ну что, отец Симфориан...

– Что?

– Звони, говорю, к вечерне. А землёю-то как пахнет, чуешь?

– Чую. Так весна ж. Давно всё растёт и цветёт. Это пеленой пахнет. Вон как разнеслось-то.

Не видать ни зги.

– Пусть не видать. Слышать зато.

– Что слышать?

– Плывёт по реке кто-то.

– Ну и плывёт. И с Богом ему плыть, рыбку ловить. А мне с Богом звонить.

– ...Беда во мне поселилась, Симфориан.

– Чего так?

Архимандрит Мелхиседек огладил рукой сперва серебряную бороду с нитями молодой черноты, затем – белёный кирпич колокольни Свято-Николаевского ставропигиального мужского монастыря, стоявшего в старинном селе Сапгир на реке Кутафинка.

– Вот не пойму никак, чего, – вздохнул он. – Гложет, и всё. Как тогда, в конце двадцатых... Поглядим.

– Известие какое грядёт, – предположил монах Симфориан и взялся за верёвку, привязанную к языку большого старинного колокола, поднятого на высокую белую колокольню около двухсот лет назад.

Прежде служили здесь и средние, и малые колокола. Для каждой потребности – особые удары в особой последовательности. Звон в один колокол – благовест. Одновременный звон во все колокола – трезвон. Медленный звон в каждый колокол поочередно, начиная с большого, завершая малым, а затем пенье всех колоколов – перезвон. Во время несения умерших его слушали живые. Поснимали все колокола в конце двадцатых годов. На нужды механизации. Еле отстояли тогдашние монахи – и среди них восемнадцатилетний послушник Фрол, ставший со временем архимандритом Мелхиседеком, – свой благовест; стеною стали, шеренгою в двенадцать человек. И убили бы их, не содрогнувшись, и влились бы души их в море новомучеников российских, да приказом по краю отозвали самых рьяных убийцев на подавление одного из крестьянских мятежей. Там они и сгнули, никто не дожил до начала Великой Отечественной войны. А монастырь тихо-мирно жил в лесной глуши, на пологом берегу реки Кутафинки, трудился во славу Божию, круглые сутки читая неусыпно Псалтирь...

Звук оглушающей мощи ударил по туману, по невидимой округе, заполонил собою пространство по земле и до неба, вспугнув белых монастырских голубей, которых шестнадцать лет разводил заядлый голубятник монах Никодим. Вспорхнули, захлопав крыльями, белые голуби, заметались меж стен. При повторном разлинии колокольной ноты разместились на

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

кромке вдоль купола церкви и не шелохнулись, покуда не стихло последнее звенящее эхо, улетающее вдаль по лесам.

– Вот и очистили поднебесное наше устройство, – с удовлетворением произнёс отец Симфориан. – Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

И молитву запел зычно, слезясь от умиления и восторга:

– Слава в Вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Господи, устне мои отверзеши. И уста моя возвестят хвалу Твою!

И увидел посетителя – мужика из ближайшего села Сапгир, Ивана Кондратьевича Хлопонина, знатного животновода и плотника, богатыря лет возле шестидесяти, прошедшего войну с первого до последнего дня и вернувшегося с неё невредимым, лишь с лёгкой контузией и сквозным ранением в предплечье. Иван Кондратьевич никогда Бога не забывал, монастырские службы простаивал, когда случай выдавался. Хотели было его арестовать, на строительство уранового комбината на Урале отправить за пристрастие к религиозному дурману, да нашлись люди, посчитавшие, что закрома Родины заполнить важнее, чем казнить за поклоны Господу Иисусу Христу, и Хлопонин продолжал трудиться на земле, выращивать отменных мясомолочных коров и стокилограммовых свиней, строить крепкие избы, воспитывать трёх сыновей и двух дочерей.

Отец Симфориан спустился с колокольни и поспешил к нему узнать, что за причина заставила сапгировца навестить монахов в неурочный час.

– Мир вам, – поклонился ему Иван Кондратьевич.

– С миром принимаем! Что случилось, Ванюша?

– Беда случилась. Всё думали – минует, а нет.

– Какая беда? Монастырь спешат закрывать? – всполошился отец Симфориан. – Добрались, что ли?! Господи, спаси и сохрани Свой удел!

Он перекрестился и повлёк Ивана Кондратьевича в апартаменты архимандрита Мелхиседека. По пути Хлопонин разуверил провожатого в близком закрытии монастыря, но поведал, что несёт куда более страшную весть. И рассказал собравшимся монахам, что давно уж, с год, поговаривали в Сапгире, будто приняли в правительстве очередной утопический проект: гигантскую гидроэлектростанцию и водохранилище на реке Кутафинке. Заранее согнали заключённых по разным политическим и уголовным делам и, не обращая внимания на высокую смертность, заставили построить грандиозную плотину. Для пуска ГЭС необходимо всего ничего: затопить несколько десятков квадратных километров. На дно Кутафинского водохранилища, не нужного никому, только амбициям правительства, пойдут три села. В их числе – Сапгир. И, значит, Свято-Николаевский ставропигиальный мужской монастырь. Скоро сюда приедут с приказом выселяться. В Сапгире они с утра заседают. Вернее, с утра позаседали, приказ людям зачитали, а потом по избам пошли – ругаться с испуганными бабами, с непослушными мужиками, угрожать расстрелами и конфискацией. Собраться велели в три дня. Как можно успеть?! И скот вывезти, и птицу, и утварь, и технику, и скарб домашний! А куда везти? В Останево, там, вроде, выдели затопляемым сёлам несколько старых многоквартирных домов. А животину куда?! И что будет делать в Останево сам Иван Кондратьевич и все крестьяне? На что жить?!

Сказали – скотину резать, птицу тоже, свиней колоть и всё мясо сдавать государству по минимальной цене, даже не по себестоимости. В селе вой. В тех сёлах, что вместе с Сапгиром на дно пойдут, Хамьяновке и в Зузуреве, – стон да крик. Ни одного человека не нашлось, чтоб радовался переезду в Останево – маленький городок с удобствами. Бунт хотели поднять, а эти, с прищуренными глазками, оживились только. Пострелять им захотелось... арестовать и судить по законам военного времени, хотя войны давно нет.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

В монастырь напоследок собирались: покуражиться, поиздеваться над святостью земли и неба. Вот уж, поди, и идут. Спасибо, Хлопонин успел предупредить. Худое известие из чужих враждебных глоток услышать вдвойне больнее.

– Предупреждён – значит вооружён, – пробормотал под нос архимандрит Мелхиседек, задумчиво разглядывая в окошко кусочек монастырского двора и стены белой колокольни.

– Против власти разве попрёшь? – угрюмо сказал Иван Кондратьевич и в ноги повалился. – Благословите уезжать... Пусть не оставит нас Господь.

– Господь не оставит, – эхом откликнулся архимандрит и широко перекрестил посетителя. – Благословляет тебя Господь наш. Иди с миром.

Хлопонин медлительно поднялся, но сразу не ушел, замялся на пороге, сжимая в руке шапчонку. Осмелился наконец.

– Это ж... Батюшко...

– Да, Иван Кондратьевич?

– Мятеж, может, всё же поднять? Что это вздумалось этим извергам нас топить? Это ж не жизнь, а смерть для всего, что в душе есть. Родину на дно! Помыслил бы разве такое, когда в немца стрелял?! Я ж, когда воевал, о чём переживал, о чём всем собою рвался? Чтоб дом мой устоял, чтоб село разворочено не было! Чтоб ни одной воронки, ни одного окопа, ни одного пожарища! Вот ведь как рвалось-то в душе. Возвращался осенью сорок пятого – как в самого себя возвращался. А теперь... куда мне возвращаться? Под воду? Под воду пустят мою родину! Саму душу мою! А я что ж – уйду, и всё? Предатель я после этого, хоть жизни меня лишай!

Он выдохнул так, словно гнев и боль пытался вытолкнуть, и снова заговорил.

– Был бы у меня пулемёт – вырыл бы себе окоп и пулями осыпал бы губителей моей родины! Пулемёта нет. Жалко. Зато вилы есть, топоры, и рогатины ещё. С ними пойду обороняться.

– А на машины-то, Ваня, разве с вилами попрёшь? – с горечью спросил архимандрит Мелхиседек

– Машины могут и не пустить, – рассудил отец Симфориан, морщась, будто собрался плакать. – Ниже по реке плотину закроют - и всё. А воде, что ни говори, ни топоры, ни рогатины не страшны.

Хлопонин сник. Представил себе, как воду топором рубит. Хмыкнул невесело: народ смешить... Что же делать? Подчиниться? Бросить родное всё, уйти в никуда, где не будет покоя душе, где не вольётся само естество Хлопонина в чужую среду? Оторванный и выброшенный вон, как сапгировцы, хамьяновцы и зузуревцы, сможет ли он – смогут ли они – обрести то невероятное чувство спаянности, близости с краем, в котором родились, в котором жили, за который воевали? Сколько б ни жили в ином месте, всегда слово «дом» – это стены, в которых ты родился; двор, по которому ты учился ходить; лес, дарящий тебе заветные уголки и особую берёзу, возле которой ты сперва играл, а позже – ощущал на своих губах губы любимой; это речка, где плескались пескари, караси и ты сам вместе с друзьями; это необычайно яркое, не превзойдённое ничьими небесами, небо; это – всё, что окружало тебя, когда ты рос; твой собственный мир, который всегда с тобой, несмотря на отъезды и обоснование где-то далеко-далеко; мир, который снится и не уходит из памяти и в который перед смертью ты жаждешь вернуться, потому что *там* – твои корни, *там* – весь ты, и никуда от этого не сбежишь; никуда не улетишь, никуда не денешься. И что делать теперь Хлопонину?! И всем тем, кого гонят на чужбину под угрозой ареста, а то и расстрела потому только, что кому-то наверху пришла мысль «существенно подправить природу»...

В комнату ворвался тревожным ветром монах средних лет – кряжистый, тёмно-русый; в руке – лопата с огорода, руки – в земле.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– Идут сюда кои-то, – сообщил он тревожно окающим баском. – Не нашеньские. От советчины. Чую – недобрые совсем; торжество недоброе чую.

– Тише, отец Модест, – негромко велел архимандрит Мелхиседек. – Не дадим врагам ликования. Не испугаемся. Тут не только недоброе: совсем уж худое. Топить водою всю округу вознамерились: и лес, и поля, и холмы, а главное – сёла и нашу обитель.

Отец Модест охнул мощным потерянным выдохом.

– Как так?! – не поверил. – Затопят столько домов! То есть... родину затопят?.. А как же люди без родины? И без церкви?

– В Останево повезут со всем скарбом, – глухо пояснил Иван Кондратьевич. – А что мне скарб? Наживное дело. Мне б лучше – чтоб воду сюда не пустили! Я как есть потону. Пусть хоть в Москву везут, хоть куда. Не жилец я уже буду. Умрёт во мне что-то. Важное умрёт. Без которого не жить.

И тут зашли щурившиеся недобро гости. Трое. Один, повыше, шагнул нарочито устало, как власть имеющий, спросил главного. Архимандрит Мелхиседек поднялся, выжидающе глянул, не выступая, не мельтешась. Назвалась троица. Монахи промолчали. Склонились в приветствии едва-едва.

– Слушаю вас, – ровным бесстрастным голосом сказал архимандрит Мелхиседек.

– Правительство СССР постановило затопить территорию, на которой стоят три села и ваш оплот мракобесия в связи с образованием Кутафинского водохранилища. Прошу в три дня очистить от имущества и людей монастырь и отбыть в Останево.

Чётко изложенное указание тем не менее поставило всех присутствующих в тупик: настолько не хотели они верить словам Ивана Хлопонина.

– Что вы сказали? – непонимающим тоном спросил архимандрит Мелхиседек.

У пришельцев хватило терпения не взорваться. Они лишь тоненько улыбнулись – подобно пробующему на язык неуловимые запахи потенциальной добычи хищнику – и слово в слово повторили указание Правительства.

– Не уберётесь вовремя, – ласково проворковал главный, – вода ждать не будет, придёт и смоев вас.

– Как со стенки клопов, – хохотнул один из них.

– Погибнете или спасётесь, нам вообще всё равно, да по пустой таре, – дополнил третий уполномоченный. – Наше дело доложить, а ваше дело – свободное от государственных рамок, так что выбор у вас есть, в отличие от крестьян Страны Советов. Но я бы советовал убраться: всё же у нас и так монахов мало. Кому будет польза от вашей глупой гибели?

– Союзу безбожников, к примеру, – усмехнулся первый.

– Распишитесь, что уведомлены об эвакуации, – сказал второй и протянул лист бумаги с текстом и печатями.

Архимандрит Мелхиседек принял его, неторопливо прочитал, водя по строчкам чистым пальцем с аккуратным ногтем. Также несуетливо нашёл в ящике старого письменного стола перо и чернильницу-непроливайку. Отвинтил крышечку, чмокнул чернила стальным пером, постучал по губам подушечками пальцев левой руки и подписал, старательно выводя буквы. Полюбовался на своё творение, не спеша убрал в стол письменные принадлежности и, не вставая, подвинул документ на край со словами, сказанными с предельной вежливостью:

– Пожалуйста, заберите. Мы предупреждены. Прощайте.

Трое хмыкнули, переглянулись, плечами пожали: что, мол, с одурей поповских взять? Развернулись молча и пошли себе прочь, по сторонам с любопытством оглядываясь, шебурша меж собой.

– Жаль, такое добро погибает. Можно было б такую свиноферму здесь расположить!

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– Или склады.

– Ну, склады... Уголовникам колония! Или беспризорникам, слышь, Непокойчицкий? Или вон политзаключённых определить...

– Ты, Бесшапошников, со своей фамилией совсем в ладах: без шапки на глупой голове ходишь. Как сюда политзаключённых определять?! Родичкин, скажи ему, Безмозголовному. Мозги у тебя выдуло без шапки-то.

– Ты, Непокойчицкий, рот-то закрой! Не менее тебя соображаю...

– Тихо, тихо, вы! Спятели, что ли?! На вас попы смотрят! Подерётесь – они на вас хихикать будут, по народу разнесут, какова власть советская задиристая, чисто волки вшивые! На дно пойдут ваши замечательные свинарники, склады и тюрьмы! Нечего тут зариться на пустое!

– А сам-то, а, товарищ Родичкин? Добро-таки пропадает – хозяйственному оку-то ох какое свербение!

– Партия сказала – затопить, так тому и быть, товарищ Непокойчицкий, и нечего тут, конечно, сожалеть о всяком таком... неосуществимом... Хотя, конечно, добро... и люди тож...

– Наши бабы новых людей нарожают! Они вон плодовые какие! Китайцам не догнать. В нищете да в голоде, в войну – и то рожают. Смелые-то, а? Ничего не страшатся. Разве аборта только. Крепкие. Нарожают хоть целое государство.

– Были б им мужики, товарищ Непокойчицкий... Они существа деликатные, мрут сёлами, когда из них душу вынимают.

– Что-то не видал я такого, товарищ Родичкин.

– А вы обратите внимание. На больных, на пьющих, на расхристанных. Вынули ему душу – и пропал мужик ни за грош. Какие ему бабы? Какие дети? Жалобы да водка, раки, лук, селёдка...

– Очень интересно вы мыслите советский народ, товарищ Родичкин. По-вашему, что ж он – всё пьянь, рвань и калека?

Помолчал товарищ Родичкин.

– Там посмотрим, – наконец молвил он угрюмо. – Выбирались же как-то, да из таких болот, что иной немец или француз голову терял. Да и глянуть попристальней: где кто из врагов ноги терял, наш – носки одни. Кто – руки, а наш – варежки. Кто голову, а с нашего – только шапку смахнули. Велик русский человек.

– Не утоп бы только! – рассмеялся Бесшапошников.

Непокойчицкий хохотнул вслед жестокой шутке. Он считал, что гибель сёл, конечно, весьма печальное событие, а вот что касается Свято-Николаевского монастыря, это другое совсем дело. Зачем он нужен? Ярмо на шее советского народа! Три села его кормили! Ладно бы, дельное что в стенах имели: склады, фермы, школы... а то – Богу молиться! Да что за работа – Богу молиться? Зачем?! Разве в советской стране человеку не у кого попросить, чтоб ему дали? Главное – заслужи, и всё будет тебе!

Нет. Правильно топят монастырь. Водохранилище важнее, чем белые стены и несколько чёрных монахов.

– Что делать будем, братия? – спросил архимандрит Мелхиседек, пройдя к зарешеченному окну и задумчиво уставясь поверх старых крыш.

– Дело ясное, – тихо молвил отец Модест. – Молиться Отцу нашему Небесному, чтобы принял он души наши в светлые Свои обители. Коли достойны.

Архимандрит помолчал, следя за полётом белых монастырских голубей.

– Отслужим литургию, причастимся всей братией, а после выйдем с крестным ходом вокруг монастыря и трёх сёл. Где застанет вода, там и примет Господь грешные наши души. Готовьтесь, братья. А ты, отец Симфориан, погоди маленько. У тебя ещё одно дело останется.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Ты сходи иконы везде собери, упакуй хорошенько да снеси в Сапгир, к Ивану Кондратьичу. Пусть в Останево увезёт, схоронит до лучших времён, чтоб найти не смогли. А когда взойдёт солнце веры, Бог Сам укажет тайник, вернёт святые лики Своим детям. Сделай, поторопись, Симфориан. Времени безбожники нам не дали. На исповедь сходи, а потом продолжишь. Успей, ради Христа. Завтра причащу тебя с остальными. С Богом...

Он перекрестил старого монаха и повернулся к иконам.

– Свои я тебе к ночи отдам, – пробормотал он поклонившемуся отцу Симфориану и склонился перед Господом Вседержителем и Матерью Его Пресвятой Девой Марией в глубоком поклоне, отдавая Им самого себя без остатка, без жалости к себе, без сомнения.

Отец Симфориан, выйдя от архимандрита, сразу побежал, не зная толком, куда бежит, и понимая только, что стынет в душе его горе горькое, неподъёмное, тяжелее которого никогда он не испытывал. Что там нищета, холод, гонения, когда советская власть не разрешала священнику хозяйство иметь и учить своих детей, когда следила за ними пуще паука за мухой; когда, исходя ядом злобы и ненависти, не выдерживая христианского служения, хватала их и бросала в тюрьмы; когда, видя, что в лагерях и в тюрьмах, в ссылках и под строжайшим надзором благодать Божия, истекающая от новомучеников российских, покрывала людей самого разного толка, она, скрежеща зубами, изничтожала священников градом свинцовых горошин?! Что там война с немецкими выродками, не щадящими слабых и беззащитных, но подвластных русскому оружию; что это всё по сравнению с насильным небытием, истирающим исконную память о Господе Иисусе Христе и о святых его подвижниках?! Насилуя святую землю, советские слепороды мечтают о чуде: о том, чтобы русскую христианскую память оседлал бес, взнуздан её норовистую прыть и сбросил в чёрный омут забвения правду исторических событий.

Да неужто выйдет у них богомерзкое это деяние?!

Отец Симфориан собирал и упаковывал иконы, хлопотал о последнем ужине и узелках с сухим пайком на дорогу, исповедался у архимандрита Мелхиседека, молился в келье, на память читая у горящей лампы перед маленькой бумажной иконкой Господа Вседержителя вечернее правило и псалмы, и не замечал, что все эти короткие часы, которые он ощущал ледяным ветром в затылке, душа его текла по морщинам слезами. А потом – следами слёз, которых больше не рождали его иссохшие глаза.

Ночью ему не спалось, как и всей монашеской братии. В Свято-Никольской церкви все молились, стоя на коленях, и не могли перестать возносить Богу мольбы и – хвалу за переносимые скорби, дарованные избранникам Своим для небесного венца...

Полуношница плавно перетекла в раннюю литургию. Один за другим, молчаливой цепочкой, под трепетное, торжественное, стремящееся ввысь песнопение «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите», монахи причащались у служащего последнюю в Свято-Николаевском монастыре Божественную литургию архимандрита Мелхиседека, отходили, запивали, сосали во рту частичку антидора из пресного теста, а выданную просфору прятали, чтоб нарезать из неё крохотные кубики, засушить и взять с собою в предстоящее странствование.

Не завтракая, взяли хоругви, иконы Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы Казанской, святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца и с пением молитв и тропарей тронулись в долгий крестный ход. Обошли стены родной обители, отправились в Сапгир. Подвода с упакованными монастырскими иконами под управлением отца Симфориана медленно плелась в хвосте.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

В Сапгире он завернул на двор Ивана Кондратьевича. Вдвоём разгрузили они бесценные доски и досочки простых икон в серебряных или позолоченных окладах, и Хлопонин твёрдо сказал, что сейчас же вывезет их в Останево, чтоб схоронить в надёжном месте.

А монах вернулся на красную площадь Сапгира, где архимандрит Мелхиседек служил молебен, несмотря на злобные запоминающие взгляды уполномоченных, собиравшихся как раз в это позднее утро уезжать из гибельных мест восвояси. Вот уехали. И молебен отзвучал, сливаясь с неумолчным щебетанием птиц, обречённых, как и люди, искать себе новые гнёзда или погибнуть.

Отец Симфориан последним подошёл под архиерейское благословение и зашептал что-то. Выслушав, архимандрит Мелхиседек единожды кивнул головой и ответил:

– Благословляю тебя во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, отец Симфорриан. Позвони ещё, поколоколь. Мало ли кто не услышит страшной вести, погибнет в воде. А колоколом-то упредишь.

– И людей в путь дальний, тяжёлый провожу, – пробормотал старик. – Всяко на душе легче станет при колокольном-то перезвоне.

– Ты прав, спаси тебя Христос... Но ты лодчонку-то какую-нибудь у деревенских спроси, – с беспокойством велел архимандрит. – Выбираться-то иначе как будешь?

– Да как же? Выберусь! – пообещал отец Симфориан. – Не оставит Господь, ежели Ему угодно будет меня сохранить. Не переживай, радость моя владыко. Ступай себе с Богом. Пусть хранит Он всю братию во славу Имени Своего. Побегу уж...

И, перекрестившись, обнявшись с архимандритом, с отцом Модестом, поклонился остальным в пояс, сказав «Простите меня, Христа ради!», и широко побежал обратно в обитель. Длинное чёрное платье его собирало пыль – последнюю в своей тканной жизни... Вскоре над рекою, над просторами, над окоёмом разнеслись родные переливчатые звоны, заполняющие собой небо, достающие до облаков удары бронзы о бронзу. И людей будто выпрямило, отпустило, передав целительное звучание в корни испуганных измученных душ. Не повеселели, нет. Но обрели стойкость и надежду. Сапгир проводил монахов в их крестный путь и продолжил сборы и уход – схожий с военным отступлением на укреплённые позиции...

На следующий день Сапгир опустел. Крестьяне забрали всю живность, и село безмолвствовало, не откликаясь ни одним движением на непрекращающийся набат, который доносился со стороны реки, где стояла обитель. Она была богата, эта бедная обречённая обитель: она, в отличие от села, всё ещё жила благодаря человеку, не оставившему её погибать в одиночестве. Она помогала ему самими стенами своими, лестницами, окнами, дорожками, самим своим местом святым и памятью веков молений и славословий Богу, и слушала последний звон с собственной колокольни, запоминая, замирая и служа каждой минутой, уходящей в неведомое никому прошлое.

Отец Симфориан раскачивал грубой верёвкой язык и мыслью повторял вместе с ударом бронзы о бронзу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!» Ни голод, ни жажда не приставали к нему. Он раз за разом натягивал верёвку и отпускал её, натягивал и отпускал, натягивая и отпуская сердце, неровно, сильно бившееся в его груди.

К вечеру он сел на пол, но верёвку не отпустил. Он молился и качал колокол.

«Бум! – разговаривал колокол с полями, лесами, сёлами, доживающими на земле последние часы. – Бум!».

Прощайте!

Бум!

Прощайте!

Бум!

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Помните!

Бум!

Помните! Без памяти хиреет земля. Растекается грязью. Пустеет безродною пустынею.

Бум!

Ночью отец Симфориан не знал, не понимал, спал он или бодрствовал. Но колокол звучал всю ночь, и встретил рассвет, и звоном поставил вешки дню, час за часом до вечера.

Руки в крови. Чёрные. Будто закопчённые жарким беспощадным огнём, горящим сквозь время, сжигающим то, что потребно сжиганию для боли, для тепла, для очищения. Вода погасит огонь. Уже скоро.

К утру дня, когда погиб мир, знающий отца Симфориана, знаемый им, колокол звонил редким, траурным звуком; о таких говорят – похоронный.

Отец Симфориан, не выпуская из руки верёвку, медленно, морщась от боли в распрямляемом теле, затёкшем во время почти бездвижного ночного бдения, встал, шагнул к перилам, ограждающим простор колокольни, и огляделся. Лоб его прочертила новая морщина.

Он услышал негромкий шелест – словно по сухим осенним листьям двигалась на монастырь многочисленная стая волков и лапы их в крошево ломали мёртвую листву у подножья деревьев. Потом хруст усилился до чуть пришепётывающего гула, и на горизонте, со стороны реки Кутафинки отец Симфориан увидел серую нить. Серую ленточку. Серую полоску. Полосу. Полотнище. Оно устрашающе расширялась, ломая деревья, и само небо не отражалось на водной поверхности, способной отражать всё на свете.

Отец Симфориан повернулся к тёмному, почти чёрному, боку колокола и с силой потянул на себя привязанную к языку верёвку. Грянул тревожный набат.

Спасайтесь! Спасайтесь! Спасайте души свои, ибо грядёт беда неминуема, не исчерпана, имеющая начало, не имеющая конца. Спасайтесь, други мои! Уходите прочь!

Внутренним своим пониманием видел отец Симфориан гибнущие, сметаемые водой дома, плетни, заборы; захлёбывающихся стариков, не пожелавших уйти в неизведанное, и тех, кто не успел рассчитать час прихода воды, не веря до конца в происходящее и в растерянности собирая скарб, нужный и ненужный на новом месте; и тех редких, кто предпочёл погибнуть сразу, чем оставшиеся годы носить в себе смерть.

Так видел внутренним своим пониманием отец Симфориан, до костей стирая руки намокшей в его крови верёвкой, монахов Свято-Николаевского монастыря, которые с молитвами шли по дорогам, утешая людей, помогая им идти, подбадривая и велича их упавший дух; видел, как настигла вода отставших крестьян и монахов, и молился об усопших, не вытирая красных слёз...

Могучая сила воды затопила, укрыла собою Сапгир, заплескалась у невысоких стен монастыря, ворвалась во двор, залила, уничтожила его ухоженность, бесцеремонно забежала в щели закрытых дверей, улеглась на кроватях, встретив за стёклами самую себя.

Отец Симфориан тянул на себя тяжёлую верёвку и отпускал. Тянул и отпускал. До десяти раз. До ста. До бесконечности. Он слышал внизу и вокруг себя шёпот воды, увещевающей: «Ну, что ты звонишь? Не видишь: я тут, я не уйду теперь; и разве я виновата? Кто послал, кто отпустил меня сюда, с того и спрос, тому и колоколь; а я слышу. Я всё слышу. Я храню все звуки в себе... И смех, и рыдания, и крики, и вздохи... и колокольный звон отныне всегда во мне, я сохраню его во веки веков».

Монах слушал её и раскачивал колокол мокрыми от крови руками. Что он мог сказать? Лишь присоединить свой вопль к стонам и воплям других...

Высока колокольня. Окрестность с неё видна ого-го докуда! Кажется – до моря прямо... А и её победила вода, укрыла её, затопила, обмыв все камешки, все выступы, все углубления; она

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

охладила ступни старика, колени, почтительно добралась до пояса... Вокруг – серая пустошь... серая бескрайность воды. И над нею – два пролёта колокольни... полтора... один... Золотой крест неспешно, опаздывая за всем, что гибло, исчез в пучине, блеснув напоследок яркой искрой...

...В великие праздники, в преддверии несчастий над Кутафинским водохранилищем звонит колокол. Еле слышно звонит – так тихо, что поймать ухом эти звуки можно лишь при абсолютной тишине. Кое-кто, проплывая на лодке над монастырём, видел выступившую вдруг из воды стрелу колокольни с сияющим солнечным крестом, а возле раскачивающегося колокола – фигуру седого монаха в длинной чёрной рясе, с окровавленными ладонями, не выпускающими мокрую тяжёлую верёвку.

Кто видел его. А кто не видел. Кто слышал едва звучащий тон поющего колокола. А кто не слышал. Хоть и желал услышать.

Видели под водой в ясный полдень монастырские стены, кельи, собор и колокольню и клялись потом, что там по дорожкам до сих пор будто ходят монахи и служат вечерни, полунощницы и литургии...

Слухи это, байки...

Отец Симфориан глянул на встающее солнце, взялся за верёвку, привязанную к бронзовому языку, и с силою дёрнул на себя. Отпустил. Яркий звон всполошил округу и прекрасных белых голубей.

Бум!

Я буду звонить сегодня.

Бум! Я буду звонить завтра.

Бум!

Я буду звонить.

ЛАМПА С БЕГУЩЕЙ ВОЛНОЙ

Надежда Генриховна Спасская лежала на кровати – неудобной, потому что она была стара. Не кровать. Надежда Генриховна. Надежда. Надя. Наденька. Надюша. Детство и юность близко как никогда. А зрелые годы в тумане, забытые чередой повседневности, хлопот и мелких переживаний по работе, по мужу, Климу Егоровичу, по единственной дочери Виктории, по единственной внучке Анжелике. Все они – единственные. Всю себя, до крошечки самой, отдала она сперва Родине, потом – дочери. И что? Привезли из родного Ленинграда – то есть Санкт-Петербурга – в захолустный Подольск Подмосковья, а что ей в нём делать? Ни знакомых, ни сослуживцев-пенсионеров, ни подружек... А её квартиру дочь с зятем в аренду сдали. Пусто теперь в квартире. Нет никого. Её нет. И не вернуться туда никак, никогда.

Надежда Генриховна всхлинула и испугалась: чего она всхлинула? Она, женщина без нервов и простуды, без критических дней и с головной болью. Женщина-карьеристка и женщина-репутация. Женщина-руководитель. Женщина-трудяга. Женщина-жена. И на дальних задворках – женщина-мать. Что ж, она служила стране всю жизнь. Страна поглотила её, ничего не оставив взамен – ни здоровья, ни общения. Болезнь. Одиночество. Воспоминания... Воспоминаниями Надежда Генриховна тоже обделена. О чём ей вспоминать? О производственных делах, удачах и провалах? О редких отпусках? Об усилителях, над которыми трудилась их научно-производственная группа? Может, о природе? Она её тоже толком не замечала, как и

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

подрастающую дочь. За что та теперь ей и оплачивает. Она – оплачивает. А мать – плачет. И Надежда Генриховна снова сердито, обиженно всхлипнула. В молодой страна нуждалась. В старой – никто. Бог один. Но о Нём начальник группы Спасская ничего не знала. Вернее, знала с одной стороны – стороны отрицания Бога. Да и зачем он нужен, если и так всё хорошо?

Надежда Генриховна задремала в чайнии скоротать время. Эх, как его не хватало прежде! А нынче – бери его сколько хочешь, пользуйся!.. Да на что его использовать? Книжку и то не почитать: лёжа-то не шибко удобно. А подушка тебе не роскошна размером и пухом не богата. Шестьдесят на шестьдесят, а внутри поролон, что ли, какой; в комки слежался. Ни взбить, ни положить удобно... Осталось телевизор смотреть, а много ли в нём доброго увидишь? Одни сериалы, которые обматывают сердце чёрной изолентой страха и безнадёжности. Передачи о разных видах насилия и обмана. Кулинария – чего её смотреть, если сама ни приготовить, ни съесть не сможешь? Сверхъестественная ерунда – экстрасенсы, колдуны, охотники за привидениями, сверхлюди, аномальные явления, астрология, зелёные человечки. Дьявольщина какая-то. И глупый смех. Стыдно смотреть, как взрослые бабы и мужики из себя выходят, чтоб скоморошеством своим людей потешить. Искусственный смех ни к чему доброму не приводит. А мультики? Мультики?! Это ж противнота невозможная! Монстры, недоделки, супергерои, надуманные сюжеты, страшные навороченные миры. Да это в тоску впасть и повеситься от подобных мультиков! И вообще от всего, что из телевизора прёт. Есть, конечно, познавательные каналы, есть редкие жемчужинки старых фильмов, мультиков, концертов. Есть православный телеканал «Союз», который, правда, в семье Спасских и Шень редко смотрели. Но как их уловишь без телепрограммы в газете? Дочь её не покупает. А если покупает, матери не даёт. Вот и остаётся кнопками пульта щёлкать, а когда надоест, смотреть на старинную настольную лампу, на светло-жёлтом, почти золотистом абажуре которой нарисована длинная вздымающаяся с пеной океанская волна, а на ней – силуэт кораблика с белыми парусами. Тоже тебе – лампа с бегущей волной. Совсем не похожая на ту, что разрабатывали много лет назад в научно-производственной группе её подчинённые. Здесь она бежала с момента, когда художник провёл по стеклу кистью, и будет бежать, пока некто неловкий не смахнёт её на пол и она не разлетится на осколки разной величины. А лампа-усилитель, во-первых, красотой не обладает, это уж точно. А во-вторых... ну её, вспоминать не хочется. Потому что в памяти лишь технические характеристики...

Лампа бегущей волны. Электровакуумный прибор для генерации и усиления СВЧ-колебаний. Принцип простой: взаимодействие бегущей электромагнитной волны и потока электронов, направление движения которого совпадает с направлением волны, вследствие которого происходит её усиление.

Спасская до сих пор могла до мельчайших деталей представить конструкцию лампы. Электронная пушка. Она создает направленный поток электронов определенной интенсивности. Системы фокусировки и формирования электронного потока с помощью статических магнитных и электрических полей. Замедляющая система в виде спирали между диэлектрическими стержнями, в которой распространяется электромагнитная волна, взаимодействующая с электронами. А ещё коллектор для отбора электронов, прошедших пространство взаимодействия. И поглотитель в виде стержня из поглощающего материала для устранения самовозбуждения системы. В герметичном баллоне находится основная часть устройства. Магниты фокусирующей системы вынесены наружу...

Электрическую лампу с нарисованной океанской волной Спасской подарили коллеги, провозжая начальницу на пенсию. «Аллегория», – говорили. Шутники...

Надежда Генриховна вытекла из дрёмы, будто ручеек из пруда, и воззрилась на золотистую лампу с бегущей волной. Ах, была бы она вечной, эта лампа! Вернее, вечно бы

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

горела! И она бы, Наденька, вечно бы жила в её приглушённом свете... Вечно горящая лампа с бегущей волной... Вечно живущая Надежда. Просто надежда.

Между прочим, никакая это не сказка – вечно горящая лампа. Древние египтяне, греки и римляне весьма искусно умели их делать. В Египте, к примеру, жрецы подсоединяли участки месторождений нефти или асфальта к лампам с асбестовыми фитилями, поджигали и запечатывали гробницы. Огонь призван был помочь мёртвым найти путь через Долину теней. И лампы действительно горели многие сотни, а то и пару тысяч лет, пока гробницы не вскрывали любопытные архитекторы и ветер не гасил вечное пламя!

Спасскую когда-то сильно впечатлили чудесные истории об этих светильниках. В гробнице на Аппиевой дороге, вскрытой во времена правления папы Павла III, нашли подобный в склепе, герметически запёртом в течение тысячи шестисот лет. В гробу, в странной прозрачной жидкости (состав которой учёные двадцать первого века наверняка установили бы в кратчайшие сроки) лежало тело красивой девушки с длинными волосами, более похожей на спящую, чем на умершую; возможно, то была дочь красная-философа Цицерона Туллиола...

Другая история вещала об английской лампе в монументе, который, вероятно, был гробницей отца святого Константина Великого. Её обнаружили в раннем средневековье, и, получается, она горела неугасимо с третьего века от Рождества Христова.

Два тысячелетия ровным огнём горел фонарь в изголовье Гробницы Полланта, сына Эвандра, воспетого Вергилием в «Энеиде»: его нашли близ Рима в 1401 году, но он погас, когда живые впустили в гробницу ветер и своё дыхание...

Какая романтическая интонация древних смертей...

Нет уж. Пусть лампа с бегущей волной не горит вечно. Пусть она горит, пока будет нужна. А потом погаснет навсегда.

С утра дочь и зять убежали на работу, внучка – на учёбу в институт, где она оканчивала последний курс. Надежда Генриховна чувствовала себя очень усталой и больной, и даже пришедшая к девяти утра сиделка – пятидесятишестилетняя медсестра, которой чета Шень – Вика и её муж Владимир Брунович – платили в два раза больше, чем она получала в детской поликлинике, не очень-то помогла.

Сиделку звали Эльза Петровна Мархипина, и она ухаживала за пациенткой толково, аккуратно, без претензий, но сближения и лёгкой фамиллярности не допускала, что устраивало и бывшего «большого человека с амбициями начальника». Эльза Петровна выполняла предписанные процедуры и садилась отдыхать в кресло перед телевизором. Она его не смотрела – не любила. Брала с разрешения книги из добротного собрания хозяев и читала в своё удовольствие, щёлкая жареные семечки. Если Надежда Генриховна просила, то читала вслух – неторопливо, с выражением, артистично.

Сегодня умирающая желала тишины. Сытая, но не умиротворённая, взъерошенная изнутри, она несколько сердито смотрела в окно на играющие с ветром плети высокой дебой берёзы, росшей перед элитной четырёхэтажкой добрые полвека.

Под тишину и мелькание желтеющих листьев за окном Надежда Генриховна задремала. И вот сквозь тревожное забытьё донеслись до неё звонкие детские голоса. Они перекликались друг с другом, перекидывая слова, будто футбольный мяч. Надежда Генриховна сперва не прислушивалась, обеспокоенная непокорной своей тревогой, но когда голоса, не думая затихать, наоборот, приблизились к ней, она раздражилась и невольно прислушалась.

– Серёжа, перестань! Я тебе говорю: листья бывают жёлтыми, красными, коричневыми и зелёными! Даже розовыми бывают! А синими и белыми – никогда.

– А фиолетовыми бывают?

– Бывают. Целые растения бывают. Если бы мама меня не убила, я бы стала ботаником...

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– И листья изучала?

– Не только листья! Цветы, деревья, траву, кустарники... Знаешь, сколько их Господь создал?

– Сколько?

– У-мо-пом-ра-чительное количество всяких-разных.

– Да ну уж...

– Не «да ну уж», а стану я говорить то, чего б не знала?

– Ты, Лизавета, не станешь, конечно. А вдруг ты, к примеру, ошибаешься?

– Я ошибаюсь?! Я?.. Эх... Ты, Елизарка, всегда воду мутишь. Не надоело тебе?

– Я не мучу... не мутю... Короче, чистая она, твоя вода!

– Я хочу на маму посмотреть... И-и-и-и...

– Клава, не плачь. Не плачь. Увидишь ты маму! Когда-нибудь.

– Ага, увижу! Она ж меня убила. Значит, не хотела видеть. Если тогда не захотела, теперь и вовсе не захочет.

– С чего ты там взяла? Она вполне может раскаяться...

– Если успеет...

– Если успеет...

– Если поймёт.

– Если поймёт.

– Если покается...

– Если покается...

– К сердцу прижмёт...

– К сердцу...

Надежда Генриховна судорожно схватилась за укрывавшее её одеяло, завертела головой.

Пусто. Она крикнула:

– Эльза! Эльза!

Сиделка встрепенулась, оторвалась от книжки, подошла к кровати.

– Эльза! У нас окно открыто, что ли?

– Всё закрыто, Надежда Генриховна.

– И форточки?

– И форточки. Чего их открывать? Пасмурно. Дождь, я чай, войдёт. А что?

– Ты разве не слышала? Здесь какие-то дети разговаривают!

Эльза Петровна огляделась, прислушалась.

– Ничего не слышу. Вы, поди, задремали, и во сне услышали там что-то.

– Со слухом у меня пока ничего, порядок, – отрезала Надежда Генриховна. – Это со спиной нелады. А уши ничего, недавно мыла.

Эльза Петровна снова прислушалась – повнимательнее.

– Ничего не слышно, – возвестила она. – Хотите, включу вам телевизор? Он все потусторонние голоса убивает.

Надежда Генриховна тут же нахмурилась.

– С чего ты взяла, что я слышу потусторонние голоса? Сумасшедшая тебе я, что ли? Я пока в здравом уме, дорогая Эльза Петровна! Не забудьте, что я руководила большим научно-производственным коллективом! Мы разрабатывали множество изделий!.. В том числе лампы бегущей волны...

Она покосилась на светло-жёлтый, почти золотистый абажур с длинной морской волной, несущей на себе крохотный парусник.

– Да ладно, ладно, успокойтесь!.. Но я всё равно ничего не слышу. Пить будете?

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– Буду.

Весь день ребячьи голоса её не тревожили. А вечером, когда семья улеглась спать, они раздались неподалёку тихим лепетом и долго не унимались. Надежда Генриховна вытерпела их несносное воркование и, едва они умолкли, провалилась во мрак тяжёлого сна, от которого обычно просыпаешься с головной болью.

Днём, когда Эльза Петровна, справив свои обязанности, присела в кресло книжку почитать, Надежда Генриховна велела ей делать это вслух. Увы, голос Мархипиной не смог заглушить говор невидимых детей. Старуха не понимала ни того, что читала сиделка, ни того, что болтали духи... или что там это было.

– погоди! – оборвала она Эльзу Петровну. – Ты опять не слышишь ничего, что ли?

Та помолчала и ответила коротким «нет».

– Да как ты не слышишь?! Они прямо тут, в комнате разговаривают! – не поверила Надежда Генриховна.

Сиделка протяжно вздохнула и глянула на пациентку поверх очков, которые носила «для близи».

– Ничего не слышно, – заявила она. – А у меня справка есть, что со слухом у меня всё в порядке. Так что это у вас призраки в голове бродят, вот что. По возрасту положено, не переживайте. Все мы перед концом будем страдать от собственных теней и привидений. Сделайте вид, что им не верите, они, может, и сгинут.

И уткнулась в книгу. Надежда Генриховна закрыла глаза. Уснуть. Во сне не придут. Некуда будет приходиться. Ведь сон – это бред отключившегося сознания. Интересно, коматозники видят сны, или перед ними темь и тишь? И страх, что они – навсегда. Нет, не хотела бы Надежда Генриховна впасть в кому. И умирать боялась. Хотя никому никогда ничего плохого не сделала... Сплошное отрицание... Если отрицание, значит – пустота?..

Уснуть не удалось. Мешало редкое перелистывание книжных страниц. И вдруг, у самых ушей – в самом ухе, едва ли не в голове – внятный шёпот.

– Плохого не сделала? Ты пять душ убила.

И вспыхнули в мозгу старательно вытираемые из года в год, изо дня в день картины аборт. Боль. Боль. Боль. Боль. Боль. Пропать. Пропать. Пропать. Пропать. Пропать. Пять болей. Пять пропастей в животе. И в душе. Но, несмотря на это, бьющиеся барабаном слова: «Работа важнее. Работа нужнее стране. Важнее и нужнее детей». В стране широкой, необъятной есть кому рожать подданных. И – рабочих, крестьян, интеллигенцию. А если б она, Спасская Н. Г., выпустила бы пять душ в мир, то смогла бы остаться начальником научно-производственной группы? Смогла бы выпустить для России лампы бегущей волны? Кто-то другой бы делал это, не она! Как такое вытерпишь?!

Поэтому боль и пропасть. Пять болей и пять пропастей. Жертвы. Над которыми оно – руководство. Людями. Из детей оставила младшую дочь. Назвала её Викторией, но причину выбора имени не озвучила никому. И себе... Боялась понять, что, убив пятерых, спасуюся вверила победе над чередой смертей, которые она допустила, боясь лишиться того, чем дорожила до помрачения материнского инстинкта – страстью к работе и к лидерству.

– Я никого не убивала, – шепнула Надежда Генриховна в ответ на обвинения призрачных голосов. – Это были просто сгустки клеток!

– Это был я, мама. Елизар.

– Это был я, мама. Тарас.

– Это была я, мама. Клава.

– Это был я, мама. Сергей.

– Это была я, мама. Лиза.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Она второй раз прошептала непримиримо:

– Я никого не убивала! Это сгустки клеток!

– Но сердца наши бились... Уже бились. Бились вовсю – здоровые громкие молоточки... – шептали ребячьи голоса.

Вырвавшийся из-за туч луч солнца лёг на лицо Надежды Генриховны и ослепил её на миг. Она вскрикнула, и Эльза Петровна, вздрогнув, подняла голову.

– Что случилось? Приступ? Судорога? – спросила она и заморгала недоумённо, услышав пронзительный старушечий крик:

– Я никого не убивала! Это клетки! Просто клетки! Клеточная ткань!

– Чего?! – испугалась сиделка и, отбросив наконец книгу, подскочила к больной.

Та тяжело дышала. Озиралась дико. По краю лба мокрым венчиком выступили капли пота. Морщины, казалось, на глазах углубились.

– Надежда Генриховна!

Эльза Петровна затормошила её, а потом побежала на кухню. Схватив стакан, плеснула воды, принесла, попыталась напоить, но вода лилась мимо рта на подушку.

– Надежда Генриховна! Опомнитесь! Чего вы кричите?! Успокойтесь! Слышите? Слышите меня?

Надежда Генриховна отвернулась, замолчала, глядя в стенку. Пить она не стала. Постояв минутку возле неё, Эльза Петровна оставила её в покое, предпочитая в свободное время читать, а не добиваться от парализованной старухи, собирающейся на погост, от чего она кричала. Да. У каждого свои гвозди в бочке...

Голоса вокруг Спасской милостиво отступили, подарили тишину. Проскочили по стрелке положенные по режиму обед, массаж для профилактики пролежней, проглатывание лекарств, замеры артериального давления... Суета, бабушка, суета... В молодости своя суета, в старости своя... Не такая шибкая. Не такая домостроительная. Не такая бегучая, задорная. Когда время забирает здоровье, силы и разум, суета выказывается в охранительных и завершающих жизнь мероприятиях. Аптека. Магазин. Чужие похороны. Скамеечка; сперва – в парке. Потом в сквере недалеко от родной эн-этажки. Затем – впритык у подъезда. Возможно, последняя стадия – балкон. А то и форточка. В которую залетают в течение тёплого полугодия мухи с осами, комарами и редкими гостями – бабочками.

Минута насыщенной жизни – и вот Надежда Генриховна Спаская мучается каждой минутой безделья, скучного, набившего оскомину до такой степени, что кисло ей в душе. Кисло каждый день, о котором она не знала никогда, что он Божий...

Вечером квартира поменяла посетителей: Эльза Петровна исчезла до завтра, а семья Шень, наоборот, собралась вместе. Когда сон унял их суетливость и участие, Надежда Генриховна осталась одна в темноте, прижимающей её к ложу подобно тяжёлому ватному одеялу. Её не пожалели.

– Спокойной ночи, мама.

– Мамочка, приятных снов!

– Спи крепко, мама! Пускай никакие кошмары тебя не тревожат!

– А я хочу тебе присниться! Обязательно в голубом платье и бантом в волосах!

– Тихо вы! Она может нас увидеть – но пока во сне. Если ты, мамочка, захочешь...

И голоса улетели ввысь, щебеча вовсе непонятное. Замершая в бессилии Надежда Генриховна смогла вздохнуть и плотно сомкнуть глаза. Не успела она удивиться тому, как сильно её потянуло спать, как сознание её уплыло неведомо в какое небо... И там, среди белоствольных деревьев с яркой зелёной листвой стояли дети – три мальчика и две девочки. Погодки. Будто лесенка. Лиц не видно. Только фигурки. Не озорные, не весёлые. Обнимаются с

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

белыми деревьями. Зелёные ветки их ласкают, поглаживают – вместо материнских рук; ведь мамы у них нет; сироты; сиротинушки одинокие. Матерью преданные. В жертву принесённые. В нешуточном выборе между жизнью ребёнка и собственной свободой, собственной выгодой обычно поражение терпит дитя человеческое...

В берёзовом сне Надежды Генриховны Спасской три мальчика и две девочки не прыгали, не бегали, не шумели; не разговаривали. Не могли? Не желали? Поучали? Молчанием говорили? Так и стояли, руками ветки перебирали, на неё и друг на друга смотрели. Ждали будто чего-то. А лиц не видно.

Сказали бы хоть, чего ждут.

Едва растворились в темнеющей синеве подступившего неба, как поплыли облака по ветру, а облака – словно дворцы пенные, и в каждом проёме стрельчатого окошка – лица не улыбающихся детей, пристально глядящих на Спасскую. И тех, что миг назад стояли среди белых деревьев, и незнакомых, и тех, про кого думаешь, что вот-вот – и узнаешь черты человека, которого где-то когда-то встречала во времена и повороты длинной своей жизни...

Проснулась Надежда Генриховна поздно, когда дочь с семьёй закрыли двери, а Эльза Петровна уже устроилась в кресле с книжкой в ожидании начала рабочего дня, которое наступало с момента просыпания пациентки. Процедуры, завтрак, лечение, и старуху, досконально знающую лампу бегущей волны и сферы её применения, запихнули в сундук одиночества. Но детские голоса не дали ей передыха...

– Мам... У тебя ничего не болит?

– Она хочет пить!

– Мам... ты пить хочешь?

– Мамочка, а ты не расскажешь нам про тот мир, в котором ты живёшь?

– И в который мы никогда не попадём?

– Он какой, мама, этот мир? В нём что-нибудь есть?

– Кто-нибудь растёт? Кто-нибудь летает?

– Есть ли там ветер, мама?

– И что-нибудь светлое... светлее, чем в том месте, куда мы попали...

– Куда мы попали после того, как ты убила нас, милая мама.

– Тут не темно. И так хочется побольше света!.. Но ты не думай, что мы жалуемся. Просто мы так много пропустили... А так не хотелось пропускать, когда мы возникли в тебе, мамочка.

– Чего ты жалуешься?

– Да кто жалуется! Тарас, ты всегда первый, кому хочется чего-то такого, чему быть невозможно!

– А ты, Елизар... а у тебя перья в голове, которой нет!

– А ты...

– Ага, подеритесь скорее, олухи малодневные!

– А ты, Клавка, не встрывай!

– И не смейся!

– Мы тебя поколотим!

– Ага, поколотите! Да мы с Лизой старше вас чуть ли не на неделю! Мы вас вмиг скрутим и стоять поставим пряменько-пряменько. Вот, небось, взвоете от скуки, непоседы кудрявые!..

– А не взвоем. Не взвоем – и всё. Что тогда делать с нами будете? Серёжка, ты чего молчишь, надул щёки?

– А я чего? Я из вас тут самый маленький. Мне драться вообще смешно...

– Ну и не дерись.

– Ну и не дерусь. Мам, а здесь цветы пахнут?..

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

...Скоро Надежда Генриховна привыкла к ребячьим голосам, которые никто из её семьи не слышал. Она узнавала их по голосам. По характеру. По смеху. Она вспоминала, когда, почему и как убивала она, бездумно, равнодушно, второпях, двадцатидневную Клаву, двадцатидневную Лизу, восемнадцатидневного Елизара, пятнадцатидневного Тараса и двухнедельного Сергея... И как-то попросила, чтобы Эльза Петровна пригласила к ней священника из ближайшего храма.

Отец Лазарь пришёл утром. Надежда Генриховна, с трудом выдавливая из себя непривычные слова, сказала, что хочет исповедоваться и сделать всё, что надо, чтобы Бог её простил. Священник предложил любопытствующей сиделке погулять во дворе, благо светило солнце бабьего лета, и присел рядом с больной. Спасская долго молчала. Отец Лазарь ждал. Наконец Надежда Генриховна произнесла самое главное:

– Ко мне дети приходят. Те, которые при абортах у меня погибли. Они говорят. Но я их не вижу. Наверное, жалеют, что ли... Хочу у них прощенья попросить. Можно как-то сделать... так, чтоб простили?

Священник ответил не сразу. Но кивнул.

– Можно.

– А... что нужно для этого?

Снова не сразу ответил священник.

– Покаяние. Плач всего сердца.

И только он сказал это, как изнутри у Надежды Генриховны поднялось что-то и выплеснулось в рыданиях. Она плакала долго, намочив подушку и платок, который дал ей отец Лазарь. И в удивлении, но как должное, как то, что должно было случиться у неё в жизни, приняла на голову тяжёлый плат епитрахили и удивительные слова прощения от Бога, которые негромко, ласково проговорил отец Лазарь.

– Вот и хорошо... – сказал он после. – Теперь бы соборовать вас, причастить... Да не знал я, зачем зовут, и не приготовился. Ну так могу завтра прийти, если желание у вас такое будет.

Спасская прикрыла опухшие глаза и прошептала непослушными губами:

– Да. Если нужно. Если можно.

Наутро он действительно появился и долго был с болящей старухой, читая над ней двенадцать отрывков из Святого Евангелия, помазывая её елеем. Женщина устала, но терпела изо всех сил. Как до сих пор страдают убитые ею дети! Разве усталость – достойная плата за предательство?! Её причастили, и усталость вылилась из неё новыми слезами. Она тут же уснула и не видела, как отец Лазарь разоблачился, собрался и покинул роскошно обставленную квартиру, оставив на столике пузырёк с подсолнечным маслом и баночку с рисовой крупой, освящёнными во время соборования – таинства, в котором прощаются человеку мелкие его и забытые грехи...

Когда Надежда Генриховна проснулась, Эльза Петровна сидела в кресле перед телевизором и читала очередную книгу. Спасская посмотрела в окно, перевела взгляд на вход в комнату и увидела их всех – пятерых. Они явились перед ней – в белых рубашечках, погодки, похожие на неё и на Клима Егоровича одновременно... Смотрели на неё и улыбались. Подошли тихонько, на цыпочках. Ласковые, светящиеся будто... Незнакомые... а знакомые будто. Родные. Будто видела когда... давным-давно, отсюда и не вспомнить. А больше встретиться будто и не удалось – только сейчас, в великой немощи младенчески-старческой...

Трое сыновей и две старших дочери подошли к кровати умирающей матери, присели по бокам так, чтобы и она их видела, и они её.

– Нас нынче Господь к тебе пустил! – радостно сообщила Клава. – Мгновенье – и мы тут, возле тебя! Ты теперь видишь нас?

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– Вижу, малыши мои, вижу, – севшим голосом проговорила Надежда Генриховна. – Я ж ничего не знала!

Эльза Петровна оторвалась от книги и покосилась на высокую кровать.

– Вы что-то сказали? – громко спросила она, но старуха её не услышала, и Эльза Петровна, махнув рукой, вернулась на книжную страницу.

– Какие вы все... красивые... – тихо плакала Надежда Генриховна, разглядывая необычайные лица нерождённых детей. – Светлые такие... Неужто... неужто и вправду такими бы были, если б я... знала? Да я ж не знала... А знала – так забыла. Приучили ж нас: души нет. Слово есть, понятие есть, а сама душа – сказки корыстных попов... Пушкинской сказкой о работнике Балде как упивались! И на церковь, на попов смотрели свысока... Как же мне знать и помнить, что в чреве моём не клетки, а душа человеческая?.. Ох, да как же вы теперь... да где же...

– Мы не страдаем, мама, – нагнулась к ней Клава.

– Не очень сильно, – подтвердил Серёжа, и Тарас легонько толкнул его в бок. – Ты чего?

– Тихо давай. Мама и так всё поняла: ведь она увидела нас.

– Если б не поняла, не увидела б...

– Мамочка, мы... нравимся тебе?

И со слезами в голосе Надежда Генриховна горячо ответила, что да, да, они самые красивые дети на свете... и в душу вонзилась копьём горькая мысль: «Зачем же я убила тогда? За что?..»

Конечно, она могла бы перечислить события, что привели их к смерти. Клава – это учёба в институте. «Клим, когда мне ухаживать за ребёнком?! Мне надо учиться! Сессия на носу! Курсовые! Диплом! Практика!»

Лиза – это устройство на работу. «Клим, какие дети?! Ты что?! Я только начала работать – и на тебе, ребёнок! Как я себя покажу перед начальством? Перед коллегами! Нет, не уговаривай!»

Елизар – это лампа бегущей волны. «Клим, ты хочешь, чтобы в то время, как я нужна своей стране, как я строю свою карьеру, я ещё и ребёнка должна тянуть?! У меня не так уж много сил, дорогой».

Тарас – это диссертация. «О, конечно! Ты совсем не хочешь, чтобы я защитилась! Чтобы у меня была докторская степень! Как ты себе представляешь: пелёнки-распашонки, бессонные ночи – и диссертация?!»

Серёжа... Серёжа – это первая и единственная зарубежная командировка со стажировкой в Европе и США. «Клим! Это шанс из миллиона! И ты хочешь, чтобы моя удача мимо проскользнула, другому досталась?! Желающих много – вся группа! Моя жизнь пойдёт прахом, Клим, если я оставлю беременность, ведь командировка через четыре с половиной месяца! Как я буду там работать, скажи, пожалуйста?! Животом всех пугать? И речи быть не может!»

И погиб Серёженька. Погиб... За стены французской конструкторской лаборатории. И пару клёнов за окном...

– Бабушка! К тебе что, в самом деле священник приходил?! Ну ты даёшь! Ты ж коммунистка!

Надежда Генриховна сжала руку внучки Анжелики и пробормотала, глядя в синие глаза – такие же красивые, как и у неё в молодости:

– Дура я, Ликуша, дура...

– Почему, бабушка? – искренне удивилась девушка.

– Дура, что коммунисткой была, верила, что Бога нет.

– А Он, думаешь, есть? – с любопытством спросила Анжелика.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

– Оказывается, есть. Я сама не знала, – призналась Надежда Генриховна. – Когда семимильными шагами приближаешься к смерти... возвращается и знание о Боге... Я... понимаешь, Ликуша... Ты, наверное, скажешь, будто я из ума выжила... но я не выжила, это по-настоящему всё: жизнь предназначена для жизни, и мы не имеем права лишать её кого бы то ни было... Понимаешь, родная моя Ликуша, внученька моя... Мы думаем, что властны над чужой жизнью, а это... неверный посыл. Хоть бы что заставляло нас, но нет – мы над чужой жизнью не властны. Нет. Поверь мне... Ничто не оправдывает смерть, которой ты стала причиной. Ни болезнь. Ни стыд. Ни бедность. Ничто не оправдывает смерть ни того, кого ты знаешь, ни того даже, кого не видела ни разу...

– Ты о чём, бабушка? – напряжённо спросила Анжелика и сильно сжала руку Надежды Генриховны.

– О детях, которых мы носим под сердцем, – ответила Спасская. – О них, милая моя Лика... Лишаешь их жизни – и умираешь сама...

– ...Ну а если... причины? – тихо, но с тем же напряжением спросила Анжелика, всё так же крепко сжимая бабушкину руку.

– Нет причин, – прошептала та. – Ни одной, оправдывающей убийство ребёнка. Поверь мне. И ты, и он вечность расплачиваются за это.

Но тут в комнату заглянула дочь, позвала Анжелику за стол, с прохладцей пообещала после накормить и мать. О здоровье не спросила, о настроении не спросила, доброго слова не сказала... Ну спасибо и за то, что не оставила умирать в одиночестве!.. Уставший хмурый зять Владимир Брунович лаконично поздоровался и тоже прошествовал на кухню. Надежда Генриховна осталась одна. С надеждой, что вот-вот вернутся её старшие дети и будут её утешать ласковыми своими речами, радостными своими глазами... Они явились поздним вечером, когда старуха осталась одна после обычных процедур. Ей очень хотелось обнять их, прижать к себе, погладить по мягким волосам, поцеловать в гладкие прохладные щёки... Но как могла она это сделать? Она смотрела, не в силах насмотреться, плакала, протягивая к ним руки, почти неслышно звала по именам и не верила, не верила, что после смерти не встретится с ними... Нет. Бог смилуется. Бог простит. Она будет плакать всю вечность, чтобы Христос простил её и вернул Клаву, Лизу, Елизара, Тараса и Серёжу...

Кому нужна эта лампа бегущей волны?! Её вполне могли бы разработать и внедрить в производство и без неё! И где пригодилась её диссертация?! Кому нужна её докторская степень? Её командировка в США – в страну рабов, рабовладельцев и мошенников – что оставила она в памяти?! Ничего, что стоило бы жизни младшего сына.

Почему они всё равно любят её? Она не мать. Она чудовище. И она полюбила их так, как никогда не любила Викторию и Анжелику. ОНИ подарили ей её любовь. Какую бы любовь она ощутила, если бы она не убила своих детей... За что они любят свою чудовищную мать?!

– Бабушка...

Пятеро детей не исчезли. Потеснились, глядя на дочку своей младшей сестры. Надежда Генриховна вздрогнула. Анжелика сидела на её кровати и пылливо смотрела на неё. Мягко светилась лампа с бегущей морской волной.

– Бабушка... Я тебе что хотела сказать... тебе первой. Я... беременна.

– Лика... – дрожащим голосом пробормотала старуха.

– Погоди, не перебивай. Пожалуйста...

– Да.

– Я хотела завтра идти в больницу, аборт делать... Ну, учёба, жить негде... решили с Мишей, что ребёнок нам будет мешать... И потом, свадьба-то через три месяца... Видно будет

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

уже... Но теперь не хочу идти. Ведь это мой первенец. Как я могу его убить?! А вдруг... вдруг он будет святым? Ну, или... кем бы ни был, он ведь мой ребёнок...

– Да, малыш... Ты... ты правильно решила, солнышко моё любимое... Иди ко мне... Ты лучше меня, правда. У тебя всё будет хорошо. Скоро я у Господа буду. А вы втроём здесь будете жить, в моей комнате.

– Бабушка...

– Ш-ш-ш... Это всё правильно, милая моя. Дай я тебя поцелую.

Анжелика прильнула к бабушке, одаренная умиротворением, успокоенная...

– Ты самая лучшая. Ты просто... вообще... Я очень тебя люблю. И ты не умирай. Как я без тебя?

– Не забудь меня в церкви поминать, договорились?

– ...Ты не беспокойся. Положись на меня. Ну и ты тоже там про меня не забывай.

– Никогда, малыш...

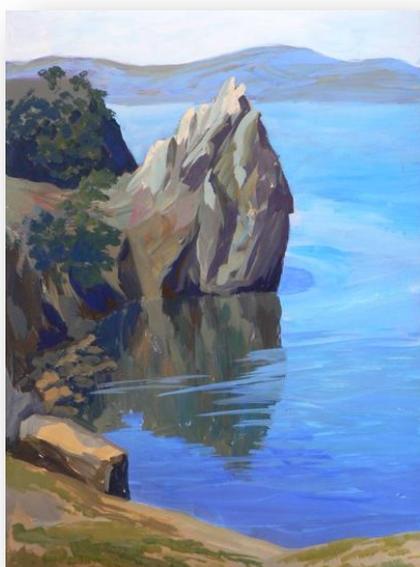
Длинная морская волна всё бежала и бежала по светло-жёлтому, почти золотистому абажур лампы и несла на себе крохотный кораблик с белыми парусами...

* * *

...Лампа бегущей волны.

«Электрон синхронно движется вместе с волной, но под воздействием ускоряющих и тормозящих участков её электрического поля электроны группируются в сгустки. Сгустки располагаются в тех местах поля, где ускоряющая электроны полуволна переходит в тормозящую. Если скорости волны и электронов равны – обмена энергией между ними нет, усиление отсутствует. Но если скорость электронов немного превышает скорость волны, сгустки электронов, обгоняя волну, входят в тормозящие участки поля и под их действием тормозятся. При этом кинетическая энергия, потерянная электронами при торможении, переходит в энергию бегущей волны. Чаще всего лампа бегущей волны является широкополосным усилителем СВЧ-колебаний в диапазоне от 300 МГц до 300 ГГц. Используется в приёмных и передающих устройствах»...

Взлетает душа в Небо радости...

В. Топоногова. Байкал. Скала Богатырь.
Бумага, темпера, 30х40, 2006

В. Топоногова. Байкал. Бурхан.
Бумага, темпера, 30х40, 2006

ПРОЗА

Алёна Чубарова

(МОССАЛИТ, Москва)

РЕЦЕПТ НА МУЖЧИНУ

- Можно вырезать, можно подождать. Одевайтесь. – Усатый врач сел за свой стол, оставившись на молоденькую медсестру, будто забыв совсем про пациентку.

- Доктор! То есть вы хотите сказать, что у меня ничего криминального? Да?.. Я правильно поняла? – обрадованно пролепетала больная, нашаривая на стуле одежду.

- Ну криминальное – это вообще в других структурах! – буркнул эскулап, демонстрируя своё остроумие. – А мы скажем: летальным исходом не грозит. Пока не грозит. Пока!

- Как?! Пока... – Сердце ушло в пятки. – То есть оно... она... это может...

- В вашем возрасте всё может, – резанул последователь Гиппократа и оторвал наконец взгляд от расстёгнутой пуговицы на халатике медсестры. Заметив, что пациентка побледнела, поспешил успокоить:

- Но! Есть лекарство!

- Лекарство? Ну слава богу... Да, медицина сейчас совсем не то что раньше. А я так вообще всегда верила в науку... А какое? Какое лекарство?

Врач выдержал мхатовскую паузу и бархатным баритоном многозначительно изрёк:

- Активная половая жизнь. Систематическая, разумеется.

У дамочки из рук выпала сумка. Сестричка, зардевшись, уткнулась в бумажки на столе. Доктор надел очки, чтобы лучше видеть произведённый эффект.

- Что? Вам что-то мешает?

- Гм... я...

- Не замужем, что ли? Ой...

- Не то чтобы, но... то есть... да... в смысле, нет... - совсем запуталась смущённая женщина, поднимая с пола выпавшие из сумочки дамские мелочи.

- Ну и ладно, подумаешь, не замужем, ерунда! Есть же знакомые мужчины, друзья, наконец, – поспешил утешить жрец медицины. – Выручат.

- Да нет, ну что вы! Друзья... нет, нет, друзья – это ведь совсем другое... Да и как я... скажу...

- Да так и скажите: врач, мол, прописал, нужна помощь.

- Нет, я никогда не смогу... - Паника уже подкрадывалась и грозила вылиться в истерику, опасные всхлипывания подбирались к горлу.

- Да что вы так усложняете? Если бы вам нужны были деньги на лекарство, они бы ведь дали? - не унимался врач.

- Деньги? Да... Не знаю... Деньги, наверное бы, дали... но это же другое...

- Так! Успокойтесь! Выпейте воды... - Сестричка метнулась к кулеру. – Ладно, не трогайте друзей. Не хотите – не трогайте. Ладно. Друзья – это святое!

То ли издевается, то ли серьёзно, поди разбери этих усатых-бородатых. Пластиковый стаканчик в трясущихся руках был с трудом, но успешно донесён до рта. Глубокий вдох-выдох. Ещё один, другой, третий... Стало полегче. Доктор меж тем продолжал:

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Да, не будем трогать друзей. Зачем? Пойдём другим путём. В наше время деньги решают всё. Вы можете делать это за деньги, – разрешил он и широко улыбнулся улыбкой доброго бескорыстного Айболита.

- Это? За деньги?..

- Да. Так проще обеспечить систематичность. Это же – лекарство. Главное – систематичность, - напомнил с отеческой заботливостью.

- Ну да, лекарство... - от неловкости пациентка начала нести какой-то бред. – Лекарство... Три раза в день после еды...

- Ха-ха-ха! – Айболит превратился в Пантагрюэля. – Три раза в день! Недурно, недурно... Совсем недурно! Но в вашем возрасте опасно. Давайте начнём с трёх раз в неделю. А там посмотрим, как будет действовать.

Дама уже почти взяла себя в руки, но тут следующий вопрос вырвался у неё как-то сам по себе:

- Простите, доктор, а кто кому деньги должен платить? Гм... Мужчины мне? Или я – мужчинам?

Улыбка доктора застыла, превращаясь в гримасу. Он снял очки. Протёр их. Снова надел. Затем вскочил и потащил даму к зеркалу. Разглядывая пациентку через стекло, будто сам с собой начал вдохновенно размышлять:

- А что, пожалуй, может и так получиться... Несмотря на возраст, ещё ничего... Сделать удачные фото в нужных позах... в соответствующих нарядах... Есть ведь любители, так сказать... зрелых смоковниц... Так тогда и лечиться можно, и зарабатывать одновременно! И мне авторские за идею...

- Так что в карте-то писать? – подала голос медсестра.

- С другой стороны, так ведь нельзя будет выбрать, - не слышал её увлечённый творец. – А выбрать нужно тщательно: и размер, и темперамент, и повадки. Всё важно. Нет, этот вариант заманчив, но нам не подходит. Надо всё-таки им платить. Авторскими пожертвую... Главное – терапевтический эффект. Ну, если всё понятно, можете идти.

- Понятно... – пробормотала «зрелая смоковница» и поплелась к выходу.

- Главное, систематически и активно! – рявкнул целитель вдогонку и подмигнул медсестре, явно намекая, что дожидаться диагноза не обязательно, терапию можно начать и заранее, для профилактики.

А пациентка замялась в дверях, а потом вдруг решительно развернулась и твёрдо заявила:

- Только, доктор, вы мне рецепт выпишите! Да. По рецепту со скидкой, может, выйдет, всё же ради лечения, а не для удовольствия. Ну и перед друзьями-знакомыми... Гм... объяснить, мол, это не потому что... Я женщина честная! Но - врач прописал!

НОВЕЙШАЯ ТЕРАПИЯ

Хирург был – женщина. Крупная. С хриплым голосом, короткой стрижкой и прищуренным глазом. Казалось почему-то, что в карманах её просторного, не слишком чистого халата лежит по пачке папирос «Беломорканал». Хирург смотрела на мои ноги и тяжело молчала. Я уже сказала всё что могла, причём дважды. И теперь тоже молчала, не зная, что делать дальше. Молчание затягивалось.

- Э-то ко-сточ-ки? – наконец протянула врачиха так медленно, как только возможно.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Ну да, и болят. Не постоянно, но часто. Особенно от каблучков, – повторила я в третий раз.

- Маша, - процедила сквозь зубы врач медсестре, - ты это видела? И она заявляет, что это – косточки?!

Маша невнятно кивнула, проявляя полное отсутствие интереса и к косточкам, и к врачу, и к пациентке, и вообще ко всему окружающему миру.

Хирург угрожающе набрала в лёгкие воздух, подняла на меня два глаза - один обычный, другой прищуренный - и завопила:

- Да с такими ногами на подиум летнюю обувь демонстрировать! Косточки у неё! Во-о-он отсюда!!!

- То есть как? - Я растерялась. – Но ведь вылезли вот... и болят. – Впервые в жизни меня так однозначно выгоняли из медицинского кабинета. – Болят, понимаете?

Через секунду я уже пожалела, что не сбежала сразу. Мадам доктор встала и нависла надо мной всей громадой своей великанской фигуры.

- Вот из-за таких, как эта, настоящие больные в очередях маются! А государственные деньги в трубу вылетают.

- Доктор, я сейчас уйду, но, может, хоть мазь какую...

- Э-эх... Да чтоб вас всех... - сменила наконец гнев на милость тётя врач. – В таком возрасте почти у всех вылезают и болят. Смирись. Мази – чушь! Массаж – дерьмо. Можно. И то и другое. Но всё равно болеть будет. Сильно вылезут – прооперируем.

- Но мне, понимаете, танцевать надо. На каблучках...

- Что-о-о?! Тан-це-вать?! – Снова задохнулась от возмущения хирург. – Маша! Маша! Уведи её, или я за себя не отвечаю...

- Но мне по работе... - жалобно пискнула я.

Маша флегматично показала мне глазами на дверь, и я поняла, что аудиенция окончена.

- Ко-осточки... та-анцевать... на-а по-одиум... - громыхала защитница госбюджета с гиппократовой клятвой в далёкой советской юности.

Пятясь задом, в страхе, что в меня полетит сейчас какой-нибудь тяжёлый предмет, я выскочила за дверь. Тяжело дыша, опустила на ближайший стул.

- Что, милая, уже и резать поздно? – вздохнула сердобольная бабулька, подавая мне платок.

Тут слёзы хлынули градом, превращая тушь в грязные лужицы под глазами. Обидно! За что? Я же к ней за помощью, а она... Ну да, бесплатная медицина... Слёзы лились, и лились, и лились... А в голове в ритме лёгкого вальса крутились слова: «...с такими ногами на подиум летнюю обувь...»

Пока я доехала до дома, обида немного поутихла, а вот фраза про подиум продолжала греть. Ну что я понимаю в ногах, в суставах? Ну двигать ими могу красиво, и всё. А она – врач высшей категории, кажется, даже кандидат наук, зря я табличку на кабинете невнимательно прочла. В любом случае, она – доктор, специалист, а я так, танцовщица почти на пенсии. Да конечно же, она лучше знает! Даже и сомневаться не надо!

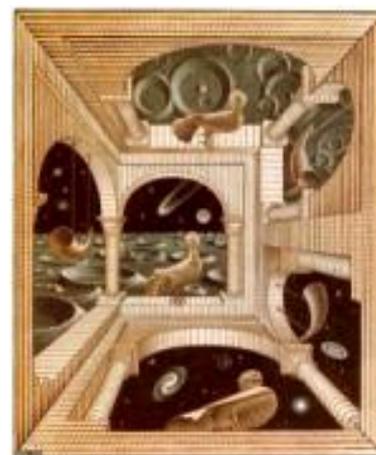
В ближайшую неделю было много репетиций, и мне некогда было подумать ни о враче, ни о своих косточках. А через месяц я вдруг поняла, что ноги... не болят... Вот это да! Вот это доктор! С одного приёма вылечила! И без мазей! Вот это новейшая терапия! Надо написать ей благодарность...

ПОЭЗИЯ

Надежда Гусева
(МОССАЛИТ, Москва)

МАГИЯ

поэма

Вступление

Рождённым в средне-северной Евразии
Природа придала своеобразия,
И, кажется, в азарт вошла сама,
Смешав восточный бег фантазии
С холодностью неспешного ума.
И русский евразиец в суете проблем
Не смог избавиться от внутренних дилемм.
К тому ж двуглавая, двукрылая Россия,
Вкусив добра и зла от Бога и от Змия,
В восторге от примерной жизни Канта,
Имеет пыл бродить кругами Данте.

Однажды древний манускрипт открыв
И прочитав его достаточно прилежно,
Я обнаружила в нём светлый позитив,
А это так и эдак неплохой мотив
Для поисков, вселяющих надежды.

Любое, что от нас далёко, то уж спорно.
Но оттого ль, что наша родина просторна,
Нам суждено и голубую даль любить,
И в чёрном космосе дорожку застолбить.
Но космос не приемлет нашей плоти,
Так в ней ли только замысел Господний?

В духовной теме много белых пятен есть,
Известно, что все люди от Адама – братья.
Но боги – твоего врага решили предпочесть,
И ты имеешь о душе своё понятие,
И Каин с Авелем – не лучшие из братьев.
И потому быть понятой другим почту за честь.

Когда усталые тела укроет тьма,
И звуки гаснут в дрёме, словно в вате,
Душа и мысль находят новое занятие
И замкнутый приют им не тюрьма.
Крылатым полуночицам не спится,
Они спешат нетленной пищей насладиться,
Чтобы пополнить потайные закрома
Подспудных знаний пробуждённого ума.

А коль поэт, душа слетает на Парнас,
И, может, приоткроет третий глаз.
Понятно, что всевидящее око
Даётся лишь титанам и пророкам.
А их во все века не так уж много.
Не стоит ворошить имён чужих,
Когда у нас вполне довольно и своих.

Теперь найди на мой вопрос ответ:
Зачем великие так рвались на тот свет,
Как будто важное забыв, искали,
Но след потерь терялся с бегом лет?
Поэты и с Гомером снова Трою брали,
И песнь Орфея мёдом в души проливали,
А счастья-то как не было, так нет.
Я говорю о двух титанах Слова
В российских куцах века золотого,
Среди цветущего обилия словес.

Один всё ждал блондина рокового,
И это оказался сущий бес –
Предсказанный гадалкою Дантес,
Как говорится: ничего святого,
Любимец света и повеса из повес,
Француз, приёмный сын голландского посла,
Чья злая воля жизнь поэта унесла.

Другой певец, бесспорно, слишком молодой
Для обжигающих страстей своих творений,
Достойный зависти, любви и поклоненья,
В толпе ровесников томился, как изгой.
Отмеченный всеведеньем пророка,
Раскинув в море парус одинокий,
Он говорил на равных со звездой,
Поспоривший со временем герой,
Постигший опыт непрожитых жизней,
Дразнил Мартынова,
Поймав смертельный выстрел.

А может, этих своенравных чудаков
 С короткой линией земных шагов,
 Презревших светской мишуры отраду,
 Создатель бросил в гавань райских берегов
 Уведомить счастливых Ангелов из сада
 О том, как Сатана ударился в балы,
 Где люди в шкурах бесов ангельски милы,
 Свободно предаваясь адскому разврату?
 В ответ небесные послы, создав бригаду,
 Решатся взять врага лет через сто в осаду,
 Означив замысел победный, как блицкриг,
 Когда твой правнук спрячет годы под парик.
 Ведь наш столетний век –
 для них лишь краткий миг.

Бывает и сухой расчёт, как фосфор для везенья,
 Но только связь с душой нам дарит озаренье.
 Однако же наука с этим вздором не согласна,
 Она считает миф и вредным, и опасным,
 Признав, что и сама над истиной не властна.
 Но вместе с тем нельзя забыть про случай,
 В забегах времени он часто спутник лучший.
 Пускай по части фактов не силён Морфей,
 Но с ним открыл таблицу русский корифей.

А что бы смог, скажи, прозреть
 Эйнштейна ум кипучий
 Когда б его не надоумил дух летучий?
 Иль в яблочном саду Ньютон не чародей?
 Как было б хорошо науке и религии
 Совместно совершать открытия великие
 Усиьем здравомыслящих людей
 На ниве созидательных идей.

Я, как и многие, страдаю дуализмом:
 Без воли божьей тайне слова не прожить,
 Но я привыкла фактами науки дорожить.
 И временами меня сносит к атеизму,
 Где для деяний Бога просто места нет,
 И снова требуют душа и мысль ответ.

Ещё одна томит печальная страница:
 Живая мысль не сможет примириться
 С церковными догматами идей,
 Лежащими, как в каменной гробнице,
 Без обновленья в быстром беге дней,

Рождая сбой в душе иных людей.

Коль веру в Бога не искоренить,
 Не лучше ль та, с которой легче жить?
 Как от чумы бегу от сект и суеверий,
 В них самые жестокие потери:
 Останешься ни с чем, и гол, и бос,
 И душу, гады, превратят в навоз.

Не ради мракобесных суеверий,
 Я предлагаю вам заоблачный вояж.
 Чуть приоткрыв в тот мир тугие двери,
 Я вовсе не имела целью эпатаж,
 Мой истинный посыл куда скромнее,
 Я лишь за здравомыслие любой идеи.

1. В час Селены, в час Луны...

Ночь Луны

Двуликая Луна –
 пастушка млечных стад,
 не торопясь принять
 небесных нив парад,
 с трудом из сладкой дрёмы выбиралась
 и негою влюблённых наслаждалась.

Янтарным светом брызнув в небосвод
 и в стынущий созвездий хоровод,
 из призрачных шелков
 расход шатра отмерив,
 Луна набрасывала
 светозарный терем
 на пышущую бархатами Ночь.

И собственных страстей
 не в силах превозмочь,
 Селена фейерверк зажечь была не прочь,
 подобный ослепительной затее,
 сгубившей Геркуланум и Помпею,
 помпезной, но устроенной не ею.
 Но что-то изнутри Богиню грёз томило
 и незаметно лунный пыл смирило.

Ночь людей

Я вышла
 осмотреть с балкона,
 как мягким подолом укрыла тьма
 в густой тени,
 казавшейся бездонной,
 уснувшие полночные дома.

А в парке,
 в свете тусклых фонарей,
 зелёные шатры из листьев невесомых
 скрывали тайны парочек влюблённых
 в укромных нишах брошенных аллей.

Меж тем луна светила всё сильнее,
 невольно привлекая взоры к ней.

2. Увидеть то, чего не может быть?

Небесная феерия

*А в небе что-то невозможное творилось,
Мне и во сне подобное не снилось.*

*Так что случилось с небесами?
Я опишу, а вы судите сами.*

Возникшей ниоткуда огненную спицей
Вбивалось в небо пламя острием пера:
Меж звёзд неслись колонок письмамена,
Забывтый шифр героики традиций;
Круги, кресты, дольмены, луч, волна;
Мелькнули Древо жизни, камни и гора;
Лик Аполлона;
блудный Фавн с блудницей;
Божественный Гермес^{*},
один в трёх лицах:
Царь, жрец, законодатель – Трисмегист –
И он же Тор, и бог, и маг, и оккультист –
Египетских династий
и мистерий программист;
Свеченье белых вод –
владений бога Бора
в мирах волхвов
гиперборейского простора^{**}.

Но вот неведомо куда
исчезли прописи пера,
и Древо жизни, и дольмены, и гора.
Как в компе,
мерно гасли буквы-письмена,
обрывки чисел, знаки, точки, имена.

*Быть может, в небе есть дыра,
Затем, чтоб выйти иль укрыться,
Вот только мне отсюда не видна?*

* Первый посвяtitель жреческой касты древнего Египта в тайные знания (не путать с Гермесом – богом Древней Греции).

** См. сборник «Гиперборейская вера руссов», М.: Фаир-Пресс, 1999.

Птица, несущая лодку

Едва закончилась феерия одна,
Как следом из небесного окна,

Ветрами ли сумевшего открыться?

Вспорхнула фиолетовая птица,
Раскинув мощных перьев веера,
Мне с лёта предлагая насладиться
Уменьем в давних предков воплотиться,
С прогулкой в прошлые земные времена.

«У Бездны времени ни верха нет, ни дна,
В глубинах Вечности концовка не видна»,
—
Так птица бессловесно в курс меня ввела
Едва заметным мановением крыла
И мелкой дрожью кончика хвоста.

*Однако телепатия на практике проста:
Незамутнённых мыслей чистота,
Сбегая под уклон в сакральные места,
В чертоги разума струится, как вода.*

А далее, не причиняя мне вреда,
меня, как пёрышко,
приподняла ночная мгла,
и я по знаку фиолетовой возницы
покорно опустилась в лунную ладью,
не отличаясь рвением амбиций.

Луна удобно повторила плоть мою,
Верней, её фантом, что в памяти храню,
Чтоб было мне уютно и не тесно.

Так мило, что подумалось:
*а может, я в раю
плыву бездумно в лунной лодочке,
как в кресле,
для наслажденья даром странствий
в неизвестность.*

Я не одна, со мною Голос-Вестник

Незримым гидом оказался
Голос-Вестник,
и с ним мы понеслись
к истокам Бездны.

Всезнаньем гида
и его духовным зреньем
я проникала
в полноту неясных мне явлений.

Вначале
он наметил план перемещений
и пункты,
где смогу я в жизни прежние войти.

«Но чтобы убереечь тебя
от страха и сомнений,
нам следует
питомник Лемурийский обойти,
не возбуждая
не вполне разумных тварей –
больших любителей
трагических аварий», –
задумчиво изрёк
мой предприимчивый сосед.

И, обогнув
почти забытый ныне континент,
он поспешил
со мной идеей новой поделиться:
«Разумнее всего
тебе в атланта воплотиться,
а я поберегу твой дух от всяких бед,
но ты не сможешь уловить моих примет».

3. За чертой

И мы пустились по следам былых имён,
 Летя за птицей всех оттенков фиолета,
 Переносясь ступенями седых времён
 В обители миров поистине несметных.

Теперь припомню кое-что из гонки этой.

В люльке цивилизации

Дивин

В цветущей зелени тропических долин
 Жил первобытный юноша Дивин,
 Вот только имя я сама дала ему условно.
 Спасаясь от одной из катастроф,
 Он потерял сородичей и кров.

Там,
 где в помине не было людских общин,
 Скреплённых знанием значенья слова,
 В осаде первобытности суровой
 Мог выжить только к подвигу готовый
 Природы дикой дерзкий властелин.

С натурой импульсивною и смелой
 И с вольными инстинктами атлант
 Был развитый физически гигант
 С пластичным, лёгким и упругим телом.

Он напрямую видел суть вещей,
 Владея двойственной природою очей
 (Что в наши дни является пробелом).

Он слышал чутким ухом звоны трав,
 Ломавшихся под брюхом у рептилий,
 И шумный взмах могучих птичьих крыльев
 В зелёном океане девственных дубрав.

День и ночь

Дикарь был столь нетерпелив и молод,
 Что, пробудившись на рассвете дней,
 Он не желал терпеть жестокий голод.

В гнездовьях ящеров,
 закрытых от лучей,
 он крал детёнышей
 с молочными шипами
 и жадно мякоть
 перемалывал зубами,
 отодранную с бедренных костей.
 Затем, минуя рощицу хвощей,
 он наслаждался сочными плодами.
 Но иногда
 ходил на черепах и змей
 и, если повезёт, ел черепашки яйца,
 а по пути, у скал, ловил морского зайца,
 поскольку ничего на свете нет вкусней.

Сегодня,
 потянув ноздрями ранний холод,
 скорей усиливший,
 чем притупивший голод,
 он спрыгнул
 из тепла лесной подстилки,
 скреплённой лентами лиан в развилке
 двойного дерева с развесистой кроной,
 в ночном жилище тихом и укромном.

Всё остальное проходило в беготне,
 Сливаясь в беспокойном долгом дне.

И так с утра пораньше
 ближнюю округу
 Дивин привычно оглашал
 победным звуком,
 его пронзительно геройский
 «Да! О! Да! О!!»
 всегда исполнен был отваги бравой.

Он чуял:
 только сильный в схватке прав
 и только кайфу риска
 подчиняется награда,
 и он летел
 через ущелье с бурным водопадом
 и мягко приземлялся
 на ковёр из сочных трав,
 вдыхая чистых струй
 отрадную прохладу.

Его энергия,
 не знавшая раздумий и метаний,
 не возбуждала воспалённую мечту
 и бесполезных действий суету,
 он был хозяином
 исполненных желаний.

При виде зверя
 он всю волю духа собирал,
 направив внутренний огонь
 в чернеющую тучу,
 и, наполняясь повелением кипучим,
 Дивин из тучи стрелы молний выбивал
 под грохоты природной канонады.
 И ярость хищника
 смирил змеиным взглядом,
 охотник к пиршеству
 без спешки приступал.

Жизнь и смерть

Миры неведомых богов
ему ночами снились
и вместе с чудищами
в чутких снах селились.
Не зная, как остановить
круженье мыслей,
Дивин не отделял
виденья снов от жизни.

Но, потеряв с годами боевой задор,
он слёг,
забывшись от голодного бессилья.

Ему приснился длинный коридор,
Там кто-то нёс его на лёгких крыльях,
Но мига смерти
он понять так и не смог,
переступив иных миров порог.

Транзит над Атлантидой в период её расцвета

И вот я снова в лунной лодке,
рядом с гидом,
он хочет сверху показать мне
Атлантиду
тех золотых веков, когда её народ
достиг невиданных технических высот.

Столичный город
с брендом золотых ворот
был центром мирового притяженья
и пульсом делового оживленья.

«Взгляни,
вот там идёт дипломатический приём
На площади межгосударственных дебатов.
А рядом плещется чистейший водоём,
Питаюсь водами из горных водопадов,
Бегущими с высот ступенями каскадов,
Сливаясь с блеском крыш в сиянье золотом

От прочного и драгоценного металла.
Жаль, человечество его структуру утеряло.

Однако даже точной техники залог
Влеченья к культуре одолеть не смог.

И мы как раз уже в преддверье гор,
Вот главное святилище – Храм Солнца.
В нём каждым утром верных служек хор
Священным гимном оглашает бор.

А рядом, в роще, башенка с оконцем,
Там по ночам проходит тайный сбор,
Где братья Духа вместе пьют напиток
Наместников Богов и, считывая свиток,
Впадают в эротический сеанс,
Переходя в глубокий транс
Весьма загадочных явлений
Пророчества и откровений».

Прими как данность

«А впереди уже другая Атлантида, –
Сказал мне мой дорожный опекун, –
Но в ней – твоя не лучшая планида».

Чтоб отогнать наплыв тяжёлых дум,
он ободрил мой слух
игрой небесных струн.

Потом сказал, помедлив чуть для вида:
«Тебе придётся ад души твоей принять,
Того, что было, – ни прибавить, ни отнять».

Я только с удивлением взглянула на него
И оказалась... бесконечно далеко.

Гибель Атлантиды

Игра в кости

Уже ни для кого не оставались тайной
Поступки юной бесшабашной Клайны.

Дочь рода колонистов поклонялась Змею.

Кубышки золота для откупа имея,
К несчастью, дочери потворствовал отец.

А грозный монстр,
что всюду ужас сеял,
отведав на десерт девических сердец,
насытившись,
садился с Клайной наконец
сразиться в кости человеческого трофея.

Девчонка, полагая, что беда невелика,
С восторгом принимала дружбу Змея,
И, склонная к порокам от горшка,
В настольных играх надувала дуралея.

И тратить время попусту вольна,
За чаркой обжигающего грога
В роскошной башне монстра одинокой
От скуки прохлаждалась дотемна

В. Топоногова. Старожилы Байкала.
Холст, темпера, 50x70, 2006.

Эпидемия

А после Клайны впала в новый срам,
Велев отцу скорей построить храм,
Чтоб в нём стояло золотое изваянье,
И от него лилось и день и ночь сиянье,
И чтобы на неё, как в зеркале, похоже,
И все бы падали к его подножью
И в гимнах прославляли её культ.

Но к сроку выплаты счетов платёжных
Несчастливого отца хватил инсульт.

А остальные поначалу возмутились,
но вскоре
сами бредом Клайны заразились.

Когда растленье душ достигло эпидемии,
У Планетарных Сил закончилось терпение,
Настолько их допёк людского зла разгул.

И вмиг из недр материка огонь блеснул,
И от земных конвульсий горы задрожали,
И звери с воем в дикой панике бежали,
И разрывалась на куски земная твердь.

Но наконец всё разом поглотила смерть.
И долго чаша океанских вод кипела,
Пока болтанка катастрофы отгрелела.

А Дух, пустив на дно
рассадник скверны,
для новых поселений
вёл замеры.

И, чтобы вредный плод идей
Не скоро вызрел в головах,
Подумал, что всего мудрей –
Рассеять люд на островах.
Там, без общения, впотьмах
Народ займётся размноженьем,
Проникшись к Богу уваженьем.

4. Запредельность

Мне логика твоих речей трудна

Я возвратилась к Голосу едва живой,
Как после жаркой схватки боевой.

Попутчик мой, психолог, не иначе,
С обычных тёплых утешений начал,
Призвав от горьких мыслей отрешиться, –
Ведь в жизни может всякое случиться.

Но вскоре странной речью озадачил:

«Не погрузившись в бездну зла,
душа не может
в полной мере устыдиться.
Не отработав
адской меры ремесла,
она не вправе
к лучшей доле устремиться,
ей надо болью покаянья заручиться
с великой жаждой к подвигам добра».

«Мне что-то логика твоих речей трудна,
Зачем должна была я мерзостям учиться
И непременно в них достигнуть дна,
Нельзя ли ради добрых дел не злиться?»

«Утешься, – это твоё худшее вчера,
Поближе к окончанию нашей встречи
Тебя покинет дух противоречий.
И вообще, как говорят, ещё не вечер,
Тем более нам дальше двигаться пора».

Но я, конечно, долго не могла в себя придти,
Пока Египет древний не забрезжил на пути.

«Всё будет поначалу хорошо,
Сейчас ты станешь юношей счастливым...» –
Сказал мне Вестник, как всегда незримо,
И тут же звук в туман молчания ушёл.

Отцы и дети

Тугар, сын астролога

Его отец придумал звёздный календарь,
 Определявший день и час разлива Нила,
 Сам фараон и знать жрецов его ценила.

А сын, легко познав астральных тайн букварь,
 Чертил, где только мог, загадочные схемы
 Изобретённой им самим проблемы,
 Не забывая улучшать рабочий инвентарь.

Каналы, насыпи, запруд плотины-стены
 Спокон веков им доверялись неизменно.
 За столь полезный труд их древний род
 Любил и знатный, и простой народ.

Бойня

Как вдруг на земли мировой твердыни
 Бесчисленное войско азиатов ворвалось,
 И восхождение Египта прервалось.

Персидский изверг,
 одурманенный гордыней,
 в набегах варварских,
 подобно рубке дров,
 косил врага и рушил чей-то кров,
 а берег Нила обращал в пустыню.
 Печально,
 что Камбиз был сыном Кира,
 достойного царя,
 укрытого могилой.

Злой отпрыск,
 сея разорение и смерть,
 уже готовился
 Мемфисом овладеть,
 Чтоб, покорив столицу государства,
 владыкой трона сесть на царство.

Налётчик,
 подкупив подачкой стражу,
 врасплох пленил
 когорту юношей отважных.
 И перед строем фараона и жрецов –
 в лице детей достойнейших отцов –
 враг будущее государства обезглавил
 и тем глубокий след в истории оставил.

В душе Тугара
 всколыхнулась ярость,
 но перед смертью
 лишь одно ему осталось:
 во славу милых сердцу дедов и отцов
 послать проклятие в звериное лицо.

5. Круги и параллели

Зачем я следом прежних жизней мчусь?

«Как видишь,
минус привлекает плюс», –
услышала я Голос в той же лодке,

В ответ спросив его с печалью кроткой:
«Мне предназначен новых тягот груз?
Как адовы круги в комедии у Данте?
И, может, я уже познала лучший рай
В обличье первобытного атланта
С его уставом: “Рот не разевай!”?»

Скажи,
зачем я следом прежних жизней мчусь,
не понимая главной цели испытаний?!
Но ты молчишь, оберегая тайну.

А между прочим,
я всерьёз боюсь,
что муж меня давно по моргам ищет,
возможно, даже
в крематорных пепелищах».

В земных делах нет здешней прыти

«А вот как раз на этот счёт, –
Заметил Голос, словно зритель, –
Нет вовсе оснований для забот.

При здешней скорости событий,
которые ты тут уже пережила,
там ваша ночь
едва к серёдке подошла –
в земных делах нет нашей прыти.

Хотя и здесь нам, впрочем, недосуг,
Другой размах, другой задачи бремя,
Нас ждут свои проблемы, свой недуг,
Не торопись, с тобой ещё не время...»

«Но я хотела бы вернуться к этой теме.
Господь дал людям разум и таланты,
А Рок играет с нами, словно в фанты».

«Не допекая
философской мутью личность,
я отсылаю тебя в раннюю античность.
Тебе там будет, несомненно, веселей,
натуру ободрит природный дух полей
под дудку Пана...»

***Вакханки и аскеты,
их ночи и рассветы***

Издержки суеверий и поверий

Отбросив тяжкий гнёт
мужских традиций,
поклонницы знамений Вакха и Луны
вступили с сильным полом
на тропу войны,
провозгласив устав поверий жрицы.

А суеверные –
древнейших сект – отцы,
смиряли плоть, приняв безбрачия венцы.
Аскеты поселялись высоко в горах,

Где вечным небесам с рассвета пели.
Иные в самоистязаниях радели
В уединённых кельях на холмах.

Хотя и среди них встречались те,
Кто тайно в наступившей темноте
Междусобойчики греховные имели
В заведомо порочной наготе
И от постыдной радости хмелели.
А после, в сводном хоре, гимны пели
В невинной слабодушной простоте.

Фантазии поклонниц Вакха и Луны

Меж тем
приверженки тройной Луны – Гекаты,
отловленную дичь коптели на углях,
и долго шум феерий не смолкал в полях
в распутных оргиях,
под блеск огней закатов.

И публика от страха и восторга млела,
И перед чарами богинь благоговела,
И апогея зрелища, похолодев, ждала.

И вот вакханка с зоркостью орлицы,
Владея древними азами ремесла,
Мгновенно обращалась в пуму или львицу
И углями зрачков, наметив жертву, жгла.

А онемелая толпа, отхлынув и дрожа,
Взведённой бровью шевельнуть не смела.

И с оборотом зверя в женщину бледнела,
Встречая прежний лик её, едва дыша.
Иные, стиснув головы, бросались ниц,
Пока не схлынет хладный ужас с лиц.

Но после всех таинственных обрядов
Участников ждала горячая награда.

Очарованья мрачного блудницы,
Бесстыдных танцев не стыдясь,
Имели над толпой магическую власть,
Уловками Эрота раззадорив страсть.

В конце над жертвой любопытства
Воинственные девы затевали казнь:
Спровадив льву любителя поститься,
Прибывшего шпионить, помолясь.

Мотивы лицедейского искусства

Не только ради пышности традиций,
 Вакханки приручали пум и львов.
 Порядок заведённый был таков:
 Лев – царь зверей –
 хранил покой царицы,
 а диких кошек
 разбирали жрицы.

Потом разыгрывали перед сходом
 небылицы
 о превращенье женщины
 в пантеру или львицу,
 давая прозвище Пантеры или Пумы
 той, что умела развести толпу разумно.

Влада

Малиновой Пантерой
 звали жрицу Владу,
 Значенье цвета объяснять не надо.
 Настигнутая Паном с рожками быка,
 Пантера не спускала с шеи Пана поводка,
 переливая терпкий рай
 из пенной чаши ада
 под шорох трав и звонкий ритм цикады.

Ещё не знали о ларце с заветами
 скрижалей
 И вольность Вакха кровью жертвы
 вызывали...

6. Разговор по душам

Сумбурный диалог

И снова Голос – это гид со мною говорил.

Признаться, плоть моя от буйства не устала,
 Как ей устать, коль вновь её не стало.
 Но пояснений мой смятенный ум просил,
 И я наставника с пристрастием пытала.

Он терпеливо вразумлял меня как мог,
 И несколько сумбурный вышел диалог.

О превращенье Вакха в Диониса

Я начала, спросив не много и не мало:

«Не там ли очутился Вакх потом,
 Где тени мёртвых перевозит дед Харон,
 А Вакх с Аидом глушат крепкий ром?»

На этот раз из-за невидимой кулисы
 Глас духов молвил ироничным говорком:

«Зевс вместо Вакха обзавёлся Дионисом
 И, чтобы впредь избегнуть укоризны,
 Стёр прежний образ Вакха целиком,
 Назначив Диониса богом пира и вина,

Хотя такая переделка вряд ли вам видна».

«Выходит, Вакха Зевс очистил и возвысил,
 А не случилась ли при этом маета?» –
 Ввернула я, своей догадкой занята.

На это Вестник звонкий тон на ноту снизил:

«Там, на Олимпе, сразу исполняется мечта,
 Для выгодных отсрочек нет минут и чисел,
 Но дверца в храм богов для смертных заперта.

А вот в земных делах всегда разброд и суета».

О земной духовности

«Ещё б не суета,
когда из тьмы кромешной
младенец появляется на свет
невеждой,
ведь каждый его прежний путь земной
для вновь рождённого
укутан пеленой. -

И, чувствуя себя
известным ёжиком в тумане,
я стала бойко уличать
Создателя в обмане:

- Зачем Господь
играет с нами в прятки,
спуская на людей
колючие порядки?
А вот китайцы ждут себе нирвану,
всё остальное – им по барабану».

В ответ разумный визави
из высших сфер
потребовал на каждый случай
дать пример,
оставив в стороне
предмет восточных вер.

И я, забыв Китай,
а также Раму с Кришной,
припомнила о том,
что и самой мне ближе:

«Примеров пруд пруди,
повсюду ропот слышен,
вот и в своей стране
я кучу бедствий вижу.
Любой отвергнет
божьих заповедей гнёт,
лишь допустив,
что только раз живёт,
не видя смысла
для чего ему молиться.
И как переменить

несчастную судьбу,
когда он в бедности
с рождения томится
и от природы не имеет
шансов на борьбу?

А тот любим, умён,
от соски при богатстве,
не зная о грехе и святотатстве,
чуть оперился –
и уж вороном сидит в Кремле,
в числе придворной свиты при царе.

А никудышный, лишний –
вечно на нуле,
установ «дрожащей тварью» быть* –
уже в тюрьме.

Иной прилежно чтит закон,
и в праздничные дни по святым,
словно болванчик, бьётся лбом
и ставит свечки у икон,
чтоб вновь грешить и наслаждаться».

«Прервись, ведь это уж неинтересно, –
Вдруг перебил меня наставник мой, –
Случается такое повсеместно.
Хотя довольно публики иной,
Как правило, не очень-то речистой
По поводу их веры в дух Святой,
Но не предавшей искры духа чистой
И тёплой задушевности земной».

* Слова героя романа Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание».

Знакомый всем со школы эпизод

«Ты прав и я найду конкретный эпизод,
Вот всем известный русский разворот:

Иван, искатель истины,
разумный человек,
да что Иван,
Алёша Карамазов, Богу верный,
так даже он, как брат Иван –
в учениях примерный,
запутавшись в противоречиях Творца,
не принимает правил
жизни нашей скверной.
А Смердяков, прикончив Карамазова-отца,
мотаясь волком в одинокой клетке,
в потугах совести сам лезет в петлю.

В чём отроду любой пред Богом виноват?
Зачем раб Божий на Земле находит ад?
Чтоб после мук вернуться в райский сад,
Возможно, в нём от скуки пропадая?

А между тем наш ум, законы мира познавая,
желает догму веры
на разумный слог сменить *,
чтоб попусту Пророков Божьих не корить.

Ты можешь что-то возразить на это?»

7. Колесо рождений

«Ты только отчасти права,
и я найду ответы,
чтоб остудить твой пыл,
сомнением подогретый.

Есть Колесо рождений,
и нельзя остановить
его суждений
отрезвляющую нить.

* «Истинная религия не есть религия разума; но истинная религия не может быть противна разуму». Л. Н. Толстой, «Круга чтения».

Начать придётся с предисловий

В далёком прошлом некий человек
Узнал, что он владеет даром исцеленья,
Потом услышал глас небесных наставлений,
И прорицаньем занимался целый век.

Но постепенно городское братство
Вокруг харизматических учителей
От проповедей стало оттесняться
Фигурами зажиточных людей.

Возникшая церковная община
Правленье отдала епископскому чину,
Прибрав и денежки, и поле, и скотину.

И сразу корифеев духовенства
Сподвиг избранничества дух
Поставить код на всё вокруг,
Как на врата их личного блаженства.

Тут вдруг один учёный богословский муж,
Свалившись на умы, как сон кошмарный,
Увлёкся пропагандой, вредной и коварной,
О вольных возвращениях свободных душ:
Туда-сюда, с небес на Землю и обратно,
Открыв, что эти тайны разделял Христос
И сокровенно до святых апостолов донёс.

Поборник чистоты учения Христа
Однако более не смог открыть уста,
До самой смерти подвергаясь пыткам.
Иезуиты в этом деле дивно притки.

Прости, я отклонился в сторону чуток,
В духовных поисках разноречив восток,
Но всех миролюбивей, без сомнений,
Восточный тренд о Колесе рождений.

Пора наследье школы духа обсудить
И *суть* древнейшего учения открыть.
Она в причинно-следственных
законах кармы,
способных
справедливость Бога утвердить.

Второе предисловие

Здесь стоит критиков смешливых упредить,
Готовых исказить посыл элементарный,
В насмешках неразумных, но коварных.

Иной шутник, паря над фактами легко,
Не вникнув в смысл ученья глубоко,
Его до глупого абсурда доведёт
И ради остроумья, не моргнув, соврёт,
Блеснув, к примеру, вот такую прибауткой –
О возвращенье душ людей
в шакала или в утку.

Кто любит смех, тех байка рассмешит,
Приятным отдыхом расслабив на минутку,
Притом упорному уму не повредит,
А скакуна идей отбросит вместе с шуткой.

А мы теперь пойдём вперёд,
Убрав в подкорку анекдот.
И у порога властелинов истин,
Надеюсь, твой рассудок не зависнет.

Раз – ступенька, два – ступенька, будет лесенка

Вам вовсе не Создатель наказанием грозит,
Не злобный рок судьбой несчастных правит,
И вообще, *Бог перед вами не лукавит.*
Ты выбираешь сам очередной земной визит,
Поскольку *каждому влагают Божью искру*
И дар свободы выбора в развилках жизни.

Одни скорей берут крутой подъём ступеней,
Достигнув лучших качеств воли и ума,
Усвоив, что талант не разовьётся задарма.

И оттого рождается глупец, а рядом – гений.

И если чьё-то имя ныне на устах у всех,
Он кровью с потом заработал свой успех,
Пройдя нелёгкий путь бессчётных жизней.

А тот отсталый, непутёвый человек
Лишь начинает свой прерывистый разбег,
Ты помоги ему в его делах обычных,
Он всё же брат тебе по матери – отчизне.

Я долго говорил, что скажешь ты?

Я долго говорил, но был ли я услышан?
 Мне показалось, что рассчитывать я мог
 Чуть приподнять твой приземлённый потолок,
 И не считаю, что эксперимент излишен».

«Ты говоришь, что нет учения гуманней,
 Хотя и в нём полным-полно тумана
 Для личности, живущей на Земле.

Мои познания о карме были на нуле,
 Но этот ребус приоткрылся мне,
 Почти как тот стишок
 про буквы «а», «и», «б»,
 сидевшие в рядок до срока на трубе».

Ты – юная душа

«Ты юная душа. Ты мало помнишь о себе.
 Наивной первоклашкой, как во сне,
 Тебе придётся долго лезть на гору,
 Срываясь то и дело без опоры...»

«Но, Вестник, отчего те прописи в огне
 Каким-то образом перенесли меня к тебе,
 Чтоб просто побывать на лунной целине?
 Или, напомнив мне забытые рожденья,
 Ты хочешь что-то изменить в моей судьбе?
 Иль я должна исполнить порученье,
 По плану угодив в твоё соизволение,
 Чтоб видеть то, что скрыто на Земле,
 Летая как Яговна на метле?»

И он ответил:
 «Это вовсе не пустяк,
 Не всякой рыбке сыщется рыбак.
 Мы эти знаки предъявляли многим,
 Намереваясь показать их всем,
 Но далеко не всем открылись строки.

А ты, увидев, – сразу руки в ноги,
 Рванула как по утренней росе,
 Приняв моё соседство добродушно.

Я думаю, тебе самой зачем-то это нужно.
 Забытые уроки часто в помощь служат.

Поэтому, пока возница не глушит мотор,
 Нам следует продолжить разговор.

8. Сквозь вязь времён, сквозь вязь имён...

Начну издалека

Начну, пожалуй, несколько издалека.
 Когда-то в очень давние века,
 Когда планету вашу затеняли облака
 И было очень влажно и тепло,
 И всё само собой цвело,
 Титаны духа Землю посетили
 И тайны вечных знаний приоткрыли
 Избранникам египетских жрецов,
 Среди которых уйма мудрецов.

И чтоб какой-то недоумок пустозвон
 Не осквернил священных откровений,
 А только дерзновенный
 Пифагор или Платон
 могли познать
 уроки храмовых учений,
 науку духа прятали
 в святилищах, на стенах,
 и в глубине гробниц,
 над мумией нетленной.

И там же, под разбег тройных чудес,
 Когда-то завершил свой путь Гермес,
 Покинув лабиринты коридоров,
 Адепт вознёсся в Небо богом Тором».

Немного о Пифагоре

«Но почему, скажи,
 не стёрлось имя Пифагора,
 зачем оно дошло до нас
 из глубины веков?»

«Да, он и в жизни был
 героем мифов и историй,
 казалось, что его словам
 сама природа вторит.
 А если проще,
 то рецепт его бессмертия таков:

Он привлекал
 умом и ясным словом,
 и вместе с тем
 достойной простотой,
 и чисто внешнею
 мужскою красотой.
 И силой его духа околдован,
 общением с ним был всякий покорён,
 готовый встать под сень его знамён».

«Вот это да!
 Его портрет похож на панегирик,
 Как будто Пифагор не математик,
 а духовный лирик.
 А я лишь помню «Пифагоровы штаны»
 И то, что во все стороны равны.

А вот про дивный сплав
 достоинств человека
 мне не поведал
 в умных максимах Сенека,
 и вообще, философ
 замудрит любой ответ,
 ещё сложнее
 пророков сведущих совет...

Приправа Чехова к солянке

Меж тем в России
 есть завидное богатство –
 плоды замет писательского братства.
 Так в прозе Чехова, в словах любому ясных,
 Есть афоризм о том, что для людей прекрасно.

Романтик к *должной красоте* причислил:
Лицо, одежду человека, душу, мысли.
 Но кажется,
 что поиск таковых напрасен,
 А самых лучших путь
 отнюдь не безопасен.

А вот у Пифагора
 всё что надо – налицо.
 Я отроду таких героев не встречала.
 А может, в этих двух – одно начало,
 Им данное духовным их отцом?»

«О нет, у каждого была своя душа,
 Без отпускных, как видно, им служа.

А к вашей нынешней солянке из вранья
 Слова героя Чехова озвучу я.
 Иным, авось, пройдет ликбезом:

«Тля ест траву, а ржа железо,
 А душу разъедает лжа».

«Ты жутко прав, мой гид небесный,
 Строка о порче душ враньём,
 Как летний дождичек, свежа!»

«Вот потому и ты,
 как недоверчивый Фома, –
 не внемлющий моим словам сатирик.
 Займись разминкой своего колючего ума
 для хроники,
 потом решай, кто лирик...»

Он имя дал Душе и верил в Разум

Школа великого грека Пифагора

И в тот же миг я оказалась в новом месте.
 Вот школа Пифагора, только я в ней не учусь,
 Тем более я в бестелесной форме тут мечусь,
 И кажется, нет уголка в Италии прелестней.
 Но мне учебный класс адепта интересней.

Без всяких трудностей и проволок
 Я устремилась к Посвящённым на урок,
 Своею исключительностью гордым,
 Вступившим в Пифагоров тайный Орден,
 Осилив нестандартного экзамена порог.

Элита юных приходила в трепетный восторг,
 Когда словам великого учителя внимала.
 Я, зная о его прозрениях немалых,
 Стремительно ушла под потолок.
 Никем не видимая, скрытая успешно,
 Я тоже слушала наставника прилежно,
 Ещё сильней забившись в закуток.

Смертью смерть поправ

«Итак, друзья, для жреческого посвящения, –
 Так начал Пифагор без позы и смущенья, –
 Меня без слов вложили в саркофаг,
 И хор чуть слышных
 погребальных песнопений
 сопровождал густой могильный мрак,
 и до костей гранитный холод пробирал.
 Но я готов был на суровый ритуал.

Тяжёлый чад обильных воскурений
 В глубокое забвенье дух мой погружал,
 И гасла мысль, и мускул не дрожал,
 И я, как полагалось плоти, умирал...

Но вот, оставив тело, я рванул на волю,
 Прodelав круг над рощей и над полем.

Потом увидел, как дымок
 над чашею курится,
 смекнув тотчас,

что это мне не снится;
 как блещет синей спинкой
 вестник жизни – скарабей,
 лазурный символ воскресенья
 и новой жизни пробужденья,
 перетирая прах моих скорбей
 и превращая тлен в пылинки.

Блаженно утро с богом Ра,
 Кошмары пройдены. Ура!

Меня питал восторг перерожденья.

Ещё томившие мой дух вчера,
 Рассеялись обрывки заблуждений.

*Теперь я знал,
 что Разум не угаснет никогда,
 мы умираем для Него
 и с Ним воскреснем.*

И к поиску разумных интересов
 Влечёт нас просвещённая среда.

Я вышел и спустился к водам Нила.
 Вода прохладной свежестью манила,
 Я окунулся и решил до лотосов доплыть,
 Невольно проникаясь **жаждой жить...**

Плоть – Душа – Дух

Теперь, друзья мои,
 отбросив шоры тьмы,
 я исцелю вас от духовной слепоты.
 Закон космический один для всех:
 Трудом шлифуется любой успех.

Дух ободрит к познанию трудных тем –
 Для сильных духом нет проблем.
 А Душу я назвал Психеей
 За то, что и любить, и гневаться умеет.

Иные думают, Душа и Дух
 одно и то же,
 но лишь Душа
 связать нас с Духом может».

Потом он подозвал к себе ученика,
 задав ему:
 тропой души покинуть тело.
 А я при том
 едва не сверзлась с потолка:
 я опознала душу мужа,
 вот в чём дело!

9. У каждого свой звёздный час

Ты в спешке огород не городи

И, прячась от любимой и родной души,
 За ней стремглав вдогонку я летела.
 О, как я бесконечно сожалела,
 Несбывшийся порыв поспешно завершив.

То Вестник выказал неслыханную прыть,
 Внезапно разорвав моих желаний нить.

«Так, значит, души могут встретиться не раз?
 Зачем ты стёр меня, как я свой стих подчас?»

«Не знаю, как тебе получше объяснить.
 Нередко души в новой роли, в новом теле
 Опять в земном родстве
 в повторном новоселье.

Но не всегда как вышло у тебя сейчас.
 Избыв долги за целый род, твой муж у цели,
 Однако так ещё далёк твой звёздный час,
 Ты даже не прошла начального пути,
 И в спешке даром огород не городи.

В обратный путь

Теперь увиденного для тебя, я думаю, вполне
 довольно.
 В обратный путь пустился Лунный тарантас,
 Ему не нужен дополнительный приказ».

Тут я воскликнула от скорости мыслительной
 невольно:
 «Ты говорил, Христос про воплощенья знал?!»

«Знал, и об этом есть в «Началах» Оригена.
 Там всё изложено предельно откровенно,
 За что немало от церковной власти
 автор пострадал,
 Соборными отцами осуждённый
 в первом веке,
 Его труды есть в Лондонской
 библиотеке...»

10. Возвращение

Утро Луны

Луна из ночи уходила в светлый фон,
Вернув меня из сфер магического кресла –
Броском телепортации небесной,
Тем самым завершив мой марафон.

Утро людей

Как всё же утро отличается от ночи:
Мякнул кот, свернувшийся в клубочек,
А у какого-то беспечного двуногого осла
Сигнализация заверещала что есть мочи,
Украив у спящих сладость утреннего сна,
А мелкой собачонке крышу вон снесла.
Доколь болван заткнуть свой джип не хочет,
Моей досаде служит уличный жаргон.
О чём-то булочник неистово хлопочет,
Встречая хлебобулочный фургон.
Ну до чего же этот бранный мир тревожен,
От сутолок дворов кто нас избавить сможет?

Укромный уголок незримой искры

А я под впечатлением заботливой опеки,
Ещё не позабыв открытый Вестником закон,
Поспешно покидаю городской балкон.

И только вихри мыслей, вызревших в забеге,
Бросаю в зону памяти и отправляю клон
Для сбереженья в тихом Искровом отсеке,
Чтоб после захватить
в свой постоянный дом,
пусть не сейчас, но для чего-то
нужный мне.
Потом.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

ПОЭЗИЯ

Анна Тарабрина
(Находка)

В. Шиляев. Шхуна

Приморье означает «при море». Край, граничащий с акваторией, осяян его благостным соленым дыханием. Море всегда представлялось мне чем-то волшебным, как на иллюстрациях к сказкам Пушкина, и я мечтала увидеть его. Приморский край открывала для себя, как страницы увлекательной и необыкновенно прекрасной книги. Почти десятилетие назад мне попала на глаза открытка с кратким описанием Лазовского заповедника. Всего несколько строк, я перечитала их, а остальное дорисовала поэтическим воображением. Так получилось стихотворение «Лазовский заповедник».

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что все описанное мною не фантазии, но правда, причем отражающая действительность лишь эпизодично, как маленькое стеклышко в цветном орнаменте. Занимаясь творчеством, я всегда осознавала, что, несмотря на обилие книг, выпущенных учеными и литераторами, всегда останется недосказанность, еще не отображенные грани и тайны всего многообразия края. Строки, возникающие как искренне восхищение увиденным, как капли впечатлений, полученных в поездках, укладывались в ритм и слово, и получались стихи. Они о наших молодых приморских городах, о прибрежных пейзажах, о любви, о смысле бытия. В будущем я вижу Приморье процветающим, развитым во всех отношениях регионом. Я совершенно уверена, что эта мечта есть у каждого, кто прикоснулся сердцем к его неповторимым чудесам и красотам.

Анна Тарабрина

* * *

Царственный зверь на гербе –
 город Владивосток.
Я возвращаюсь к тебе,
Падая в твой поток
 моря и синевы,
Света людских сердец,
 влившихся в завитки,
 соль туманных колец.
Врезанный в сопку дом,
 марево из огней.

Тонок и невесом
 чаячий сон на ней.
 Вольным ветрам навстречь
 сонмище солнц-лучей,
 Словно распяты-крест,
 росчерк твоих путей.
 Утро на материк
 веером льет лучи.
 Это в стане владык
 страж повернул ключи.
 Царствуй, Владивосток!
 Властвуй и володей!
 Град на семи ветрах
 и синеве морей.

* * *

* * *

Точка на краю материка,
 С романтичным именем – Находка.
 И суда, придя издалека,
 По каналам лоцманской проводки
 Горделиво входят в город-порт,
 Дружелюбно распахнувший миру,
 Как лучи от солнца, – сто дорог.
 Сто дорог, звучащих в струнах лиры
 Океанов грозных и морей,
 Красно-черных, желто-бирюзовых.
 И звенящей цепью якорей
 Приглушив таинственные зовы,
 Отражают, став у берегов,
 Свет континентальных маяков.

Проснусь под крики чаек,
 Летающих в дворах.
 Златящееся море купается в лучах.
 Пилоны, как атланты, поддерживают
 свод.
 Продолговатым телом белеет теплоход.
 Равнинная долина, тоска для моряка.
 Милее рокот моря и блики маяка.
 И для меня награда, надежда и исток
 В три яруса – Находка.
 И в пять – Владивосток!

Мыс Орлова

Бездна над морем,
 бездна под небом,
 И под водою у скальных массивов.
 Точкою белой вынырнет нерпа,
 скроется в глади синей.
 Медленным парусом крылья
 расправив,
 Над океаном орлан проплывает.

Линия неба и линия моря
 Чуть занавешена белым туманом
 В выси и вширь - необъятным экраном.
 И в поднебесье штрихом самолет.
 Скалы, ущелья, таинственный грот.
 Здесь беспредельность вливается в сердце.
 И в беспредельность корабль плывет.

Лазовский заповедник

Там солнца не меньше,
 чем в Южном Крыму.
 А снега - почти как в Сибири.
 И нежен подснежник,
 И чистый ручей
 Поет в изумрудной долине.
 И пенною гривою машет волна,
 Омыв заповедные дали.
 И будто плывут по волнам острова,
 От берега сказаний отчалив -
 В венце из кораллов, оранжевых звезд,
 Комет, опустившихся с неба.
 И ветер скитаний в дорогу зовет,
 Соленое солнце из моря встает,
 У края Земли, где я не был.
 Там реют фонтаны блестящих китов,
 И парус меж ними белеет.
 Там нежное марево пестрых цветов
 И нимфы лесной – орхидеи.
 Там радугой блещет седой водопад
 И брызги на солнце сверкают.
 И крылья у бабочек медью горят,
 Хрустальной слезою блестит пережат,
 В котором форель обитает.
 Могучие кедры лимонник обвил,
 Оплел виноград диморфанты.
 И феи лесные танцуют в листве,
 Воздушно пристав на пуанты.
 Там точит клыки свои тигр об пень,
 Рубиновой ягодой манит жень-шень.
 На бархатных сопках лежит тишина.
 Чудна заповедная эта страна.

Морю

Как жадно я вдыхала аромат,
 сбегая к берегу.
 Твой животворный плат
 всплеснув рукой.
 Ты – кровь Земли, планеты голубой,
 Несущейся в безмолвном мирозданье.
 Уходят, только выполнив заданье.
 А жизнь - как шторм, и капитан ведет
 Уверенной рукой корабль к цели,
 Касаясь мачтой звезд над головой.
 Сквозь рев, и сумрак, и безумный вой.

* * *

Тигры бродят на побережье,
 Скалы – красные великаны.
 Здесь пылали лавою прежде
 Огнедышащие вулканы.
 Здесь скалистый охровый берег,
 По стене водопад струится,
 И, как змеи волос Горгоны,
 Ламинария шевелится.
 Любопытная нерпа зыркнет,
 И отправится восвояси.
 Я люблюсь небесной высью
 На волной полированном ясене.
 Шторм ракушки бросил на берег,
 На берилл и розовый камень.
 Диск медузы пурпурно-белый
 На песке волненья недавнего.
 Здесь медведи по чаще шастают,
 И трубит олень на просторе.
 Экзотическое, прекрасное
 Побережье Японского моря.

ПОЭЗИЯ

Александр Сороковик (Одесса, Украина)

Предрассветное

Запутался в сирени свет луны,
Померкли кольца звёздных хороводов.
И в хрупкости предутреннего свода
Они так притягательно ясны.

А вдалеке уже трепещет рань
Таинственного, робкого востока:
Там возникает лентой широкой
Рассветно-переливчатая ткань.

Уходит ночь, сметая россыпь звёзд,
Гася луны унылое мерцанье,
Вздымая птичье пение из гнёзд,
Взмахнув широкой шалью на прощанье.

И будет ясен, неповинен, прост
Встающий день в ликующем сиянии...

В конце масленицы...

Снегами февраль забыла
Укутать опять зима.
Слетает с ярмарки стылой
Недельная кутерьма.

Не плещет в душе веселье,
Развеялся блинный чад –
Прозрачную акварелью
Настроюсь на смиренный лад.

Войду, замерев на вдохе,
В кадилъную тишь поста,

Взлелею молитвы крохи
Что в хрупкости так чиста...

Оплыли колосья свечек,
Но ликов теплеет взор.
Вплетён в непогасший вечер
Рассветных надежд узор.

И, может, слезой умытый,
Душой устремлюсь я вдаль,
Покинув уже забытый
Бесснежный пустой февраль...

Весенний вальс среди белых цветов

Вальса весеннего тонкое кружево –
Вздохи, надежды, мечты.
И в подвенечных уборах сады,
Нежно умытые ранними лужами.

Лёгкие звуки плывут настороженно –
Не улетели б, как сны!
Ах, отчего же они так грустны,
Тёплого ветра порывом встревожены?

Ночь ещё кружится, заморожённая
Белым паденьем цветов.
Но улетает, замолкнуть готов,
Вальс, как печальная птица бессонная.

Взвешенных слов осторожные пленники,
Мы не посмели сберечь
Нежность и хрупкость таинственных встреч,
Звуки чудесные вальса весеннего...

Жизнь

На заре играешь с первым солнцем,
Чьи лучи исчерканы ветвями,
И цветов слетающих червонцы
Ловишь неумелыми руками.

В небе, до гудения бездонном,
Следуя пчелиною тропею,
Облаков неспешные колонны
Поднимают властно за собою.

Но оставшись, скован притяженьем,
Ты растёшь, протягивая руки,
К листьям, что смели цветов кипенье –
Первым провозвестникам разлуки.

А цветы растают лепестками,
Избавляясь от нарядов лишних,
Чтобы не остаться должниками
И взойти рубином первой вишни.

Там рукой уверенной и сильной
С бархата зелёного наряда
Ты срывал сиявшие рубины
И растил простор иного сада.

Только ветви становились круче,
Уходя от устремленья лестниц.
Потемнело небо гроздью тучек –
Хмурых запустения предвестниц.

А в вершине сморщенную кистью
Горсть засохших ягод стынет в муке,
И летят истраченные листья
В слабые и немощные руки...

Южная ночь

Чаша дня июльского выпита.
Дно, обитое тёмным бархатом,
Лентой звёзд многоцветных вышито,
Опрокинуто сферой яркою.

Спрятан месяц в надёжной чёрности,
Нить созвездий сплетает кружево.
Присмирела трава в покорности,
Ликованьем сверчков натружена.

Там взвывают ветра безмолвные
Полотно парусов неявленных,
Тех, что силой ночной наполнены,
Но своим кораблём оставлены.

Чёрный бархат небес колыхается,
Южной ночи царит безумие.
Но крадётся, как кошка крышами,
Серебристое новолуние.

Опадут паруса ненужные,
И затихнет сверчков камлание –
Ночь к рассвету уходит южная
На дневное своё изгнание...

В.

**Топоногова. Букет клевера.
Холст на картоне, гуашь, 24х30, 2014**

* * *

Буйствует разгульная майская метель,
Лепестками белыми кружит карусель.
За твоей улыбкою под ночным шатром
Звёзды хороводятся мелким серебром.

Привела околицей ты меня в свой сад
И ведёшь уверенно, и не прячешь взгляд.
До крыльца тропиночка – несколько шагов,
А слова прощальные – несколько слогов.

Промолчу, не выскажу, тихо отступлю.
Что же я поделаю, если не люблю?
Лишь крыльцо скрипучее выдаст беглеца,
Да улыбка скатится с твоего лица.

За собой калитку я тихо затворю,
И с бродягой-месяцем мы уйдём в зарю.
Не печалься, милая, впереди рассвет –
Поцелует солнышко слёз ненужных след...

Дальновидный начальник (басня)

В раздумьи Лев над гороскопами корпел:
Кому ж возглавить дать передовой отдел?
(Кабан, что был начальником в отделе,
На пенсию ушёл на той неделе).

Вот Волк – способный очень вроде малый –
С работой он справится, пожалуй?
Но нет, нельзя, по звёздам не годится:
Ведь у него Сатурн не в тот тригон стремится!

И Тигра не поставишь, хоть и ловок:
В фамилии сложи все буквы без уловок
(Точнее – цифры, что значенье букв имеют),
Ну и получится, увы, число злодея!

Лисичка и умна, и хитрости в достатке,
Красноречива, вежливы повадки!
Да вот беда – рисунок на ладошках
Не тот. Не подошла немножко.

Вчера Баран назначен был на руководство.
Тупой. Но в гороскопах – превосходство!

Шакал и Заяц (басня)

Шакал среди лесной братвы известен был
 Всё больше тем, что складно говорил.
 Уж как он развернёт цветистый хвост речей -
 Где твой Павлин! Лишь видом тот ловчей,
 А убедить кого – Павлин ни бе, ни ме.
 Шакал же неказист, но при своём уме.
 Он даже, как овец лишились пастухи,
 Всех убедил – не волчьи то грехи.

* * *

У Зайца серого в тот год - кругом напасть.
 Такие хлопоты, уж как бы не пропасть:
 Капуста высохла, морковку выел крот.
 Глядит Зайчишка на пустынный огород:

Там корешки, там сорная трава,
 А там виднеется пожухлая ботва.
 По правде – сам дошёл он до беды:
 Не удобрял, видать, да пожалел воды.

Но тут Шакал сладкоречивый подоспел:
 «Ох, Серый, Лев-то как рассвирепел!
 Дождь запретил да натравил кротов –
 Сжить со свету тебя, мой друг, готов!

Ты не молчи, не трусь, не трепещи!
 К нему явись да истину сыщи,
 Всё выскажи тирану без опаски –
 Он убоится правды и огласки!»

Шакаля правда лишь Шакалам будет впрок:
 Как только Заяц преступил порог
 Пещеры Львиной, обличая и крича, –
 Был съеден. Лев же вновь уснул, ворча.

А что же наш Шакал? Ну, он не пропадёт,
 И Заяцев глупых на свой век всегда найдёт!

* * *

Чтоб вырастить морковь, ты потрудись сперва,
 И не внимай Шакалам, что грешат на Льва.

ПОЭЗИЯ

Евгения Худякова

(МОССАЛИТ, Москва)

Красная память осени

Серебристость паутинок жемчугами стелет берег,
И мечты взролеют быстро, затуманивая взгляд...
Шёпот музыки и ветра плавают колокольчик сердца,
Звон его на наковальне карандаш мой слышать рад.

Лист воскресный бредит лесом в золотых погонах утра,
Алое крылечко карты разбросало на углях,
Босиком - листва по клумбам и по чёрным стылым лужам,
Чтоб медовыми словами расписаться на стихах.

Бог губам продрогших улиц капли слов несёт на нитях
Паутинок, чьи печали на оранжевой груди
Пьют стеклянные свиданья в ризах осени промокшей,
Чьё охрипшее посланье красным почерком грустит.

Якоря стволов высоких тащат жизнь сквозь жёлтый гребень,
И венки рябин в просветах примеряют ремесло
Всех задушенных поэтов, чей престол пока не роздан,
В колее которых племя новым веком проросло.

Бутоны лотосов

Река любви, во мне сдвигая камень,
Вдруг прорвалась серебряным плащом,
Раздвинув щели всех прикрытых ставень,
Вновь до краёв наполнила мой дом.

И кисточкой таинственной и властной
Всю ночь мне рисовала на спине...
И проросли под дрожью золотистой
Бутоны влажных лотосов на мне.

Зерно

А из гробницы фараона
Вдруг проросло зерно...
Вобравшее в себя зов стона,
Звало оно.

Мостками шаткими качаясь
Меж вековой пыли,
Анисом пахло, прикасаясь
К щекам Земли.

Чернильная роза

Никто не нарушил верность,
Где искры любви и глицер...
Разлита вселенская нежность
Чернильною розою, сэр.

И ваша душа вся в заплатах,
Где мята, полынь, базилик,
Не мною вновь будет распята -
Священен ваш сумрачный лик.

И если вы в лунных сонатах,
Весь жемчуг лагуны собрав,
Прошепчете: «Ты, виновата,
Себя у меня отобрав», -

В ответ улыбнусь: «Вы... хотели,
В молчанье губу закусив,
Чтоб свитки небес улетели,
Оставив вам пенный мотив».

Радужные капли

Пахучие жасминные сады
И дымный луг, парящий над землёю
Крылом тумана, где тропой витою,
Дрожат камня в зеркальцах воды.

И вспыхивают ноги в серебре,
Когда мы босиком бежим сквозь утро,
И шепчут нам травинки вслед попутно:
- Смотрите, боги блещут на горе.

Зимний эскиз

Был зимний день, как белый холст.
Небес синеющие перья,
Как пачки девочек Дега;
Он осветлял, сливаясь с пеньем

Трамваев, дальних дымных труб,
Мерцаньем фосфора столицы.
И плыл невыспавшийся сон,
Туманно проявляя лица,

Где игловатый иней фраз
Рассветной корочкой морозной
Хрустел над ожерельем луж,
И речь воды была тревожной.

А лёгкие лампы птиц
Висели в небе еле-еле,
И расцветал вдали эскиз
Под лёгким пальчиком метели.

Август

Мне ожерелья синих слив
 На медные ложатся плечи,
 А пряный август разлив
 Сквозь плащ надорванный жжёт свечи.

Его янтарные глаза
 Косят на красные колени,
 И дымом выжата слеза,
 В стеклянные зажата тени.

Там шрамы веток всё длинней,
 И грех с оранжевой лампы
 Свой золотой о тайне дней
 Забросил в лес мерцать сквозь складки.

На стекле морозном хрупко

На стекле морозном хрупко
 Перламутровый цветок
 Вьётся инеем и робко
 Распускает стебелёк.

А луна, напудрив щёки,
 Смотрит в дымчатость стекла,
 Там, где мальчик луноокий
 И свеча, как шар, светла.

В сердце мальчика целуя,
 Карамельная луна
 Дальним звуком: «Аллилуйя», -
 Заманила в зеркала.

Сад атласный чуть качает
 Накрахмаленный платок,
 В бахроме ветвей мерцает
 Белый детский башмачок.

Поэт. Памяти Леонида Губанова

К губам твоим мне не доплыть,
 Губановской строки похмелье
 Манит среди запруд испить
 Живой и мёртвой влаги зелье.

Где бродит Слово, как вино,
 Что, настоявшись, побежало
 Дорогой белой, и перо
 Льёт ядом творческого жала.

Ты спишь с Окой в обнимку вновь,
 И полдни вёрст твоих несутся,
 А соты строк хранят любовь
 И мёд разносят в книжных блюдах.

И ливень, и чертополох
 За пазухой хранят твой почерк,
 И рифмой воскрешённый слог
 Средь клюквенных несётся кочек.

Где красные сандали слов,
 Перу послушные, скандалят
 И, критику презрев чинов,
 Строкою первозданной манят.

Мир вспоминает о тебе,
 Хоть ты час славы не дослушал,
 Но ливни строк твоей судьбе
 Несут поток вселенский - слушай!

Как хлынули твои слова,
 Смывая старые запреты,
 И поросли взошла глава
 Через листы на смерть поэта.

Вновь - вечерний туман в пелене...

Вновь - вечерний туман в пелене из снежинок в горошек
И дымок фонарей из янтарных осколков и крошек.

Сизый сумрак дрожит, обнимая за снежные плечи,
Белый стих ворожит на пушисто-прозрачном наречьи.
В чаще снега бреду среди призрачных нитей и веток
И никак не найду - где граница меж тьмою и светом.

Там дороги судьбы перепутаны хрупко, незримо,
Между белых берёз заплутали и вёрсты, и зимы.

Только в дыме небес всё курится белеющим пеплом,
И летят иероглифы снежные, тлея под ветром.

Подвеска незнакомки

Вы прохладной рукою брали устриц из блюда,
Ваши тонкие пальцы трепетали во льду,
Ароматом дышали в шлейфе пряного блюза
Вырез платья и перья, словно синь какаду.

Сладострастно-безгрешно и порочно-желанно
Вы манили меня в свою бездну теней
Взглядом дерзко-влекущим, призывая туманно,
Вы, пленяя, мерцали меж зеркал и свечей.

Розовато блистало дно ракушки, как лоно,
Завернув океаны и жемчужины зов,
Трепетал под мускатно-опьяняющим звоном
Свет плеча, проступая через тонкий покров.

Вы привстали, и ветер вдруг рванул занавеску,
И рояль очень дробно озноб застучал,
Вы, влекуще и властно, протянули подвеску
И ушли незнакомкой, чтобы я вас искал...

Вы сегодня загадочны

Лидии Соколовой-Сербской

Вы сегодня загадочны, и легки, и мечтательны,
И мундштук золотистый ваш в синей нитке дымка,
Чуть пружинятся волосы, озорно и пленительно,
И браслет турмалиновый, словно дрожь мотылька.

Ваши плечи покатые беломраморно выгнуты,
И осанки изящество с приоткрытой спиной,
Манят в омуты тёмные, что шелками затянуты,
Плавность жестов чуть вкрадчивых будоражит покой.

Недоступно желанная, выпив кофе, уходите,
Бирюзовыми взорами осветив темноту,
И в туманах сиреневых очарованно бродите,
Молчаливо и царственно, забыв суету.

Улыбаетесь мыслям вы, скрыв печаль потаённую,
И о чём-то мечтаете в расколдованной мгле,
Ну а утром накинете снова степень учёную
И пойдёте, покорная, по остывшей золе.

Сны в синих скалах

Вечернюю медь тишины,
Сверкнувшую строчкой алой,
Обнимут заснеженно сны
В высоких горах устало.

За дальним рычаньем грозы
Зелёным золотом вспыхнет
Твой взгляд в просветах лозы,
И тень чёрной кошкой вздрогнет.

В пространстве раздвинув круг
Застывших сводов зеркальных,
Ты снова угасший слух
Наполнишь звуком сакральным.

За кладбищем белых слонов,
На чёрном стекле колодца,
Меня ты увидишь вновь,
В кувшин зачерпнувши солнца.

**В. Топоногова. Белые лилии.
Холст, масло, 50x70, 2014**

Сёстры Цветаевы в Феодосии

«Мы дочери царя...»

М. Цветаева

Иду Феодосийскою тропею
 Сквозь летний зной,
 Вдруг смех и звон браслетов предо мною
 Плеснул волной.

И две цыганских юбки покачнулись
 В лучах перстней...
 "Мы дочери царя", - и оглянулись,
 Взгляд стал темней.

И тайна, красной чарою мгновенья
 Вспорхнула вдаль,
 В два голоса качнув стихотворение
 И бус миндаля.

- Марина, Мара, почитай о Солнце!
 - Нет, Ася, ты!
 И радуга созвучий сквозь оконце
 Из пестроты...

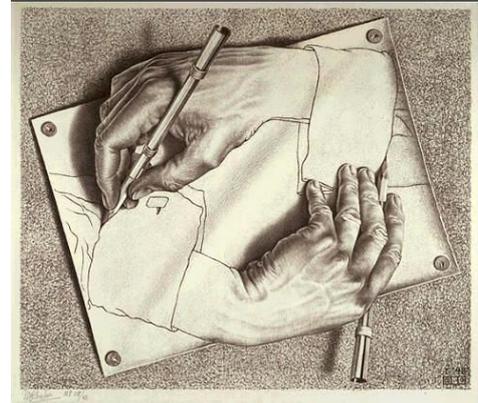
И пляскою огня прикосновение...
 Как огненный цветок,
 Слетел к престолу красоты в смятении
 Любви глоток.

В точёных пальцах шали приподнялись,
 Но пал туман,
 Кочевья слов за колеёй помчались...
 Размылся стан.

Раздвоенность тропинки меж мирами
 Оборвалась...
 И лишь трава, примятая следами,
 Приподнялась.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Кащенко
(Москва)

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Больше всего на свете я хочу три вещи: неофициальную встречу с Богом, суперспособности и безнаказанно курить до ста лет, умерев от обычной старости. Впрочем, ради первого желания я готова пожертвовать двумя остальными, прожив беспросветным унылым серым чмом, бросившим курить из жалости к остаткам здоровья.

Встречу с Богом я себе всегда представляю так. Мы сидим на пухлом белом облачке и дружески болтаем босыми ногами. Бог очень добрый, красивый и большой, похожий на Дамблдора. У него белая чистая борода без крошек и шикарные струящиеся одежды: что именно надето, не разобрать, и это понятно – на то он и Бог, чтобы оставалась хоть какая-то тайна.

У Бога очень мало времени и много дел, и потому он молвит: «Зачем ты хотела встретиться со мной, большая глупая девочка?» Бог, конечно, знает зачем, но просто он очень вежливый и соблюдает приличия и этикет беседы. А я говорю, мол, дорогой Бог, открой мне тайну Мироздания! Тут Бог делает большие круглые глаза, потому что это, во-первых, коммерческая тайна, а во-вторых, я все равно ни хрена не разберусь в алгоритмах.

Но такую возможность я упускать никак не могу; когда еще представится случай узнать о строении мира из уст разработчика? Меня, извините, с детства эта проблема волнует. Капец как волнует, голова раньше взрывалась – вот сколько я об этом думала! Думала бы чуть больше, стала бы не психологом (у меня и справка диплом имеется), а физиком-ядерщиком. Говорят, многие физики-ядерщики после многолетних исследований обращаются к теории божественного происхождения мира. Между тем они идиоты. Ни к чему тратить столько времени на исследования, чтобы понять простую истину: само по себе делением и почкованием ничего эволюционировать не могло. Просто коммунисты, марксисты и прочие ленинисты переврали теорию Дарвина, который по сей день вращается в гробу вокруг своей оси со скоростью света, – представляете, сколько в мире ежеминутно проводится уроков биологии?

И я бы сказала, мол, дорогой Бог! У меня обостренное чувство справедливости: меня обманывали родители (будешь плохо учиться – станешь дворником), учителя (Ленин любил детей, а между тем Ленин был чайлдфри, и у него детей вообще не было, и что такое – любить чужих детей, когда это как минимум необременительно для кармана, но может быть и опасно, потому что педофилия) и правительство (мы стали более лучше одеваться, мы уже в светлом будущем), – так вот, дорогой Бог, открой мне правду, как все устроено, и я клянусь, что никому не расскажу!

Он добродушно рассмеется в седые усы, позвонит по селектору архангелу Михаилу и перенесет все встречи на завтра, потому что тут, видишь ли, Михаил, странное дело – в кои-то веки человек за знаниями пришел, а не как обычно – дай миллион и жениха богатого.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Бог подоткнет облачко поудобнее, вынет из рукава подушечку и приглушит свет. И вдруг откуда ни возьмись начнут летать графики, алгоритмы и тонны двоичного кода (потому что все гениальное просто), все такое красивое, неоновое, в бирюзовых оттенках. И я просто охренею от такой красоты неземной (и это не метафора, а потому что мы на самом деле не на земле, а на облачке, в неофициальной обстановке). А потом у меня крыша поедет, потому что все ужас как сложно и запутано. Просто обалдеть - не встать, уму не постижимо! И скажу я: «Господи, ты тако-о-ой умный, капец просто! Что это? Как это? Расскажи простыми словами». У меня от напряжения аж капли пота на лбу выступят. А Бог такой усмехнется и скажет...

И на самом, блин, интересном месте я проснусь, потому что зазвонит будильник, или какой-нибудь идиот включит громко музыку, или работник горгаза начнет долбиться в дверь, потому что нет в этом чертовом мире ни правды, ни справедливости. Ну или просто потому, что простым смертным такие знания все равно ни к чему, так как лишней подходящей планеты для улучшения проекта все равно пока что не обнаружили. Такие дела.

ПИСЬМА К ВООБРАЖАЕМОМУ МУЖУ

Письмо первое

Привет, муж. Как дела, муж? Где живешь, муж? Родился ли ты вообще, муж?

У меня все хорошо. Скучаю по твоим карим, зеленым, синим, серым глазам; большим, небольшим, сухим, волосатым ладоням; могучей, впалой, ворсистой, лысой груди и заливистому, звонкому, булькающему, икающему смеху. Ты, муж, сам подчеркни правильные варианты и перешли мне обратным письмом, а то уже надо как-то определиться.

Как я уже говорила, у меня все хорошо. Сегодня пошла в тренажерный зал. Нет, ты не подумай, пока только записаться. Вместо потных мужчин с бычьими шеями меня встретила администратор с халой, так что причин для ревности нет совершенно никаких. Я радостно топталась на входе, и она спросила меня: «Что вы хотите?»

Я хочу бить людей штангой, разбрасывать гантели и кидать гири в окно - это я, конечно, про себя подумала, а вслух такая говорю: «Я хочу пройти квест “Похудей к лету”. Знаете, я ближе к каждому лету хочу похудеть к лету, и так много лет. Короче, это был долгий путь, но я дошла. И буду - вы не поверите - тренироваться, да».

Ха, ха! Я смеюсь вам в лицо! - это она, конечно, про себя подумала, а вслух такая говорит: «У нас тут велотренажеров нет, только силовые». Ну она это специально, чтобы меня отпугнуть.

Окей, говорю, какая форма одежды принята в ваших хардкорных краях? Хала перегнулась через ресепшен, осмотрела меня с ног и до головы и велела приходить в кроссовках. И каких-нибудь удобных штанов.

Поэтому, муж, готовься, в выходные у нас шоппинг – поедем за кроссовками, удобными штанами и каким-нибудь спортивным лифчиком в виде футболки. Ты не любишь шоппинг, я не люблю шоппинг, а что поделывать? Это жизнь, детка, это жизнь.

Ладно, муж, я пойду, муж, дел - за гланды. Пиши, люлю, целюлю, твоя О.

P.S. Как у вас погода?

Письмо второе

Привет, муж. Как дела, муж? Я решила тебя наименовать, муж. У мужей обычно есть клички имена, поэтому теперь ты Терентий. Но если ты и взаправду Терентий, то сходи в паспортный стол и поменяй имя. Сгодится Саша, Вова или, на худой конец, Толян/Колян. А если ты, Терентий, вдруг Геннадий, то сделай всё точно так же по инструкции, как если ты Терентий, потому что теще твоей, Терентий, не нравится имя Геннадий. Мне наследственно тоже, ну ты понял.

Купила сегодня всё для тренажерного зала и ещё коньки. В довесок решила записаться в кружок стрельбы из арбалета. Так что если ты пьешь, Терентий, то не пей, потому что арбалетные болты тяжелее, чем скалка и сковорода. Кроме того, мечтаю о секции тайского бокса. Поэтому бойся меня, Терентий будь осторожен, Терентий, жизнь полна неожиданностей.

Ладно, Терентий, пойду я. В понедельник первая тренировка, надо как-то морально подготовиться, прям щас и начну. А ты там скучай как следует, пиши и всё такое. Люлю, целую, твоя О.

P.S. Кошка наша опять плакала, спрашивала, где папа. Что ж ты плодишь безотцовщину, Терентий?

Письмо третье

Привет, Терентий. Как живешь-можешь? У меня все хорошо. Подбрасывала монетку и выяснила, что ты высокий зеленоглазый брюнет с могучей грудью и мохнатыми ладошками. Терентий, ну ты бы их брил, что ли! Или, там, на фотоэпиляцию сходил, короче, надо с этим что-то делать. Даже не знаю, как при твоей-то профессии так себя запускать. Ты же кузнец, Терентий... или кардиохирург? Блин, там, короче, непонятно было: монетка ребром встала. В общем, сходи к своим коллегам и как-то реши эту проблему – или каленым железом выжигай, или с помощью медицины.

Но первый вариант предпочтительнее, тогда у тебя не будет отпечатков пальцев и ладоней, да и от самих ладоней мало что останется, поэтому мы станем как Бонни и Клайд. Будем петь, веселиться, скакать по прериям и грабить дилижансы. Ты будешь с жжеными ладонями, а я просто в перчатках. Обещаю, будет весело. А потом нас убьют. Не, не так. А потом мы поженимся. Не, тоже не то. А! А потом мы состаримся, во. Траст ми, всё так и будет. Но и на старости лет я тебе тоже никакого покою не дам, и в этом траст ми ту.

Так что ты, Терентий, отдохни пока как следует, запасись впрок релаксом... короче, поживи пока, Терентий. Твоя Бо.

P.S. Начиная с зарплаты делать накопления – кошке нашей в этом году в школу, не пойдет же она в чем попало. Что люди скажут?

Письмо четвертое

Салют, Терентий! Как ты? Жив, курилка? Решила добить тебя окончательно и купила скакалку. Считается, что это не только полезный снаряд для физической нагрузки, но и важная многофункциональная вещь в домашнем хозяйстве. Скакалку можно использовать как ремень, лассо и веревку. Поэтому если ты пьешь, Терентий, то не пей, не то стану тебя арканить, лупить и привязывать за мохнатые ладошки к батареем.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

У меня все хорошо – работаю, пою в расческу и пугаю кошку. Иногда выхожу на улицу; представляешь, уже весна! А я ведь только собралась на коток.

Ладно, Терентий, засим заканчиваю свое трепетное послание. Ты пиши там, чего уж. И фотокарточку пришли. Ну, покедова, твоя Бо.

P.S. Кошка наша к школе просила ранец со стразами Сваровски. Найди и купи. А если не найдешь, сшей и сделай все как надо. Ты же кузнец, Терентий. Или кардиохирург... Короче, выкрутишься.

Письмо пятое

Здравствуй, Терёша. Сижу на диете, злая и голодная, а потому, как у тебя дела, совершенно не важно. Если ты вкусно ешь хотя бы два раза в день, значит, у тебя всё хорошо, лучше не придумашь, и вообще, грех тебе жаловаться при такой-то жене.

Что ты мне подаришь на 8-е Марта? Ужасно хочется барабан, саблю и пистолет, но сгодится букет ирисов (лучше в корзинке, а не в газете), арбалет и новый трактор – внезапно захотелось протарахтеть с ветерком по своим холмам да полям, которые я пока еще не купила, но мало ли? Ты только смотри, Терентий, внимательно, чтоб не подсунули абы что. И выбирай синий или красный, мне по цветотипу лица другие не подойдут.

Еще хотелось бы лошадку – белую, в яблоках, но можно и без. К лошадке я куплю себе белые одежды, как у Гэндальфа, палку колдунскую и стану охаживать всех добром направо и налево, пока не надоест. А то как-то заскучала я, засиделась, хочется встрепенуться, размять белы рученьки да силу богатырскую. Ты не пугайся, после диеты всегда так – прилив сил и придури.

Ладно, Терёша, пойду я, хрен ли лясы точить, если кошка еще не доена? Пиши чаще, твоя Бо.

P.S. Как успехи с эпиляцией ладошек? Помогает?

Письмо шестое

Знаешь, Терентий, как-то ты расстроил меня с этим трактором, что вот даже здороваться с тобой не хочу. Черт бы с ними, с ирисами, но вот трактор – это, Терёша, конкретная заноза. И ты после такого еще на что-то рассчитываешь?

И фотокарточку, опять же, в окно не подбрасываешь. А ведь это, Терентий, серьезный тактический провал и стратегическая недалёковидность. Моя семья в тебя не верит, мама в тебя не верит, кошка в тебя уже почти не верит. Ну и как мне, по-твоему, удерживать боевые позиции без подкрепления?

А мама вот стратег, да; прямо Македонский. Она зарегистрировалась на сайте знакомств и написала: «Ищу зятя». Понимаешь, Терёша, куда ветер дует? Уже есть несколько женихов на выбор, и, если так дальше пойдет, у меня скоро будет полный комплект «Неделька». И между прочим, Терентий, там сидят суровые парни, охочие до домашних борщей и фехтования на скалках у уютного камелька. Их счастье, что борщи и уют я умею плохо, а вот если бы хорошо?

Так что, Терёша, я посижу, подумаю, потому как хоть ты и высокий красавец-брюнет, но у тебя, во-первых, с ладошками непроходимая засада, а во-вторых, трактор не даришь. Можно ли положиться на такого человека? Должно ли вверить свою судьбу вместе с рукой, сердцем и другими частями тела? Ты уж потрудись, развеяй мои сомнения.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

А мы с кошкой пока обнимемся и поплачем, дабы очиститься во страданиях, а потом сходим на дискотеку или концерт какой – надо же как-то развеяться. Пиши, Терентий, пиши, хотя бы по слогам. Временно не твоя Бо.

P.S. Хрен тебе, а не постскриптум при таком-то отношении

Письмо седьмое, и последнее

Знаешь, Терентий, что-то не складывается у меня со стрельбой из арбалета. Ох, любит тебя боженька, бережёт. Даже и не знаю, за какие такие заслуги, толку ведь от тебя, как от стеклянной двери в туалете.

У меня всё хорошо – ем овсяную кашу, сплю в позе звезды и снежинки, обнимаюсь с кошкой и строю планы по завоеванию мира. Весной всегда так, это просто обострение. Но ты не бойся, Терентий, в мае всё пройдёт. А пока не прошло, сижу вот, наслаждаюсь манией величия, потому что эта мания – заманчивая такая штука. Рисует мне новые горизонты, планы и еще какую-то сиреневенькую хрень на заднем плане.

А сама я пока ничего не рисую. Я теперь CEO, Терентий. *Understand?* Потому рисовать, стрелять из арбалета и варить борщи решительно некогда. К тому же борщи у меня получаются только иногда, а пироги не получаются вовсе. Но если тебе придет охота пожевать сладкую подгоревшую сплюсненную подошву, которая могла бы быть кексом, я спеку. И посыплю сахарной пудрой. Подслащу пилюлю, так сказать. Но для нас обоих будет лучше, если готовить станешь ты. Поэтому запишись на кулинарные курсы и купи книгу с рецептами. Или даже несколько - даешь разнообразие и минимизацию рисков!

Ну, будь здоров, Терентий. Пиши. Или звони, ежели писать не умеешь; телефон знамо какой: три ноля по батареям. Твоя Бо.

P.S. Если ты еще трактор не купил - не беда, мне теперь велосипед охота. Присмотри что-нибудь стильное, модное, современное и на четырех колесах – не ровен час, расшибусь.

КАК Я ТРАКТОР ВОДИЛА

После переезда в деревню (лес, глушь, Рязанская область) я себе сразу наметила программу-минимум из развлечений – покататься на тракторе, научиться на лошадке, упасть с лодки на рыбалке и не отравиться грибами. До рыбалки и грибов дело еще не дошло, зато вот трактор уже случился. Тракторист не фотограф, просто *trust me*, в тракторе сижу я, буквально под порогом дома.

А дело было так: мне понадобилось в банкомат (здесь это событие, да). Так бы ни за что не поехала, но где же денег в другом месте взять? Я в одних гребенях, банкомат в других, самый короткий путь между деревнями – на тракторе. Ну, думаю, душу отведу – прокачусь как следует, а то скоро зима, а я еще ни разу.

А дороги у нас какие? Капец какие у нас дороги. Вся вот эта хрень на внедорожниках по грязи, на болотах и в песках – они просто младенцы по сравнению с нашими дорогами. На наших дорогах можно Париж – Дакар проводить, и мы всегда-всегда будем побеждать, потому что иностранцы такого залихватского раззвиздьяства отродясь не видывали.

В общем, где-то с километр тракторист сам трепыхался, а потом мне дали руль и – *wow!* Если коротко, полдороги в одну сторону я сама, считай, и проехала. А если эмоционально, то всё на самом деле было вот как.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Мы летели, как всадники Апокалипсиса, – пыль столбом, дороги раздолбанные, двери нараспашку, потому как иначе там сдохнешь от жары за три минуты; в ушах какой-то душераздирающий свист и среди этого хрипит, буквально прорывается на волю шансон. А потом выяснилось, что вовсе мы никуда и не летели, это просто такая вот особенность езды на тракторе – ты болтаешься по всей кабине как сами-знаете-что в проруби, бьешься головой обо что придётся, и от того тебе чудятся скорости да гонки сумасшедшие. Впрочем, на тракторе можно гонять. Нет, не так – ГОНЯТЬ. Я погоняла – начала на пустынном отрезке безупречной асфальтированной дороги, с воплями «Йо-х-хо! Как же зашибись!» и таким вот образом влетела в деревню. А там люди по кустам, в общем-то, ничего плохого мне не сделали. Я скорость сбавила, еду вся такая принцесса городская – бросаю розы, раздаю автографы, в ярко-розовой футболке, всем улыбаюсь. Мужики, конечно, прутся, чай, не каждый день цирк в деревню заезжает.

Вообще, жалко, что фоток самой поездки нет. Хотя здесь пригодилось бы кино. Оно примерно такое.

Автор за рулем трактора

Впереди меня камеры, с разных ракурсов. К ним намертво привязаны операторы, потому что дороги же капец у нас какие, а снимать нужно природу, как есть, павильон не подойдёт. Сначала ракурс дальний, зрителю ничего не понятно – он видит странное розовое размытое пятно за грязными стёклами трактора. Пятно зычно кричит в открытые двери «Эх! Зашибись!», крики разносятся эхом по лугам, замертво падают грачи, вороны и старые деревья. Потом камера подъезжает и там сразу видно, что это я, загорелая и очень-очень красивая!

Смотрю вдаль, а на лице такая суровая как бы нежность; такая радость первородная. Я всем своим видом символизирую, до чего на природе жить хорошо, и это видно по цвету лица; и что трактор – это довольно прибыльно, потому как футболка у меня модная. То есть мы вместе с трактором, лесами и футболкой до зрителя со страшной силой стараемся донести, что в городе делать решительно нечего, и делаем это вполне искренне, зритель верит, режиссёр плачет, массовка аплодирует.

Вообще, конечно, это было умопомрачительно. Рулю как умею, смотрю на просторы родные и думаю, что никак я этими видами напиться не могу, воздухом этим надышаться не могу. До того душу рвёт, что хоть самогон с собой вози и хреначь с горла, как тоска приделает. Мне теперь понятно, почему трактористы пьют – нельзя не пить, вот просто нельзя!

Лет через пятьдесят решила устроиться на колхозное поле пугалом – хочу стоять себе весь день на подставочке (она такая высокотехнологичная, крутится вокруг своей оси, а еще по рельсам специальным вдоль поля катается), смотреть на всю эту красоту бескрайнюю с утра до ночи и думать, мол, какого чёрта раньше не устроилась? Суета сует, всё прах и тлен, одно вечно – этот воздух звенящий и бесконечные луга с травами да цветами.

Теперь осталось научиться водить лошадь, камаз и самолёт, и станет мне полное счастье.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Владимир Борисов

(МОССАЛИТ, Москва)

ВОВКИНА ЗВЕЗДОЧКА, или ОНА БЫЛА КРАСИВАЯ И ГОЛУБАЯ

(для детей старшего школьного возраста)

Рядом с зоной, метрах в пятистах от крайней угловой вышки, на которой днем и ночью торчал полусонный вертухай, одетый согласно погоде и уставу, расположилось свободное поселение, в народе обзываемое Шанхаем.

Небольшое - домов тридцать, а то и меньше, - оно раскинулось на берегу озера Байкал лет сорок тому назад, примерно тогда, когда там появилась лесопилка, снабженная двумя ветхозаветными пилорамами. Население Шанхая составляли в основном расконвоированные заключенные с небольшими сроками, бывшие зэка, которым на материк, а тем паче в большие города, путь был заказан согласно приговору, да нескольких «вольняшек», специалистов приехавших в эти места в надежде заработать большие деньги.

Начальник зоны подполковник Тараван, в новеньком, белой кожи тулупе, туго перетянутом блестящей портупеей, при кобуре и в собачьих унтах, появился на лесопилке неожиданно и, нюхнув щепотку свежих опилок, направился к Александру Вепреву, вот уже несколько лет руководившему этими двумя пилорамами.

- Ну, как дела, Саша? - вместо приветствия поинтересовался Тараван и, присев на березовый сучковатый чурбачок и щурясь, словно сытый кот, окинул взглядом высокие штабеля сосновых досок.

- Нормально, гражданин начальник. Если с соляркой перебоев не будет, то процентов двести можете смело записывать.

Вепрев возвышался над сидевшим офицером, огромный, в промасленной до антрацитового блеска телогрейке и стоптанных расплющенных валенках. От мокрых от пота, кудрявых и таких же, как телогрейка, черных и блестящих, без намеков на седину волос валил пар.

- Ну а как дома? Как жена, как сын?

- Вовка-то? - Вепрев расплылся в довольной и счастливой улыбке. - Во втором учится. Ни одной четверки, учителя хвалят. Говорят, память феноменальная. Стихи пишет к тому же...

Глядя на него, сразу было понятно, что Вовка был особой гордостью этого большого и сильного мужчины.

- Вы знаете, товарищ начальник, я сам удивляюсь, как такое могло приключиться? Как у меня, самого обыкновенного бывшего зэка, мог уродиться такой головастый пацан? Вот ведь парадокс! - Сашка громко и раскатисто расхохотался и в чувствах шлепнул брезентовыми рукавицами по засыпанному опилками снегу.

Тараван не без зависти посмотрел на Вепрева и протянул Александру цветастую картонку.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

- Вот твоему сыну билет на городскую елку. Завтра в четырнадцать ноль ноль посадишь сына в машину к счетоводу. Он довезет его до Дома культуры, а к вечеру заберет. Кстати, накажи Вовке, чтобы билет этот не потерял. Иначе останется без подарка отличник твой... Ну, давай...

Он ушел в темноту, туда, где лаяли цепные сторожевые псы, а Вепрев долго и удивленно-радостно рассматривал лощеный, ярко разукрашенный пригласительный билет на елку.

Всю ночь Сашкина жена, мать Вовки, невысокая, темноглазая Верка, из местных, из сибирячек, утюжила и штопала рубашку, брючки и пиджачок сыну. Она громко брызгала ртом воду под раскаленный утюг и так же громко переговаривалась с сонным мужем, в который раз благодарила начальника зоны и господ Бога, иногда, спохватываясь, поглядывала за шторку, где на панцирной кровати, свернувшись калачиком, спал ее Вовка.

...Перед Домом культуры возвышалась огромная разлапистая ель, богато украшенная игрушками и серебристой мишурой.

В распахнутые двери Вовка вошел не без робости, широко распахнутыми глазами разглядывая просторный холл с белыми колоннами, увитыми гирляндами и сосновыми лапами.

- Мальчик, снимай пальто. Я тебе номерок дам, - проговорила пухлая, ярко напояженная деваха в высоком кокошнике и длинном, обшитом стеклярусом сарафане, стоявшая возле стойки гардероба.

- А его не попрут? - Мальчишка с сомнением разглядывал детские шубки и пальто, развешанные на крючках.

- Такое пальто уж точно не украдут, - отчего-то насмешливо бросила гардеробщица и помогла Вовке раздеться.

Мальчишка заправил брючки в валенки, решительно застегнул верхнюю пуговку на белой рубашке и, забыв про смешливую девицу, направился к высокой мраморной лестнице, отчаянно соображая, как ему подняться наверх, не наступая при этом на темно-бордовую ковровую дорожку, которой зачем-то была застелена и без того очень красивая лестница.

День пролетел незаметно. Веселые клоуны, переодетые в обезьянок девчонки, акробаты, Снегурочка и огромный белобородый и красноносый Дед Мороз - все смешалось в стриженной под челку Вовкиной голове. А когда Снегурка, тщательно сверяясь с длинным списком, выдала парнишке подарок в картонной, украшенной снежинками коробке, он понял: вот оно, настоящее счастье! Горсть конфет, пачка печенья, большое яблоко в темных пятнах и самое главное: три маленьких солнышка – мандаринки.

Вовка глубоко вдохнул божественный запах, исходящий из картонной коробочки, но, упрямо качнув головой, решительно прикрыл крышку и направился за своим пальто к распаренной и явно уставшей уже гардеробщице.

Дед Мороз, выйдя на крыльцо, громко ударил посохом и зычно выкрикнул:

- А теперь, девочки и мальчики, каждый из вас может снять с елки любую понравившуюся ему игрушку. Это вам мой подарок на память! И еще раз поздравляю всех вас с новым, 1963 годом!

Толпой ребята бросились к елке, стоящей на улице, и начали, громко переговариваясь, снимать игрушки, одну за другой...

Вовка стоял и замороженно смотрел на удивительно красивую, прозрачную, словно леденец, голубую ледяную звезду.

- Нравится? – грустно проговорил подошедший к мальчишке Дед Мороз и, хмыкнув, снял с ветки голубой Вовкин выбор.

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

Всю обратную дорогу, пока ехал в холодной кабине уазика счетовода, Вовка гладил лохматой варежкой звезду, разглядывая сквозь ее голубые, льдистые грани пролетающий мимо заснеженный пейзаж, сопки и сосны.

- Да, Вовка... Не ходишь тебе при галстуках. Нет, не ходишь. Нет в тебе хитрости. Совсем нет... - проговорил смущенно Вовкин отец, внимательно разглядывая голубое, влажно поблескивающее чудо.

Перед сном Вовка положил звезду рядом со своей кроватью на дощатый, застеленный домотканой дорожкой пол.

- Спи, звездочка, спи, - проговорил он утомленно и тотчас же уснул.

Рано утром, тщетно перевернув отчего-то влажный половик, Вовка с плачем вбежал в комнату:

- Папа, мама, а звездочки-то нигде нет!

Верка ахнула и, с грохотом уронив на пол охапку дров, с ужасом и надеждой посмотрела на Александра.

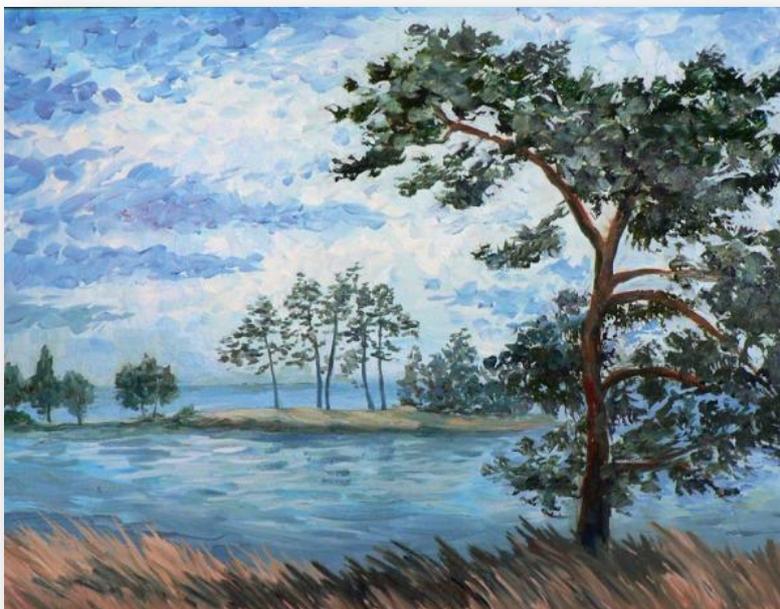
- Как нет?!

Отец схватил в охапку заплаканного сына и, рванув дверь, выскочил на улицу.

- Смотри, Вовка. Вот же она... Вон!

И ткнул пальцем в первую попавшуюся яркую звезду, сиявшую над черным северным горизонтом.

- Да. Это она. Она была такая же, голубая и красивая... - всхлипнул, успокаиваясь, Вовка и обнял отца за шею, крепкую и сильную.

В. Топоногова. Валаамские сосны. Холст на картоне, масло, 40x50, 2013

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Вероника Черных
(Москва)

ГОЛУБЬ В КОРОБКЕ

Как-то ясным летним вечером пошли Артём с мамой на школьный стадион кататься на роликах. Мама на роликах не каталась, но ей очень хотелось научить этому сына.

Школьный стадион не пустовал: на дальней скамейке сидели две женщины, а на спортивных снарядах играли две девочки, им было лет по семь, как и Артёмке. Артём солидно достал из рюкзака красно-чёрные ролики и обулся. Мама ему не помогала, поэтому получилось долго. Но это неважно. Обуваясь, Артём поглядывал на большую картонную коробку с прорезями для рук – чтобы коробку эту переносить с места на место. Интересно, чего она там стоит? Зачем?

Вдруг Артём заметил в прорези белую птичью головку. Голубь! Мальчик тут же сказал об этом маме. Та удивилась: зачем, мол, в коробке голубь? Непонятно. Артём предложил голубя освободить, но мама сказала, что неизвестно, зачем и кто посадил в коробку голубя, – может, те женщины, что сидят на дальней скамейке или две девочки на спортивных снарядах? Тогда Артём стал кататься на роликах. Сперва он держал маму за руку крепко-крепко. После двух кругов – просто крепко. После новых двух кругов – крепко за палец. После других двух кругов – слабо за палец, а через круг – отпустил маму вовсе и несколько кругов проездил один, чрезвычайно озабоченный трещинами и бугорками на асфальтовой дорожке.

Устал наконец. Присел на скамейку, соседнюю с той, на которой стояла картонная коробка, переобулся. Мама подошла к коробке, глянула в прорези. Высунулся остренький клюв.

– Интересно, кто и почему посадил голубя в коробку? – задумчиво произнесла мама.

И подняла её. На скамейке лежала аккуратно свёрнутая чистая розовая подстилка. На ней – баночка с водой и мисочка с крошками хлеба. А посреди розовой подстилки сидел прекрасный голубь. Ослепительно белый, почти как только что выпавший снег. Кончик хвоста, крылья, брюшко – в мелких тёмных рябинках.

– Какой красивый голубь! – вырвалось у мамы. – Да, Артём? Посмотри!

Артём добросовестно посмотрел и признал, что голубь действительно очень красивый. Вдруг птица как-то странно перегнула шею, словно хотела очень близко рассмотреть одним глазом на своей подстилке что-то важное. Совсем не по-голубиному. Мама догадалась:

– Так он же больной! У него что-то с шейкой... или один глаз слепой... Теперь понятно, почему его посадили в коробку. Кто-то хотел его спасти от голодной смерти.

– И от кошки, – авторитетно заявил Артём.

– Да, и от кошки, – согласилась мама.

Тут белый голубь с крапинками на крыльях испуганно шарахнулся, вспорхнул... но не полетел. Забился, закрутился в воздухе и упал ворохом перьев на асфальт. Крылья неловко

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

разметал, на лапки поднялся и снова шейку свернул, испуганно выискивая врага одним глазком.

– Ой! – сказала мама. – Удрал! Как же его теперь поймать? Он ведь погибнет!

И они принялись ловить искалеченного голубя. Его было бесконечно жаль, когда он выворачивал белую головку и смотрел одним глазом в небо, которого был лишён; когда торопливо семенил прочь от мамы, пытавшейся его поймать. И когда пытался взлететь, вместо полёта барахтался невысоко над землёй и беспомощно падал вниз, похожий на огромный, распадающийся на крупные лепестки цветок.

Мама с трудом поймала его, испуганного, дрожащего, и снова опустила над ним коробку. Белый голубь затих. Артём спросил с беспокойством:

– И что теперь с ним будет? Он же погибнет!

– Ну... ведь за ним, похоже, кто-то ухаживает... Наверное, за ним скоро придут.

Артём внимательно огляделся вокруг. Никого. Мама вздохнула.

– Знаешь что... – решила она. – Мы с тобой и так хотели купить птицу. Даже клетку приобрели неделю назад. Понимаешь?

– Да.

– Возьмём вместо попугайчиков калеку-голубя? Если его оставить одного, он, конечно, не выживет.

Артём сел на скамейку. Он долго глядел на картонную коробку. В коробке темно. Душно. Ничего не видно. Скучно и страшно.... А в клетке ему будет и светло, и свежо, и всюду простор. Артём будет ставить клетку на балкон, чтобы голубь видел мир. И никакая кошка, или коршун, или ворона до него не доберутся. Артём будет кормить белого голубя и рассказывать о своей жизни.

Недавно он видел во дворе больную девочку в инвалидной коляске. А у Артёма будет больной голубь в инвалидной клетке. Инвалидной – потому что голуби не должны сидеть в клетках. Они должны летать в небе. Но калека-голубь не будет одинок. Как и та больная девочка. О голубе позаботится Артём. Мама и папа. Сестра Дина. Они должны. Ведь голуби – божьи птицы...

И Артём сказал:

– Да, мам. Возьмём его домой. Вместо попугайчиков.

В. Топоногова. Маросейка. Оттепель. Холст на картоне, масло, 40х60, 2014

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

МИР БУДУЩЕГО, или ПОЛЁТЫ НАЯВУ

На столике рядом с ноутбуком пристроилась кружка с кофе. Ароматный дымок тянется вверх, соблазняя сделать глоток. Ну уж нет, слишком горячо, подожду. А пока кофе остывает можно поработать. Здесь хорошо пишется, заодно наблюдаю, размышляю...

За окном кафе мирно проплывают по своим делам прохожие. Машины, бликуя на солнце, мелькают в обычной повседневной суете. Настроение у меня сказочно-хорошее! Даже, я бы сказала, приятно-сказочное. Возникло такое настроение неспроста. Недавно я ходила в кино на удивительно красивую сказку. Помимо увлекательного сюжета, этот фильм оказался наполнен роскошными костюмами, фантастическими декорациями, сочным многообразием цвета и декора. Как же я люблю такие сказочные фильмы и фантастические истории! Выдуманные миры, полные добра и счастья, немыслимые города с феноменальной архитектурой, люди в причудливых ярких одеждах - всё это заряжает меня позитивом и творческим вдохновением. Хочется создать что-то прекрасное и неординарное, впустить немного выдумки и волшебства в обыденную жизнь.

Я всегда ощущала, что тянусь к подобному больше, чем к сегодняшним реалиям. Разумеется, повседневные житейские проблемы не проходили мимо. Но, делая свою обычную земную работу, мысленно я неизменно уходила в миры фантазий и сказочных историй. Нет, не потому, что случайно так получалось. Это было и остаётся моим сознательным выбором. Только мне решать, что может наполнять мою душу, какие эмоции хочу я испытывать, как реагировать на разные ситуации. Только мне дано право расставлять приоритеты в собственной жизни. Уверена, что не одинока в своём выборе. Наверняка многие люди, так же как и я, строят вокруг себя и своих близких некий волшебный мир, наполненный приятностями. Превращают бытовые мелочи в радостные занятия и испытывают удовольствие от проделанной работы. И совершенно правильно! Так и свершается счастье, ежедневное и бесконечное, - по кусочку, маленькими порциями.

И тут я задумалась: получается, человечество, подобно пресловутому сапожнику без сапог, желает одного, делает по-другому, а живёт вообще по-третьему! Тысячи писателей создают образы, сюжеты, города и страны, планеты и миры. Гигантская индустрия кинематографа тратит миллионы на создание грандиозных, великолепных декораций, всевозможных костюмов и аксессуаров. Компьютерщики ошеломляют нас спецэффектами, а гримёры так меняют внешность актёров, что поневоле веришь в реальность персонажей. Посмотрев такой фильм или прочитав книгу, невольно задаёшься вопросом: отчего действительность такая серая и печальная? В чём причина того, что тысячи архитекторов, работая над проектами, даже не пытаются приблизиться к светлым и комфортным образам городов будущего? В то же самое время давно уже существуют технологии строительства

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

дивных зданий, сложнейших мостов и шикарных дорог. В подтверждение моих слов можно найти множество примеров по всему миру.

Зачем фабрики шьют скучную и совсем не украшающую нас одежду? Нет, я не хочу сказать, что вся одежда некрасивая, напротив, с точки зрения современных дизайнеров есть немало интересных моделей. Но это не совсем то, о чём я говорю, не те колоритные и величественные образы из сказок. Ну конечно, на работу в офис нужны современные и удобные вещи, я согласна. Но почему бы не сочетать то и другое? Ведь есть же те художники, которые знают, как одеть человечество в сказочных, выдуманных мирах. Так почему бы не взять за основу все эти прекрасные сказки и волшебные фантастические фильмы? Использовать их, так сказать, как эскизы и руководство к действию. Да ведь не только в одежде дело.

Герои сказок и фэнтези живут сотни лет, а реальные люди страдают от сотни недугов. И хотя учёные давно нашли лекарства от многих болезней, мы по-прежнему глотаем тоннами таблетки и продолжаем болеть.

Вот ещё пример. Каждый день реклама предлагает нам кремы, косметику и прочую ерунду, внушая с экранов: «Вы этого достойны!». А разве мы не достойны, оставаться здоровыми, дышать чистым воздухом, испытывать радость и жить долго в прекрасных городах? Все же знают, что давно придуманы машины, не загрязняющие атмосферу. Так давайте их использовать! Пусть наш мир станет ярче! Разве наши глаза не достойны, смотреть на сочные оттенки окружающих нас вещей, вместо того чтобы наткнуться на серо-грязную действительность?

Согласитесь, у матушки-природы всё продуманно и совершенно! Каждая снежинка неповторима, каждый листочек - это целый сложный самовозрождающийся организм. Всё, что умирает или засыпает к зиме, возрождается весной, и этот процесс бесконечен и цикличен. Животные разных видов и размеров нашли способ существовать в единой системе.

И только люди сумели создать мусор, который не разлагается; фабрики, загрязняющие воздух; оружие, создающее угрозу экологической катастрофы. Но одновременно тысячи книг и фильмов рассказывают нам о таком мире, в котором хочется остаться навсегда. Например, многие мои знакомые, посмотрев «Аватар», поделились возникшим у них желанием поселиться на волшебной планете Пандора. И я с ними согласна! Выйдя из кинотеатра после просмотра этого фильма, я долго оставалась в недоумении: зачем человечество, мечтая вечно жить в сказке, методично уничтожает всё хорошее вокруг себя?!

Что-то в жизни человечества изначально пошло не так, не в том направлении. Затянула нас воронка суицидальной действительности. Прогресс всё сильнее, открытия учёных всё глубже, а человечество всё ближе к концу.

Но ведь пишут же по-прежнему волшебные сказки! Снимают бесподобные фильмы и придумывают всё более совершенные миры! Значит где-то в подсознании тянет людей к прекрасному, тоскует душа по волшебному, просит сердце сказки. И выходим мы из кинотеатров задумчивые, закрываем книгу просветлённые, вспоминаем великие полотна, вдохновившие нас, и, прослушав гениальную музыку, стремимся делать добрые дела.

Наша жизнь так не проста и не легка, так отчего бы не облегчить её, наполнив вполне реальным волшебством? Возможно, тогда мы станем меньше болеть и с большим удовольствием работать?

А может статься, под воздействием регулярных положительных эмоций, люди всё чаще смогут открывать в себе уникальные возможности. Настанет день - и телекинез, телепатия и даже телепортация станут привычным явлением. Животные заговорят с человеком, а деревья поделаются секретом долгой жизни. Птицы научат нас парить на воздушной подушке, и мечта Леонардо да Винчи сбудется: люди смогут летать не во сне, а наяву. Сновидения получат

Московский BAZAR, № 3 (17) 2015 г.

объяснение, и окажется, что сон не что иное, как настоящий портал в другое измерение. Мозг человека наконец-то заработает на все сто процентов.

Как вы думаете, может быть, не всё ещё потеряно для будущего человечества? И однажды раскинется над головой ясное синее небо, наполнит лёгкий чистый, хрустальный воздух, расцветут дикие цветы в зелёных парках. А над белоснежными, сияющими городами будут парить счастливые люди, красивые и вечно молодые...

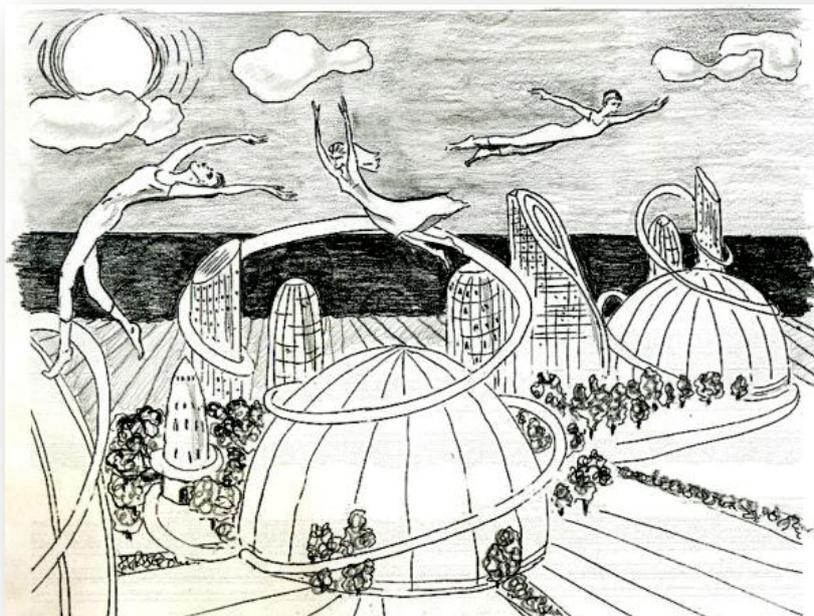

Рис. Анны Народицкой

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2015